

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 12-05-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 12-05-2024

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической изательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»).
115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kraigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Marek - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор , 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» , Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет , Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasiliyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kraigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

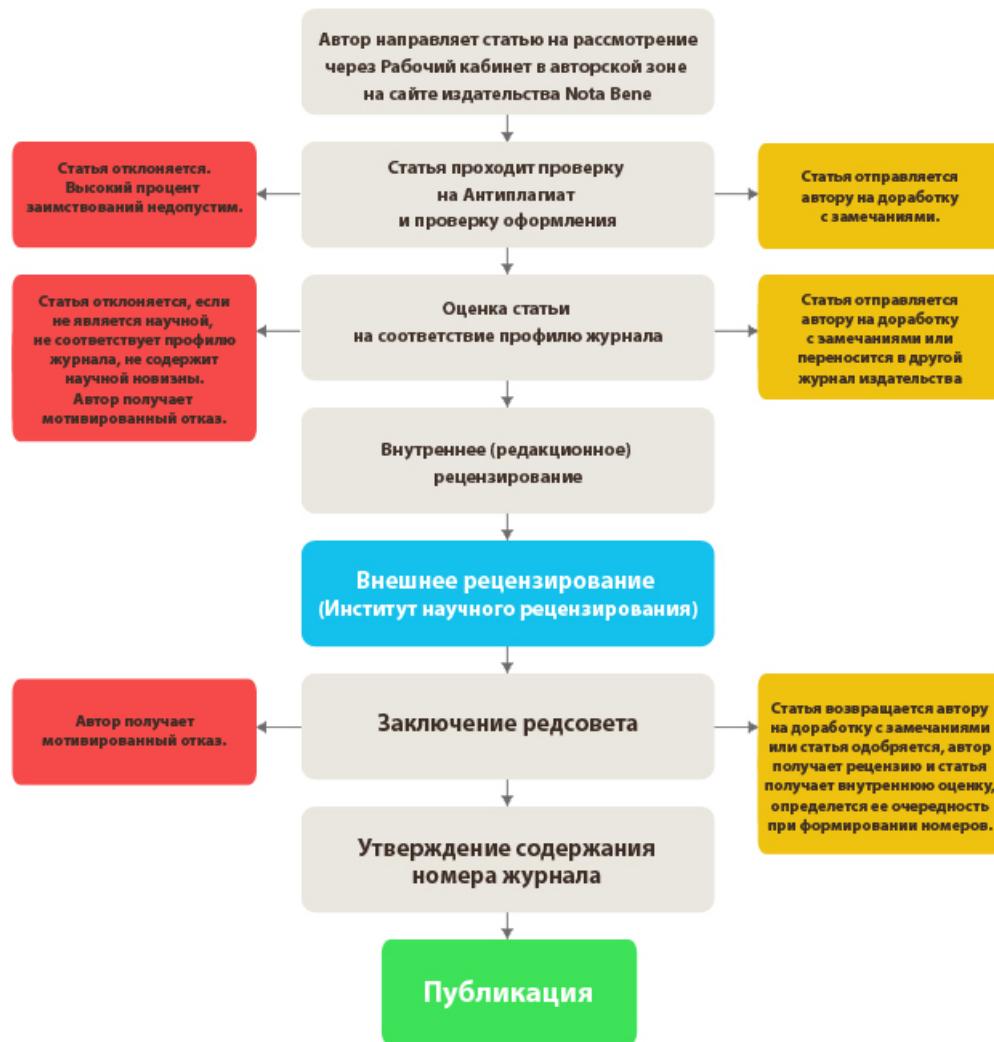
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Лихачев Н.А. Нематериальное пространство как новая форма места совершения преступления: доктринальный аспект	1
Согомонов Д.К. Факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи (на примере Германии и Франции)	9
Даниловская А.В. Недобросовестная конкуренция: проблемы криминализации деяний и дифференциации ответственности за их совершение	23
Басалаева С.П. Непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов: трудоправовые вопросы	49
Гурченко Е.В., Кеворкова Д.А. Деприватизация: актуальная судебная практика	65
Коваленко М.А. О правовой возможности постановки диагноза при дистанционном консультировании	87
Биккулов А.Э. Комплексное исследование основных теоретических и практических аспектов квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по оценочным признакам	98
Остроушко А.В. Правовое регулирование информационных процессов в рамках предупреждающего SMART-контроля	109
Трухан Р.П. Об отдельных свойствах акцессорности арбитражной оговорки	124
Англоязычные метаданные	135

Contents

Lihachev N.A. Intangible space as a new form of crime scene: doctrinal aspect	1
Sogomonov D.K. Optional features of the objective side in crimes against life and health under the legislation of some countries of the Romano-Germanic legal family (using the example of Germany and France)	9
Danilovskaia A.V. Unfair competition: problems of criminalization of acts and differentiation of responsibility for their commission	23
Basalaeva S.P. Failure to take measures to prevent and resolve conflicts of interest: labor law issues	49
Gurchenko E.V., Kevorkova D.A. Deprivatization: current judicial practice	65
Kovalenko M.A. On the legal possibility of making a diagnosis during remote counseling	87
Bikkulov A.E. A comprehensive study of the main theoretical and practical aspects of the qualification of crimes in the field of economic activity by evaluation criteria	98
Ostroushko A.V. Legal regulation of information processes within the framework of preventive SMART monitoring	109
Trukhan R.P. On the individual properties of the accessory nature of the arbitration clause	124
Metadata in english	135

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Лихачев Н.А. Нематериальное пространство как новая форма места совершения преступления: доктринальный аспект // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70275 EDN: TXAZGC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70275

Нематериальное пространство как новая форма места совершения преступления: доктринальный аспект**Лихачев Никита Александрович**

Практикующий юрист

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

mr.lihachev.nikita@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.4.70275

EDN:

TXAZGC

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Дата публикации:

01-04-2024

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы определения киберпространства и информационного пространства как возможного места совершения преступления или иного факультативного признака объективной стороны применительно к конкретным действиям, предусмотренным нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Определяются свойства и признаки киберпространства, производится сравнение с нематериальным и информационным пространством. Отмечается проблема определения привязки киберпространства к конкретным объектам материального мира – компьютерным носителям, серверам, невозможность существования киберпространства в отрыве от трехмерной реальности на данном этапе научно-технического развития, что предопределяет уголовно-правовую квалификацию преступлений. Делается вывод относительно перспектив определения киберпространства как самостоятельного

обособленного от материального мира места совершения преступления. Методологической основой исследования являются общенаучный метод комплексного системно-структурного анализа, а также частно-научные методы: системный, сравнительно-правовой, исторический, формально-логический, метод анализа теоретического и нормативно-правового материала. Научная новизна работы состоит в том, что в статье обосновывается новационный подход к определению места нематериального пространства в системе признаков состава преступления. Автор отмечает, что сложившиеся реалии заставляют по-новому взглянуть на восприятие содержания такого признака объективной стороны состава преступления, как место совершения последнего, так как его традиционное понимание с позиции объекта материальной действительности – конкретного участка земной поверхности, имеющего свои географические ориентиры и координаты – не отвечает современным потребностям теории и практики применения уголовного закона. В результате осуществленного исследования автор заключает, что развитие компьютерных технологий, средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» способствовало возникновению нового – информационного – пространства, которое по своей природе нематериально и фактически не существует в трехмерном измерении. В свою очередь под нематериальным пространством предлагается понимать общественные отношения, связанные с обменом, хранением, обработкой, созданием информации в ИТС «Интернет». Частными проявлениями нематериального пространства выступают киберпространство и виртуальная реальность. В статье сделан вывод, что это схожие, но не тождественные явления.

Ключевые слова:

уголовное законодательство, информационная безопасность, киберпространство, информационное пространство, объективная сторона, состав преступления, пространство, Киберпреступность, преступление, законодательство

В последние годы происходит постепенная криминализация общественных отношений в сфере информационных технологий, связанных с передачей, хранением, обработкой информации. Если ранее классическое учение уголовного права предполагало под местом совершения преступления конкретный географический объект, имеющий координаты – широту и долготу, то развитие компьютерных технологий, средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» способствовало возникновению нового – информационного – пространства, которое по своей природе нематериально и фактически не существует в трехмерном измерении.

Традиционное учение о месте преступления как факультативном признаком объективной стороны описывает его с позиции объекта материальной действительности – конкретного участка земной поверхности, имеющего свои географические ориентиры и координаты [4, с. 199]. Например, зона экологического бедствия (ч. 2 ст. 254 УК РФ) или исключительная экономическая зона РФ (ст. 253 РФ). Иначе говоря, любое преступление, совершающееся конкретным лицом или лицами, имеет одну или нескольких координат на земле. Для философского уголовно-правового восприятия мироздания подобная концепция была логична и удобна, учитывая трехмерность привычной реальности.

Однако развитие компьютерных технологий, появление ИТС «Интернет» привело к формированию нового физически неосозаемого мира, функционирующего по своим

уникальным правилам и особенностям. Во-первых, это связано с практически неконтролируемой возможностью коммуникации между всеми субъектами глобальной сети, способностью воздействовать на аудиторию, путем в том числе нейролингвистического программирования, мягкой пропаганды экстремистских и террористических идей и идеологем. В сети возникли товарно-денежные отношения, виртуальные валюты. Виртуальные, не имеющие формы в реальном мире цифровые товары и услуги, информация, в том числе относящаяся к различным разновидностям тайны, теперь может иметь воплощение исключительно в нематериальной форме. К тому же, развитие технологий искусственного интеллекта привело к возможности автономного фондирования объектов материальной реальности и их самовоспроизведения, создания компьютерными программами новых товаров и услуг виртуальной формы.

Вследствие этого параллельно с материальным миром возникло пусть и технически зависимое от него, но функционирующее автономно нематериальное пространство. Под нематериальным пространством следует понимать общественные отношения, связанные с обменом, хранением, обработкой, созданием информации в ИТС «Интернет». Безусловно, данное определение является достаточно условным, так как не охватывает все аспекты, но выступает отправной точкой для предмета познания. Отсутствие как международно-правового, так и уголовно-правового определения киберпространства препятствует регулированию и эффективному противодействию информационной преступности.

Киберпространство и виртуальную реальность следует рассматривать как синонимичные, схожие, но не тождественные явления, продукты современных компьютерных технологий, создающих новый нематериальный мир, являющихся частным случаем нематериального пространства. При этом некоторые ученые начинают воспринимать киберпространство как военную среду [\[5, с. 87\]](#), а безопасность нематериального пространства – как одну из приоритетных задач государственного уровня.

В доктрине в последние годы все чаще анализируется новая правовая категория – киберпространство. Она определяется как виртуальная среда, которая становится местом совершения преступлений в сфере информационной безопасности. При этом данный термин в науке не нашел единства мнений, и в качестве альтернативы встречаются такие определения как «виртуальная среда», «информационное пространство», «виртуальная реальность» [\[2, с. 162\]](#) и т.д.

Виртуальная реальность представляет собой полную компьютерную симуляцию вымышленного нематериального мира, существующего в форме электронного кода и хранящегося на электронном носителе. У пользователя эта технология должна вызывать ощущение реальности, полного присутствия и доверия к окружающему пространству. Ее следует отличать от дополненной реальности, когда компьютерная технология берет за основу реальную материальную действительность и трансформирует ее в мнимую, изменяя в восприятии субъекта те или иные познаваемые в процессе взаимодействия объекты. К таким технологиям относятся VR-очки, позволяющие моделировать объекты вокруг себя, или прототипы компьютерных устройств, позволяющих искажать восприятие окружающего мира.

Киберпространство – явление несколько более широкое, нежели виртуальная реальность, оно дополнительно включает все общественные отношения и продукты, возникшие или созданные в ИТС «Интернет», а также нематериальные предметы, созданные компьютерными технологиями. Появление киберпространства привело к формированию новой сетевой культуры и контркультуры, изменению правосознания

граждан, возникновению новых правонарушений и преступлений. В рамках киберпространства происходит общение в социальных сетях и мессенджерах, обмен документами, осуществление транзакций, хранение различной информации в облачных хранилищах (серверах).

Безусловно, каждый объект, существующий в киберпространстве в настоящий момент, имеет привязку к конкретному предмету в материальном мире – серверу, компьютерному или иному электронному устройству, однако разработка технологий искусственного интеллекта и нейросети позволила создать автономные программы, функционирующие без непосредственного контроля или прямого воздействия человека. Более того, технологии VPN (виртуальной частной сети) позволяют создавать соединения поверх чьей-либо сети, иначе говоря, подменять свои реально существующие координаты любыми другими, совершая преступления из места, где лицо фактически не находится. В результате возникает ситуация, когда при хищении денежных средств потерпевший может находиться в одном месте; сервер, на котором хранятся его безналичные денежные средства, во втором; местонахождение субъекта преступления в третьем благодаря технологии VPN (в том числе за границей), а реальное расположение преступника – в четвертом.

Аналогичные процессы происходят при финансировании экстремистской и террористической деятельности, публичных призывах к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, при неправомерном доступе к компьютерной информации и совершении иных преступлений с использованием ИТС «Интернет». Криптовалюта становится новой формой финансирования терроризма, экстремизма, диверсионной и иной антигосударственной деятельности по причине недостаточного уровня правового регулирования и контроля со стороны государства.

Террористическое киберпространство – это совокупность информационно-коммуникационных технологий, применяемая для вмешательства в работу ключевых объектов государства и выведения их из строя, получения или уничтожения важной, недоступной для общего пользования информации. Террористические атаки являются лишь одной из категорий киберпреступности. Существует большое количество преступлений, которые могут быть совершены в киберпространстве, и кибертерроризм среди них занимает лишь определенную долю процентов. Основной его целью является давление на политические и социальные слои, запугивание, склонение народа и властей к определенным действиям. Такие атаки направлены на максимальное нанесение финансового или иного вида ущерба [\[6, с. 143\]](#).

Таким образом, ИТС «Интернет» постепенно из категории способа/средства совершения преступления становится местом совершения уголовно-правового деликта. Его появление нивелировало расстояние для ряда общественно опасных деяний.

При этом нематериальное пространство позволяет злоумышленнику в большинстве случаев оставаться анонимным, что является одной из причин низкой раскрываемости преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в 2021 г. зарегистрировано 517722 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, раскрыто – 118920; в 2022 г. эти показатели составили соответственно 522065 и 142384; в 2023 г. – 676951 и 172290 [\[7\]](#).

Ключевыми причинами столь низких показателей является возбуждение уголовных дел с неустановленным лицом, а также их приостановление по основаниям, предусмотренным

п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Нематериальное пространство как криминогенный фактор позволяет лицу совершать противоправные действия против информационной безопасности, а также преступления экстремистской, террористической, наркотической и мошеннической направленности из-за рубежа, не появляясь на территории Российской Федерации. Использование технологий VPN, Даркнета позволяет менять идентификационные сведения о субъекте, внося поддельные персональные данные и информацию о его местонахождении; проведение транзакций через криптовалюту существенным образом затрудняет квалификацию хищений, деяний, образующих незаконный оборот наркотических средств, финансирования противоправной деятельности лиц, квалификацию соучастия в различных формах.

Вследствие этого нематериальное пространство стало универсальной площадкой для преступлений широкого спектра по причине недостаточного уровня нормативного регулирования, уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Киберпространство как криминогенная среда, новая форма реальности затрудняет не только обнаружение следов преступлений, но и сам факт их совершения, что влечет рост их латентности.

Проблематика правового регулирования киберпространства в первую очередь лежит в плоскости определения понятийно-категориального аппарата. В российском уголовном праве понятие киберпространства официально не закреплено, а в научном сообществе единое мнение не сформировано. Некоторые ученые придерживаются позиции, согласно которой киберпространство формируется посредством совокупности мобильных и компьютерных устройств, при помощи которых пользователи осуществляют коммуникации между собой на расстоянии [\[1, с. 262\]](#). Другие рассматривают его как многоаспектное философское, политическое, уголовно-правовое, криминалистическое явление, которое нельзя рассматривать в усечённом формате [\[3, с. 249\]](#).

Можно констатировать, что киберпространство, с уголовно-правовой точки зрения, обладает следующими свойствами:

- «киберпространство», так же, как ноосфера или биосфера, имеет свои уровни погруженности. Так, существуют зоны общего доступа – ИТС «Интернет», которой может воспользоваться каждый субъект общественных отношений при наличии базовых технических устройств. При этом активно функционируют ограниченные сети киберпространства – военные, правоохранительные, специального назначения, а также глубинный «Интернет» или Даркнет, который аккумулирует большинство преступлений в сфере информационной безопасности (оборот наркотиков, порнографии, иных запрещенных к гражданскому обороту средств, информации, полученной противоправным путем, незаконные финансовые операции и т.д.);
- как место совершения преступления или криминогенная среда «киберпространство» косвенным образом схоже с материальной действительностью. Так же, как и в реальном мире, в нем посредством гиперссылок возможно перемещение от одного сайта к другому, получение удаленного доступа к персональным компьютерным и мобильным устройствам и т.д. При этом для пользователя пределы киберпространства остаются неограниченными и познаются аналогично окружающему его материальному миру;
- «киберпространство», равно как и объекты материальной действительности, представляет собой определенную территориальную систему с привязанностью к определенному месту, адресу, точке доступа. Так, информация хранится на определенном сервере, носителе, компьютерном устройстве, облачном хранилище,

которое также имеет конечный сервер.

Таким образом, в результате научно-технического прогресса объекты нематериального мира, на которые посягает преступник или с помощью которых совершается преступление, имеют конечную осязаемую реальную природу и место действия;

- «киберпространство» имеет экстерриториальный или надтерриториальный характер, так как доступ к той или иной информации, распространение ее и/или вредоносного программного обеспечения, или иных предметов, запрещенных к свободному гражданскому обороту, посредством ИТС «Интернет» возможно фактически совершить с территории одного государства в отношении субъекта, находящегося в пределах юрисдикции другого государства, и эти обстоятельства крайне затруднительно установить;

- «киберпространство» является частью еще более широкой социально-правовой категории – информационного пространства. Под ним понимается совокупность всех общественных отношений, связанных с хранением, обработкой, передачей, распространением, обменом, созданием информации, сведений, данных в электронной, компьютерной, телевизионной, радио, бумажной и иной форме.

Информационное пространство следует понимать как новую, неизвестную ранее среду психологического воздействия на общество. Подмена и умышленное искажение фактов, информационные вбросы и потоки представляют собой совокупность элементов, направленных на формирование общественного мнения, что в свою очередь может быть угрозой информационной безопасности национального характера.

Подводя итог, необходимо заключить следующее: киберпространство и информационное пространство следует рассматривать как специфическую криминальную среду со своей контркультурой, особенностями способов и средств совершения преступлений, которая влияет на степень общественной опасности, что в некоторых случаях законодателем уже фактически отмечено (нормы Особенной части УК РФ, где деяние, совершенное в ИТС «Интернет», выделено в качестве квалифицированного).

Проанализировав их место в структуре состава преступления, в частности в числе признаков, определяющих объективную сторону, можно констатировать, что рассматривать нематериальное пространство как место совершения преступления пока преждевременно, так как оно сводится к конкретному серверу, компьютерному устройству или компьютерным сетям. Однако при этом следует уточнить территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве путем определения соотношения киберпространства и информационного пространства, иначе будет противоречие, а именно через закрепление юрисдикции государства за его национальным сегментом ИТС «Интернет», распространив суверенитет за пределы материального мира, что позволит по-новому взглянуть на действие уголовного закона в пространстве.

При этом совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети «Интернет», следует оценивать как обстоятельство, отягчающее деяние, из-за упрощения к приготовлению, приисканию способов и орудия совершения, последующего сокрытия следов преступления.

Библиография

1. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1. С. 262.

2. Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 162.
3. Ефремова И.А., Смушкин А.Б., Донченко А.Г., Матушкин П.А. Киберпространство как новая среда преступности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 472. С. 249.
4. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для ВУЗов / под. ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2014. С. 199.
5. Самович Ю.В. О безопасности киберпространства: Киберпанк 202..? // Юридический вестник Самарского университета. 2023. №2. С. 87.
6. Черкесов А.Ю., Сабиров И.Ф. Признаки и цели терроризма в киберпространстве // Журнал прикладных исследований. 2023. №4. С. 143.
7. Статистика и аналитика МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn-p1ai/reports/item/22678184/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, доктринальный аспект проблемы нематериального пространства как новой формы места совершения преступления. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "В последние годы происходит поступательная криминализация общественных отношений в сфере информационных технологий, связанных с передачей, хранением, обработкой информации. Если ранее классическое учение уголовного права предполагало под местом совершения преступления конкретный географический объект, имеющий координаты – широту и долготу, то развитие компьютерных технологий, средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» способствовало возникновению нового – информационного – пространства, которое по своей природе нематериально и фактически не существует в трехмерном измерении" и др. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений ученого: "Под нематериальным пространством следует понимать общественные отношения, связанные с обменом, хранением, обработкой, созданием информации в ИТС «Интернет». Безусловно, данное определение является достаточно условным, так как не охватывает все аспекты, но выступает отправной точкой для предмета познания. Отсутствие как международно-правового, так и уголовно-правового определения киберпространства препятствует регулированию и эффективному противодействию информационной преступности"; "ИТС «Интернет» постепенно из категории способа/средства совершения преступления становится местом совершения уголовно-правового delicta. Его появление нивелировало расстояние для ряда общественно опасных деяний. При этом нематериальное пространство позволяет злоумышленнику в большинстве случаев оставаться анонимным, что является одной из причин низкой раскрываемости преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие

отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый анализирует сущность понятий "виртуальная реальность", "киберпространство", "информационное пространство". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 7 источниками (научными статьями, учебником, статистическими и аналитическими материалами), не считая нормативного материала. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему статьи с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. А. Данельян, И. А. Ефремова, А. Б. Смушкин и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя итог, необходимо заключить следующее: киберпространство и информационное пространство следует рассматривать как специфическую криминальную среду со своей контркультурой, особенностями способов и средств совершения преступлений, которая влияет на степень общественной опасности, что в некоторых случаях законодателем уже фактически отмечено (нормы Особенной части УК РФ, где деяние, совершенное в ИТС «Интернет», выделено в качестве квалифицированного). Проанализировав их место в структуре состава преступления, в частности в числе признаков, определяющих объективную сторону, можно констатировать, что рассматривать нематериальное пространство как место совершения преступления пока преждевременно, так как оно сводится к конкретному серверу, компьютерному устройству или компьютерным сетям. Однако при этом следует уточнить территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве путем определения соотношения киберпространства и информационного пространства, иначе будет противоречие, а именно через закрепление юрисдикции государства за его национальным сегментом ИТС «Интернет», распространив суверенитет за пределы материального мира, что позволит по-новому взглянуть на действие уголовного закона в пространстве. При этом совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети «Интернет», следует оценивать как обстоятельство, отягчающее деяние, из-за упрощения к приготовлению, приисканию способов и орудия совершения, последующего сокрытия следов преступления"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, информационного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания).

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Согомонов Д.К. Факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи (на примере Германии и Франции) // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70271 EDN: HDJCJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70271

Факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи (на примере Германии и Франции)**Согомонов Дмитрий Каренович**

соискатель кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет
350000, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ dmitri009@mail.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок."](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.4.70271

EDN:

HDJCJB

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Дата публикации:

08-04-2024

Аннотация: Жизнь и здоровье являются самыми цennыми благами человека. Их сохранение выступает главной задачей государства и общества. Поэтому любые противоправные действия, которые могут привести к угрозе жизни и здоровью, к причинению им вреда, рассматриваются в качестве правонарушения, которые включают в свой состав, в том числе объективную сторону общественно опасного деяния. Потребность в комплексном подходе к изучению факультативных по своей природе признаков объективной стороны и их роли в составах преступлений против жизни и здоровья требует обращение к опыту зарубежных государств. В связи с чем в работе рассмотрены некоторые особенности конструирования факультативных признаков

объективной стороны в названных преступных посягательствах в уголовном законодательстве Германии и Франции. В рамках изучения заявленной темы был использован комплекс общенаучных и частно-научных методов. Основным же методом исследования выступил сравнительно-правовой. По результату работы автором указывается, что законодатели Германии и Франции в отличие от российского, не придают серьезного значения факультативным признакам объективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья. Вместе с тем определенные особенности в регламентации факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, не свойственные отечественному праву, все-таки изысканы. Например, в ФРГ применительно к убийству в состоянии аффекта учитываются не только детерминанты возникновения состояния сильного душевного волнения, но и докриминальное поведение субъекта преступления. Также отмечено, что Германский УК регламентирует ответственность за участие в драке; в нем регламентирована ответственность за аборт, который совершается за пределами установленного срока беременности, при котором он возможен. Кроме того, выявлено, что в УК Франции криминализован найм для совершения убийства в случае, если наемник не планировал совершать преступного деяния. В завершении автором работы предлагаются пути совершенствования отечественного законодательства с учетом изученного зарубежного опыта.

Ключевые слова:

жизнь, здоровье, признаки, объективная сторона, Германия, Франция, уголовное право, факультативные признаки, уголовное, право

Правовые аспекты, связанные с уголовно-правовой оценкой факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, имеют свои проблемы, что подчеркивается большим количеством фундаментальных работ [\[1, 2, 3, 4, 5, 6, 7\]](#), а также судебной практикой.

В настоящее время в большинстве правовых государств мира наиболее значимые отношения, в том числе по охране жизни и здоровью охраняются уголовным правом [\[8, с. 207\]](#). Поэтому исследование практически любого феномена в уголовном праве требует осмыслиения опыта зарубежных стран. По справедливому убеждению Н.Н. Тарасова, проведение компаративистского анализа сегодня является одним из условий научной корректности [\[9, с. 7\]](#), выступает неотъемлемым элементом системы юридического мышления, делая исследование достоверным и обоснованным. Кроме того, обдуманный и выборочный учет российским законодателем иностранного опыта может способствовать оптимальному разрешению целого комплекса проблем, имеющихся, в том числе, в отечественной уголовно-правовой теории и практике [\[10, с. 79\]](#).

Компаративистский анализ законодательства стран романо-германской правовой семьи, проводимый в специальной литературе, сводится обычно к изучению и сравнению уголовного права Германии и Франции. Подобный подход видится логичным и традиционным, так как именно в этих странах имеется давняя история формирования законодательства. Кроме этого, отметим, что законодательства Германии и Франции являются наиболее близкими к отечественному ввиду того, что все они основаны на рецепции римского права и объединены общностью структур, источников и сходством

понятийно-юридического аппарата.

Подтверждением актуальности темы работы служит то обстоятельство, что в рамках научного осмысления ученые не проводили исследования факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству Германии и Франции.

Уголовное уложение Федеративной Республики Германии (далее – УК ФРГ) по своей структуре напоминает кодифицированное уголовное законодательство РСФСР, так как его Особенная часть «открывается» преступлениями против мира и государства. Разделы 16 и 17 УК ФРГ посвящены ответственности за преступления против жизни и здоровья.

В § 211 УК ФРГ закреплены положения, регламентирующие ответственность за убийство. На основе анализа научных трудов немецких юристов можно сделать вывод, что признаки квалифицированного убийства в германской уголовно-правовой доктрине условно разделяются на две группы [11, 12, 13]. Обстоятельства, образующие первую из них, характеризуют субъективную сторону преступления, признаки второго вида являются по природе своей объективными и характеризуют способы и средства совершения преступления.

Примечательно, что все квалифицирующие признаки, характеризующие как объективные, так и субъективные обстоятельства, расположены во второй части названного параграфа. Факультативные признаки объективной стороны убийства в УК ФРГ схожи с отечественными, к ним относятся: жестокое убийство и совершенное средством, опасным для общества.

К привилегированным видам названого деяния относятся менее тяжкий случай непредумышленного убийства (§ 213 – Minder schwerer Fall des Totschlags) и убийство по запросу (§ 216 – Tötung auf Verlangen).

Первый из названных видов является аналогом убийства в состоянии аффекта. § 213 УК ФРГ содержит указание на такие объективные признаки, как оскорбление, нанесенное потерпевшим субъекту преступления или его родственнику; тяжкая обида со стороны умершего. § 216 УК ФРГ также включает в себя изучаемые признаки, к которым относится требование лишенного жизни.

В судебной практике ФРГ указывается, что для квалификации по § 213 кодекса оскорбление или причинённая обида со стороны потерпевшего не должны быть вызваны докриминальным поведением субъекта преступления [15]. Подобная «ремарка» актуальна и для отечественного законодателя. Действительно, субъект преступления может сам провоцировать негативное поведение потерпевшего, которое в последующем образует аффектированное состояние.

Ввиду этого представляется возможным предусмотреть квалифицирующий признак в ст. 107 и 113 УК РФ, указывающий на поведение субъекта преступления до возникновения состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Имеются указания и на другие факультативные признаки объективной стороны в законодательстве ФРГ. § 224 УК ФРГ регламентирует наказуемость опасных телесных повреждений. Ответственность за такое деяние наступает, в том числе, если оно совершено путем применения яда или других вредных веществ; с применением оружия или другого опасного инструмента; из засады; с помощью опасного для жизни лечения.

В отличие от отечественного закона УК ФРГ регламентирует ответственность за участие в драке. § 231 УК ФРГ устанавливает, что ответственность наступает в случае, если в результате драки наступила смерть потерпевшего либо причинён тяжкий вред или нанесены телесные повреждения, указанные в § 226 УК ФРГ.

Особой интерес вызывает регламентация в УК ФРГ ответственности за аборт. Например, § 218с кодекса криминализует медицинское нарушение служебных обязанностей в случае аборта. Объективная сторона названного деяния включает в себя: непредоставление беременной женщине медицинской консультации о важности процедуры; отсутствие осуществления предварительного установления продолжительности беременности на основании медицинского осмотра.

В соответствии с § 218а УК ФРГ аборт является законным, если он совершен в течение 20 недель с момента зачатия. Исключением нарушения названного срока является серьезное ухудшение физического или психического здоровья беременной женщины.

В России искусственное прерывание беременности регламентируется ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и положениями приказа Минздрава России от 20.10.2020 г. № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»». Согласно п. 4 ст. 56 указанного закона искусственное прерывание беременности по социальным показаниям проводится при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний – независимо от срока беременности.

Думается, что для улучшения демографической ситуации, повышения уровня охраны права на жизнь требуется криминализация деяния, связанного с прерыванием беременности, по аналогии с положениями УК ФРГ.

Ввиду этого видится возможным добавление в ст. 123 УК РФ квалифицирующего признака, связанного со сроками искусственного прерывания беременности. Редакция подобного признака может выглядеть следующим образом: «Проведение искусственного прерывания беременности без наличия медицинских показаний лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, при сроке беременности, превышающем двадцать две недели».

Относительно уголовного законодательства Франции заметим, что книга II Уголовного кодекса Франции (далее – УК Франции) устанавливает ответственность за преступления против человека, содержит, в том числе, главу I «Преступления против жизни человека», главу I bis «Преступления против жизни человека, совершенные в результате насильственных исчезновений» и главу II «Посягательства на физическую или психологическую неприкосновенность личности».

К квалифицирующим обстоятельствам, содержащим указание на факультативные признаки объективной стороны преступления, УК Франции относит: из засады (артикуль 221-3); против лица из-за его отказа заключить брак или вступить в союз (ч. 10 артикуля 221-4).

Имеется указание на средства совершения преступления при регламентации ответственности за покушение на жизнь в артикле 221-5 УК Франции, к которым отнесены вещества, вызывающие смерть.

В артикле 221-5-1 УК Франции предусмотрена ответственность за организацию убийства,

что по своей природе схоже с убийством по найму, ответственность за которое предусмотрена в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но отличается особенностью.

Считаем положительным опыт Франции и в ракурсе предупреждения преступных деяний против жизни предлагаем дополнить УК РФ ст. 108.1, регламентирующей ответственность за совершение найма для убийства, и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 108.1. Наём для совершения убийства

Наём лица путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом с целью совершения им убийства при отсутствии намерения этого лица совершать его...».

Предлагаемое расположение названной нормы обусловлено тем, что подобное деяние менее опасно, чем привилегированные убийства, но более серьезно, чем причинение смерти по неосторожности. Кроме того, его объект идентичен объекту преступлений, ответственность за которые установлена 105–1102 УК РФ.

Глава II («Посягательства на физическую или психологическую неприкосновенность личности») УК Франции включает раздел 1 «Посягательства на неприкосновенность личности», который содержит три параграфа: «Пытки и акты агрессии (des tortures et actes de barbarie (articles 222-1 à 222-6-4))», «Насилие» (des violences (articles 222-7 à 222-16-3)); «Угрозы» (des menaces (articles 222-17 à 222-18-3)).

Как можно заметить из наименований параграфов, в УК Франции установлена самостоятельная ответственность за пытки. К квалифицирующим признакам объективной стороны пытки относится совершение деяния из засады и с применением или угрозой применения оружия.

Насилием в УК Франции является умышленное причинение вреда здоровью. Факультативные признаки объективной стороны таких деяний включают в себя совершение деяния из засады (ч. 9 артиклей 222-8; 222-10; 222-12; 222-13); с применением или угрозой применения оружия (ч. 10 артиклей 222-8; 222-10; 222-12; 222-13); в учебных заведениях или в помещениях администрации, а также, когда учащиеся или публика входят или выходят, или во время, очень близкое к ним, возле этих учреждений или помещений (ч. 11 артиклей 222-12; 222-13); в пассажирском транспорте или в месте, предназначенном для доступа к пассажирскому транспорту (ч. 13 артиклей 222-12; 222-13).

УК Франции при регламентации ответственности за преступления против здоровья дает легальную дефиницию засаде, под которой понимается факт ожидания в определенное время и в определенном месте лица, в отношении которого совершено преступление либо посягательство на него (артиль 222-15-1 УК Франции).

Подводя итог анализу конструированию факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в законодательстве Германии и Франции можно сделать следующее выводы.

1. Доказано, что законодатели Германии и Франции в отличие от российского, не придают серьезного значения факультативным признакам объективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья. Подобный вывод подтверждается проведенным сопоставлением УК ФРГ, УК Франции и УК РФ.

2. Вместе с тем определенные особенности в регламентации факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, не

свойственные отечественному праву, все-таки изысканы. К таковым особенностям относится:

- в ФРГ применительно к убийству в состоянии аффекта учитываются не только детерминанты возникновения состояния сильного душевного волнения, но и докриминальное поведение субъекта преступления;
- Германский УК регламентирует ответственность за участие в драке; в нем регламентирована ответственность за аборт, который совершается за пределами установленного срока беременности, при котором он возможен.
- в УК Франции криминализован найм для совершения убийства в случае, если наемник не планировал совершать преступного деяния.

3. С целью совершенствования отечественного законодательства с учетом изученного опыта можно предложить следующее его изменения:

- по примеру законодательства ФРГ представляется возможным предусмотреть в ст. 107 и 113 УК РФ квалифицирующий признак, указывающий на поведение субъекта преступления до возникновения состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта);
- по аналогии с УК ФРГ предлагается дополнить ст. 123 УК РФ квалифицирующим признаком, связанным со сроками искусственного прерывания беременности. Его редакция может выглядеть следующим образом: «Проведение искусственного прерывания беременности без наличия медицинских показаний лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, при сроке беременности, превышающем 22 недели»;
- с учетом законодательного опыта Франции представляется возможным дополнить УК РФ ст. 108.1, устанавливающей ответственность за наём для убийства.

Библиография

1. Аитова О.Ф. Уголовно-правовые проблемы времени преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 276 с.
2. Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 198 с.
3. Дружков С.Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. 168 с.
4. Кротов С.Е. Дифференциации уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 176 с.
5. Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 197 с.
6. Попова Н.П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 195 с.
7. Раджабов Р.М. Ответственность за преступления против личности, совершенные с особой жестокостью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 209 с.
8. Новицкий А.А. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства России и Франции // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 3 (43). С. 207.
9. Тарасов Н.Н. Сравнительное правоведение: новые реальности и новые проблемы //

Байкальские компартистические чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 22–23 апреля 2022 г.). Иркутск, 2022. С. 7.

10. Огородникова Н.В. Уголовно-правовой запрет как инструмент предупреждения преступлений: отечественный и зарубежный опыт учета привилегирующих признаков убийства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 2. С. 79.
11. Aktueller Begriff. Mord und Totschlag – aktuelle Reformdebatte // Deutscher Bundestag Nr. 17/15 (20. Juli 2015). URL: <https://www.bundestag.de/>.
12. Der Mord gemäß § 211 StGB: Wann wird aus einem Totschläger ein Mörder? URL: <https://www.anwalt.org/mord/>.
13. Dr. Greco, Luis Ehrenmorde im deutschen Strafrecht. Zeitung für Internationale Strafrechtsdogmatik. Ausgabe 7-8/2014. URL: <https://www.zwangsheirat.de/informationen/materialien/186-fachliteratur>.
14. Der Mord gemäß § 211 StGB: Wann wird aus einem Totschläger ein Mörder? URL: <https://www.anwalt.org/mord/>.
15. Решение Нижнего суда ФРГ от 22 января 2019 г. по делу № 2019/6624 (BGH, Beschluss vom 22.01.2019 – Aktenzeichen 1 StR 585/18). URL: <https://www.rechtsportal.de/Rechtsprechung/Rechtsprechung/2019/BGH>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи (на примере Германии и Франции). Заявленные границы исследования соблюdenы автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Правовые аспекты, связанные с уголовно-правовой оценкой факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, имеет свои проблемы, что подчеркивается большим количеством фундаментальных работ [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7], а также судебной практикой. В настоящее время в большинстве правовых государств мира наиболее значимые общественные отношения, в том числе по охране жизни и здоровью охраняются уголовным правом [8, с. 207]. Поэтому исследование практически любого феномена в уголовном праве требует осмыслиения опыта зарубежных стран.

Компаративистский анализ законодательства стран романо-германской правовой семьи, проводимый в специальной литературе, сводится обычно к изучению и сравнению уголовного права Германии и Франции. Подобный подход видится логичным и традиционным, так как именно в этих странах имеется давняя история формирования законодательства. Кроме этого, отметим, что законодательства Германии и Франции являются наиболее близкими к отечественному ввиду того, что все они основаны на рецепции римского права и объединены общностью структур, источников и сходством понятийно-юридического аппарата".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "В судебной практике ФРГ указывается, что для квалификации по § 213 кодекса

оскорбление или причинённая обида со стороны потерпевшего не должны быть вызваны докриминальным поведением субъекта преступления. Подобная «ремарка» актуальна и для отечественного законодателя. Действительно, субъект преступления может сам провоцировать негативное поведение потерпевшего, которое в последующем образует аффектированное состояние. Ввиду этого представляется возможным предусмотреть квалифицирующий признак в ст. 107 и 113 УК РФ, указывающий на поведение субъекта преступления до возникновения состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения"; "Думается, что для улучшения демографической ситуации, повышения уровня охраны права на жизнь требуется криминализация деяния, связанного с прерыванием беременности, по аналогии с положениями УК ФРГ. Ввиду этого видится возможным добавление в ст. 123 УК РФ квалифицирующего признака, связанного со сроками искусственного прерывания беременности. Редакция подобного признака может выглядеть следующим образом: «Проведение искусственного прерывания беременности без наличия медицинских показаний лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, при сроке беременности, превышающем двадцать две недели» и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки, но ее отдельные положения нуждаются в уточнении и углублении.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству Германии и Франции и дает рекомендации по совершенствованию российского уголовного законодательства. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор пишет: "Правовые аспекты, связанные с уголовно-правовой оценкой факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, имеет свои проблемы, что подчеркивается большим количеством фундаментальных работ [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7], а также судебной практикой". Имеет место стилистическая ошибка: "правовые аспекты... имеет свои проблемы".

Ученый отмечает: "В настоящее время в большинстве правовых государств мира наиболее значимые общественные отношения, в том числе по охране жизни и здоровью охраняются уголовным правом [8, с. 207]" - следует избегать повторов ("отношения по охране жизни и здоровья охраняются..." (налицо ошибка согласования и стилистическая погрешность).

Автор указывает: "Считаем положительным опыт Франции и в ракурсе предупреждения преступных деяний против жизни предлагаем дополнить УК РФ ст. 108.1, регламентирующей ответственность за совершение найма для убийства, и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 108.1. Найм для совершения убийства

Найм лица путем договоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом с целью совершения им убийства при отсутствии намерения этого лица совершать его...». Необходимо обратить внимание на правильное написание термина: "наем", а не "найм" (по аналогии с "заем", а не "займ").

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Автор пишет: "1. Доказано, что законодатели Германии и Франции в отличие от

российского, не придают серьезного значения факультативным признакам объективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья". Ученый не поясняет, почему подход зарубежных законодателей в отношении факультативных признаков объективной стороны исследуемых составов преступлений не признается им "серьезным". В чем его недостатки?

Все предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства России должны быть детально аргументированы, в противном случае складывается впечатление, что это предложения являются следствием простого подражания.

Библиография исследования представлена 8 источниками (диссертационными работами и научной статьей). Фактически использование диссертаций из работы не усматривается - ссылки на них в тексте статьи отсутствуют. В ней анализируется уголовное законодательство Германии и Франции, а не теоретический материал.

Апелляция к оппонентам отсутствует, что недопустимо для научной статьи. Положения работы не обосновываются в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Доказано, что законодатели Германии и Франции в отличие от российского, не придают серьезного значения факультативным признакам объективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья. 2. Вместе с тем определенные особенности в регламентации факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, не свойственные отечественному праву, все-таки изысканы. К таковым особенностям относится: - в ФРГ применительно к убийству в состоянии аффекта учитываются не только детерминанты возникновения состояния сильного душевного волнения, но и докриминальное поведение субъекта преступления; - Германский УК регламентирует ответственность за участие в драке; в нем регламентирована ответственность за аборт, который совершается за пределами установленного срока беременности, при котором он возможен.

- в УК Франции криминализован найм для совершения убийства в случае, если наемник не планировал совершать преступного деяния.

3. С целью совершенствования отечественного законодательства с учетом изученного опыта можно предложить следующее его изменения:

- по примеру законодательства ФРГ представляется возможным предусмотреть в ст. 107 и 113 УК РФ квалифицирующий признак, указывающий на поведение субъекта преступления до возникновения состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта); - по аналогии с УК ФРГ предлагается дополнить ст. 123 УК РФ квалифицирующим признаком, связанным со сроками искусственного прерывания беременности. Его редакция может выглядеть следующим образом: «Проведение искусственного прерывания беременности без наличия медицинских показаний лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, при сроке беременности, превышающем 22 недели»; - с учетом законодательного опыта Франции представляется возможным дополнить УК РФ ст. 108.1, устанавливающей ответственность за найм для убийства"), однако некоторые из них нуждаются в уточнении (в рамках сделанных выше замечаний).

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права при условии ее существенной доработки: раскрытии методологии исследования, введении дополнительных элементов научной новизны и дискуссионности, уточнении и углублении отдельных положений работы и итоговых выводов, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи (на примере Германии и Франции)».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам установления объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи. Автором сопоставляются положения уголовных кодексов России, Германии, Франции, делаются некоторые выводы, которые полезны для законодателя нашей страны. В качестве конкретного предмета исследования выступили нормы законодательства России, Франции, Германии, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об установлении объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм УК РФ, УК Франции, УК Германии). Например, следующий вывод автора: «Ввиду этого представляется возможным предусмотреть квалифицирующий признак в ст. 107 и 113 УК РФ, указывающий на поведение субъекта преступления до возникновения состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения. Имеются указания и на другие факультативные признаки объективной стороны в законодательстве ФРГ. § 224 УК ФРГ регламентирует наказуемость опасных телесных повреждений. Ответственность за такое деяние наступает, в том числе, если оно совершено путем применения яда или других вредных веществ; с применением оружия или другого опасного инструмента; из засады; с помощью опасного для жизни лечения. В отличие от отечественного закона УК ФРГ регламентирует ответственность за участие в драке. § 231 УК ФРГ устанавливает, что ответственность наступает в случае, если в результате драки наступила смерть потерпевшего либо причинён тяжкий вред или нанесены телесные повреждения, указанные в § 226 УК ФРГ».

Также автором (правда, без надлежаще оформленной ссылки) приведены примеры из судебной практики разных стран. Например, сделан следующий вывод: «В судебной практике ФРГ указывается, что для квалификации по § 213 кодекса оскорбление или причинённая обида со стороны потерпевшего не должны быть вызваны докриминальным поведением субъекта преступления. Подобная «ремарка» актуальна и для

отечественного законодателя. Действительно, субъект преступления может сам провоцировать негативное поведение потерпевшего, которое в последующем образует аффектированное состояние».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема установления объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Компаративистский анализ законодательства стран романо-германской правовой семьи, проводимый в специальной литературе, сводится обычно к изучению и сравнению уголовного права Германии и Франции. Подобный подход видится логичным и традиционным, так как именно в этих странах имеется давняя история формирования законодательства. Кроме этого, отметим, что законодательства Германии и Франции являются наиболее близкими к отечественному ввиду того, что все они основаны на рецепции римского права и объединены общностью структур, источников и сходством понятийно-юридического аппарата».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «определенные особенности в регламентации факультативных признаков объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, не свойственные отечественному праву, все-таки изысканы. К таковым особенностям относится: - в ФРГ применительно к убийству в состоянии аффекта учитываются не только детерминанты возникновения состояния сильного душевного волнения, но и докриминальное поведение субъекта преступления; - Германский УК регламентирует ответственность за участие в драке; в нем регламентирована ответственность за аборт, который совершается за пределами установленного срока беременности, при котором он возможен; - в УК Франции криминализован найм для совершения убийства в случае, если наемник не планировал совершать преступного деяния».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«С целью совершенствования отечественного законодательства с учетом изученного опыта можно предложить следующее его изменения: - по примеру законодательства ФРГ представляется возможным предусмотреть в ст. 107 и 113 УК РФ квалифицирующий признак, указывающий на поведение субъекта преступления до возникновения состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта); - по аналогии с УК ФРГ предлагается дополнить ст. 123 УК РФ квалифицирующим признаком, связанным со сроками искусственного прерывания беременности. Его редакция может выглядеть следующим образом: «Проведение искусственного прерывания беременности без наличия медицинских показаний лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, при сроке беременности, превышающем 22 недели»; - с учетом законодательного опыта Франции представляется возможным дополнить УК РФ

ст. 108.1, устанавливающей ответственность за наём для убийства».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с квалификацией преступлений.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы не в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. В частности, нет надлежаще оформленных ссылок на зарубежные правовые акты и судебные решения.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Аитова О.Ф., Артюшина О.В., Дружков С.Н., Кротов С.Е., Лунева А.В. и другие). При этом, учитывая цель исследования, стоит добавить труды зарубежных ученых, чтобы в полной мере раскрыть тематику исследования.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории после исправления имеющихся в рецензии замечаний, в частности по поводу указания ссылок на зарубежные правовые акты и судебную практику, а также мнения иностранных ученых.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи (на примере Германии и Франции)» предметом исследования являются факультативные признаки объективной стороны в

составах преступлений против жизни и здоровья на примере уголовного законодательства Германии и Франции.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Основной метод исследования – сравнительное правоведение.

Актуальность исследования. Актуальность темы автор объясняет тем, что «... исследование практически любого феномена в уголовном праве требует осмыслиения опыта зарубежных стран». В качестве аргументов приводятся мнения ведущих российских ученых-юристов (Н.Н. Тарасова и Н.В. Огородниковой): «...проведение компаративистского анализа сегодня является одним из условий научной корректности, выступает неотъемлемым элементом системы юридического мышления, делая исследование достоверным и обоснованным. Кроме того, обдуманный и выборочный учет российским законодателем иностранного опыта может способствовать оптимальному разрешению целого комплекса проблем, имеющихся, в том числе, в отечественной уголовно-правовой теории и практике». Таким образом, актуальность темы не вызывает сомнения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения (например, вывод автора о том «...по примеру законодательства ФРГ представляется возможным предусмотреть в ст. 107 и 113 УК РФ квалифицирующий признак, указывающий на поведение субъекта преступления до возникновения состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта); по аналогии с УК ФРГ предлагается дополнить ст. 123 УК РФ квалифицирующим признаком, связанным со сроками искусственного прерывания беременности. Его редакция может выглядеть следующим образом: «Проведение искусственного прерывания беременности без наличия медицинских показаний лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, при сроке беременности, превышающем 22 недели»). В статье есть и другие положения, которые можно расценивать как вклад в отечественную науку.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной терминологии. Содержание статьи соответствует ее названию. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Соблюдены требования по объему. Статья логически разделена на части.

Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, но, к сожалению, мало ссылок на публикации последних лет.

Апелляция к оппонентам. Автором приводятся разные точки по отдельным аспектам заявленной им тематики. Обращения к оппонентам корректные.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Факультативные признаки объективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья по законодательству некоторых стран романо-германской правовой семьи (на примере Германии и Франции)» может быть рекомендована к опубликованию. Статья отвечает требованиям, предъявляемым к научным статьям журнала «Юридические исследования», посвящена актуальной теме, имеет практическую значимость, отличается научной новизной. Публикация по данной теме может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовного права и компаративистики, а также, может быть полезна для преподавателей и

обучающихся юридических вузов и факультетов.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Даниловская А.В. Недобросовестная конкуренция: проблемы криминализации деяний и дифференциации ответственности за их совершение // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70454 EDN: GEMIEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70454

Недобросовестная конкуренция: проблемы криминализации деяний и дифференциации ответственности за их совершение

Даниловская Анна Владимировна

кандидат юридических наук

доцент Высшей школы частного права Тихоокеанского государственного университета

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, оф. 417

d_a_v@list.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.4.70454

EDN:

GEMIEG

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2024

Дата публикации:

16-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются проблемы криминализации недобросовестной конкуренции и дифференциации уголовной ответственности за ее реализацию. В частности, анализируются вопросы: современного состояния криминализации деяний, предусмотренных ст. 128.1, 146, 147, 180, 183, 185.3 и 185.6 Уголовного кодекса РФ, признаки которых в определенной мере корреспондируют запретам Федерального закона «О защите конкуренции»; законодательной техники при конструировании их составов; квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, санкций, предусмотренных за совершение преступлений указанной группы; практики в сфере применения перечисленных статей Уголовного кодекса РФ, в том числе при противодействии недобросовестной конкуренции. Цель работы заключается в выявлении

проблем криминализации деяний, имеющих признаки недобросовестной конкуренции, нарушений законодательной техники, недостатков дифференциации уголовной ответственности за их совершение, определение путей их устранения. Методология исследования основана на общенаучных и частнонаучных методах познания, использованы диалектический, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, герменевтический методы исследования, а также методы правового моделирования и правового прогнозирования. Научная новизна заключается в анализе проблем конструирования составов преступлений, предусмотренных ст. 128.1, 146, 147, 180, 183, 185.3 и 185.6 Уголовного кодекса РФ в целом и в связи их содержания с нарушениями запретов, содержащихся в ст. 14.1-14.8 Федерального закона «О защите конкуренции», предложениях о критериях криминализации деяний, исследовании квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков и санкций как средств дифференциации уголовной ответственности, а также в предложениях их совершенствования. Выводы основаны на отсутствии в Уголовном кодексе РФ четкого механизма защиты от недобросовестной конкуренции, представлениях об изменении законодательства, ориентированных на установление конкретных оснований уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию, унификации квалифицирующих признаков и предложение в качестве санкции единых для всей группы криминальных форм недобросовестной конкуренции мер наказания и их размеров, а также на распространение на преступления, предусмотренные ст. 180, 185.3 и 185.6 Уголовного кодекса РФ, института конфискации.

Ключевые слова:

охрана конкуренции, криминализация, состав преступления, недобросовестная конкуренция, средства дифференциации ответственности, объекты интеллектуальной собственности, уголовная ответственность, разглашение коммерческой тайны, дифференциация уголовной ответственности, дискредитация

Одним из актуальных вопросов современной уголовно-правовой политики России является противодействие нарушениям антимонопольного законодательства, среди которых картель - ограничивающее конкуренцию соглашение - является наиболее опасным. Статья 178 Уголовного кодекса РФ «Ограничение конкуренции» предусматривает ответственность за заключение этого вида соглашения, запрещенного ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (далее – ФЗ «О защите конкуренции»). Однако общественно опасные формы антконкурентных деяний не ограничиваются только этим преступлением, а Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) может быть применим и к иным их проявлениям как нарушениям специальных запретов, содержащихся в ФЗ «О защите конкуренции».

В частности, речь идет о недобросовестной конкуренции, формы которой описаны в ст. 14.1-14.8 указанного Закона. Хотя уголовно-правовой запрет недобросовестной конкуренции не выражен в УК РФ так же определенно, как в отношении картеля, Конституция РФ в ст. 34 запрещает ее на равных началах с монополизацией. Общественная опасность недобросовестной конкуренции выражается в том, что ее последствия для экономики могут быть соизмеримы с последствиями картелей [1, с. 101-103], вред от которых оценивается в 0,5–2,5 % внутреннего валового продукта ежегодно [ФАС России: Уголовные дела и штрафы участников картелей в Хакасии не останавливают : интервью с руководителем Управления по борьбе с картелями ФАС

России А. П. Тенишевым // www.fas.gov.ru (дата обращения: 2.04.2024)].

Таким образом, изучение вопросов криминализации актов недобросовестной конкуренции, а также дифференциации уголовной ответственности за их совершение, поиск путей их решения является одной из задач государственной политики по противодействию антимонопольным нарушениям в целях снижения рисков для экономики страны, а также повышения уровня правовой культуры в сфере предпринимательства.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о существовании в УК РФ описания некоторых преступлений, которое в той или иной степени соответствует запретам недобросовестной конкуренции в ФЗ «О защите конкуренции» - это преступления, предусмотренные ст. ст. 128¹, 146, 147, 180, 183, 185³ и 185⁶ УК РФ. Так, анализ признаков перечисленных преступлений, а также судебной практики указывает, в частности, на то, что ст. 128¹ в целях защиты прав индивидуальных предпринимателей может быть применена к формам недобросовестной конкуренции, предусмотренным ст. 14.1 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации» и 14.3 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем некорректного сравнения» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 146 и ст. 147 УК РФ в некоторой степени отражают запреты, содержащиеся в ст. 14.5 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с использованием результатов интеллектуальной деятельности» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 180 УК РФ – ст. 14.6 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 183 УК РФ – ст. 14.7 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну», ст. 185³ УК РФ - ст. 14.1 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации», 14.2 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение» и ст. 14.8 «Запрет на иные формы недобросовестной конкуренции» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 185⁶ УК РФ – ст. 14.7 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну» и ст. 14.8 «Запрет на иные формы недобросовестной конкуренции» ФЗ «О защите конкуренции» [2, с. 1-23].

Перечисленные составы преступлений не содержат прямых отсылок к ФЗ «О защите конкуренции», а в практике обнаружить признаки недобросовестной конкуренции в действиях виновных лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по этим статьям, можно лишь посредством анализа состоявшихся приговоров или материалов уголовных дел. Одновременно с этим исследование показало, что современные редакции данных статей вызывают многочисленные вопросы теоретического и правоприменительного характера, состояние и решение которых напрямую сказывается как на эффективности уголовной ответственности за совершение описанных в них преступлений в целом, так и за проявления недобросовестной конкуренции.

Так, расследование уголовных дел о преступлениях, имеющих признаки посягательств на интеллектуальные права в отношении объектов патентных прав, обладает определенной сложностью, вытекающей из особенностей института права интеллектуальной собственности. Например, вопрос официального признания или непризнания авторства является следствием экспертизы, которую в соответствии со ст. 1386 Гражданского кодекса РФ проводит Федеральная служба по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) в целях выявления критериев патентоспособности изобретений, полезной модели или промышленного образца, в результате которых могут

быть и ошибки ведомства. По сути, присвоение авторства может явиться следствием ошибки Роспатента, которая была допущена при проверке объекта патентных прав такому критерию патентоспособности как новизна, установить который порой весьма проблематично.

Исследования в области применения ст. 146 и 147 УК РФ указывают и на иные проблемы криминализации деяний в сфере интеллектуальной собственности, отмечаемые в науке [напр., Скребец Д.Д. Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступлениями против изобретательских и патентных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 11; Молчанов Д.В. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2009. С. 9; Кузьмина И.К. Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 9; Кондрашина В.А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 7]. Одновременно с этим следует отметить отсутствие криминализации посягательств на непоименованные в статьях УК РФ объекты интеллектуальной собственности - объекты интеллектуальных прав на селекционные достижения, топологию интегральной микросхемы, фирменное наименование, коммерческое обозначение. Таким образом, не все объекты интеллектуальной собственности подлежат уголовно-правовой охране, равно как и не каждое проявление недобросовестной конкуренции с посягательством на объекты интеллектуальной собственности, описанное в ФЗ «О защите конкуренции», может повлечь уголовную ответственность, что вызывает вопросы в обоснованности такого, по сути, избирательного подхода к установлению уголовно-правового запрета.

При анализе практики вынесения приговоров по ст. 146 и 147 УК РФ возникает еще один вопрос: действительно ли ущерб от незаконного использования объектов авторского права, смежных и патентных прав или крупный (особо крупный) размер преступления должен быть связан только с нарушением исключительных прав конкретного лица, если речь идет о недобросовестной конкуренции? Например, суды в приговорах по делам, возбужденным по признакам ст. 146 УК РФ, отмечают следующие вредные последствия, свойственные недобросовестной конкуренции: подрыв рынка; потеря потребительского спроса, введение потребителя в заблуждение относительно реального качества продукции, установление нарушителем демпинговых цен, влекущих выход из-под контроля ценовой политики правообладателей и недополучение денежных средств, на которые правообладатель мог рассчитывать при нормальном обороте законной продукции [Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области № 1-880/2015 от 27.11.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/AQnGfiOnbpdo/> (дата обращения: 14.03.2024)], уменьшение рынка сбыта легальной продукции, вред деловой репутации правообладателей [Приговор Первомайского районного суда г. Омска № 1-332/2018 от 17.07.2018 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Yox2fIhHsNJh/> (дата обращения: 14.03.2024)]. Налицо констатация судебным актом факта вредных последствий для товарного рынка и конкуренции на нем, а также для охраняемых интересов правообладателей.

Для установления размера крупного ущерба, причиненного преступлением, предусмотренным ст. 147 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» № 14 от 26 апреля 2007 г. (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14) рекомендовал исходить из обстоятельств каждого конкретного дела (например, из

наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации). Таким образом, в каждом случае имеет место субъективная оценка правоприменителем причиненного ущерба. Как показывает анализ приговоров, состоявшихся по ст. 147 УК РФ, суды по-разному оценивают причиненный ущерб и не всегда его размер удается установить в судебном заседании, что является основанием для прекращения дела в связи с отсутствием состава преступления и постановки оправдательного приговора [Напр., приговор Заводского районного суда г. Кемерово № 1-33/2018 1-6/2019 1-789/2017 от 09.04.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/vteheejrSn60> (дата обращения: 18.03.2024)].

Эта же ситуация приводит к противоречивым судебным решениям. Так, в одном из дел суд признал подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ, а значит, установленным факт причинения крупного ущерба, но гражданские иски потерпевших о возмещении причиненного преступлением ущерба оставил без рассмотрения, мотивировав тем, что не представлены подлинные документы, не в полном объеме представлены доказательства причиненного ущерба, в связи с чем необходимо провести дополнительные расчеты, подтверждающие сумму ущерба [Напр., приговор Морозовского районного суда Ростовской области № 1-215/2012 1-222013 1-22/2013(1-215/2012;) 1-22/2013 от 18.12. 2013 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QJHhFFk0Z1Z1> (дата обращения: 16.03.2024)].

Следующий пример – проблема определения общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, которая связана с признаком неоднократности и причинением крупного ущерба. Несмотря на то, что признак неоднократности определяется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 14, исследователи и правоприменители понимают его весьма разнообразно. Так, неоднократностью считается: два или более факта незаконного использования товарного знака или других средств индивидуализации товаров и услуг [Никитина Л.К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 18]; совокупность эпизодов, каждый из которых, если деяние не причинило крупный ущерб, может являться как гражданским, так и административным правонарушением [Лепина Т.Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2014. С. 24–25]; привлечения лица ранее к административной ответственности за незаконное использование чужого товарного знака [Напр., приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края № 1-99/2016 от 01.06.2016 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/JkRRkW2y4nHW/> (дата обращения: 24.02.2024)].

Помимо этого, как отмечает В.А. Сизов, формулировка неоднократности, предложенная Пленумом, не позволяет отличить административное правонарушение от уголовно наказуемого деяния [\[3, с. 44\]](#). Из вышеизложенного следует, что признак неоднократности порождает неустойчивую практику и несправедливый подход к уголовной ответственности, которой предшествует, по сути, административная преюдиция.

Ситуация с установлением крупного ущерба незаконного использования чужого товарного знака на практике выглядит не лучше. Правоприменители также применяют разные подходы, которые можно разделить на следующие виды, когда за основу взяты: 1) стоимость контрафактного изделия; 2) стоимость оригинального экземпляра; 3) стоимость исключительного права на товарный знак. Все три подхода дают различные

размеры ущерба. При этом непонятно, как можно приравнять затраты виновного лица на производство контрафактного товара к ущербу, причиненному правообладателю, а также учитывать для определения размера ущерба стоимость исключительного права и оригинального экземпляра товара. Почти аналогичная ситуация свойственна и признаку совершения деяния, предусмотренного ст. 146 УК РФ, в крупном (особо крупном) размере.

При анализе приговоров по преступлениям, предусмотренным ст. 180 УК РФ, было установлено, что в одних случаях размер ущерба был связан с оценкой как реального ущерба, так и упущеной выгоды, в других – только реального ущерба, что вновь свидетельствует об отсутствии единообразия в оценке возникшего вреда, а также о том, что возможны ситуации избежания виновными уголовной ответственности в связи с тем, что определенная потерпевшим сумма ущерба «не уложилась» в признак преступления из-за невключения в этот расчет вреда деловой репутации.

Решение проблем видится в замене признаков крупного ущерба, особо крупного ущерба, особо крупного размера, а также неоднократности в описании преступлений с использованием объектов интеллектуальной собственности на иной криминообразующий признак, объективно отражающий общественную опасность этих деяний.

При разрешении такой весьма спорной и противоречивой ситуации следует учитывать, что незаконный оборот объектов интеллектуальной собственности может быть как в сфере предпринимательской деятельности, так и осуществляться лицами, не имеющими статуса субъекта предпринимательской деятельности. И первое, и второе – опасные явления для экономики. Поэтому нужны разные критерии криминализации таких деяний. Представляется, что в обоих случаях следует ориентироваться на масштабность деятельности как определяющей массовость производства, количество произведенных или проданных контрафактных экземпляров, возможно, территориальную распространенность деятельности. Так, в одном из приговоров по делам, возбужденным по ст. 180 УК РФ, судьей при описании незаконного производства контрафактных табачных изделий был использован термин «промышленный масштаб» [Приговор Солнечногорского городского суда Московской области № 1-224/2016 от 25.07.2016 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/p0ZwocQKZtJq/> (дата обращения: 13.03.2024)].

Полагаем, что таким мог бы стать схожий признак, отмеченный в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г., заключенном в рамках Всемирной торговой организации, а именно – «в коммерческом масштабе». Обоснование данного предложения видится в следующем.

«Коммерческий масштаб», как термин, порождает интерес с точки зрения возможности использовать его в качестве признака объективной стороны преступления, акцентирующего внимание на масштабности противоправного поведения. То есть, для понимания того, какие критерии нужно использовать для описания преступления, совершающегося с использованием объектов интеллектуальной собственности, есть смысл ориентироваться исключительно на характер деятельности, то есть производство и реализацию контрафактной продукции. Во-первых, это дает возможность не определять размер причиненного правообладателю ущерба, используя сомнительные методики, каждый раз «привязываясь» к его размерам в виде конкретных цифр и иных экономических показателей, подверженных инфляции. Надо учитывать и то, что не во всех случаях незаконного использования объектов интеллектуальной собственности правообладателям причиняется ущерб. Поэтому, во-вторых, уголовно-правовой запрет должен акцентироваться на запрете оборота контрафактной продукции безотносительно

к ущербу правообладателю, чем будет дана категоричная отрицательная оценка незаконному использованию чужих объектов интеллектуальной собственности. В-третьих, следует дифференцировать ответственность за единичные деяния, не обладающие высоким уровнем общественной опасности по признаку субъекта преступления и того потенциального вреда, который он может причинить, совершая такие действия систематически, на постоянной основе или в большом количестве. Следовательно, значение имеют возможности субъекта, связанные с его деятельностью, включая профессиональную, в том числе предпринимательскую и иную, приносящую ему доход.

«Коммерческий масштаб» предполагает количественную и качественную характеристики. Количественные характеристики означают объективные физические признаки, например, массовость, распространенность; качественные связаны с практическими свойствами явления, которое в данном случае обусловлено термином «коммерческий», то есть «направленный на извлечение прибыли» в силу востребованности. Коммерческий масштаб может быть сравним с крупным размером, но в отличие от последнего более точно характеризует качественные признаки явления.

Применительно к задачам уголовного права критериями коммерческого масштаба незаконного оборота объектов интеллектуальной собственности могут быть: а) производство контрафактной продукции, основанное на механизации и автоматизации процесса и ориентированное на массовое изготовление контрафактных товаров и реализацию таких товаров; б) реализация товаров, изготовленных таким путем, направленная на систематическое получение прибыли. При этом под массовым изготовлением, массовой реализацией предлагается понимать изготовление или реализацию товара для неопределенного круга лиц, то есть лиц, которые не могут быть заранее определены.

Учет данного предложения приведет к декриминализации абсолютно бытовых случаев нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности, которые являются преобладающими в практике, и сконцентрирует внимание правоохранительных органов на выявлении действительно опасных нарушений.

Следует отметить, что попытки интерпретировать термин «коммерческий масштаб» имеют место в науке [4; Лепина Т.Г. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности. С. 23]. Например, В.Л. Кудрявцева, полагает, что о коммерческом масштабе можно говорить, начиная с причинения «крупного ущерба» и далее – «крупного размера» и «особо крупного размера», указание на которые содержатся в основных составах преступлений [4]. Однако с данным суждением невозможно согласиться в силу некорректности определения признаков «крупного (особо крупного) ущерба», «крупного (особо крупного) размера», что уже было отмечено выше.

Данные выводы весьма показательны в свете анализа правоприменения, где фиксируется распространение ситуаций, подвергающих сомнению доводы В.Л. Кудрявцева. Так, обвиняемый по одному из эпизодов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ, Г. приобрел в целях сбыта путем копирования из сети Интернет на свой компьютер контрафактный экземпляр произведения – нелицензионное программное обеспечение, авторские права на которое принадлежат ООО «А-С», программный продукт с конфигурациями «машиностроение, строительство, приборостроение» – и в целях сбыта записал его на оптический диск формата DVD+R, а затем сбыл (после размещения соответствующего объявления в сети Интернет) контрафактный экземпляр произведения, реализовав оптический диск с записанной на него контрафактной программой К., получив от него в качестве вознаграждения 300 рублей. Стоимость

лицензионной программы составляет 608 300 рублей. Суд указал в приговоре, что таким образом Г. нарушил авторские права правообладателя на сумму 608 300 руб., что превышает 100 000 руб. и является крупным размером [Приговор Сортавальского городского суда Республики Карелия 1-108/2015 от 30.12.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xHGWzcsrC9bG/> (дата обращения: 10.04.2019)].

Очевидно, что описанная ситуация никак не может свидетельствовать о коммерческом масштабе противоправной деятельности виновного лица. Между тем такие типичные деяния составляют основу статических данных о преступлениях, предусмотренных ст. 146 УК РФ.

Признак совершения деяния в коммерческом масштабе был бы уместен при квалификации незаконного использования объектов интеллектуальной собственности лицами, не являющимися субъектами предпринимательской деятельности, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 146 и 180 УК РФ. Именно такие преступления чаще всего выявляются в практике правоохранительных органов.

В то же время преступления с незаконным оборотом объектов интеллектуальной собственности, совершенные в предпринимательской деятельности, почти всегда имеют антконкурентную направленность, так как таким образом появляются конкурентные преимущества, позволяющие извлекать прибыль. Повышение уровня общественной опасности таких деяний может быть отражено через признак цели недобросовестной конкуренции, которая заключается в обозначенном получении преимуществ посредством незаконного использования чужих объектов интеллектуальной собственности в коммерческом масштабе. Использование признака «коммерческий масштаб» при описании уголовно наказуемой недобросовестной конкуренции необходимо в целях дифференциации ответственности, ибо Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП) устанавливает административную ответственность за недобросовестную конкуренцию с оговоркой: если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (ст. 14.33).

Признак «в целях недобросовестной конкуренции» необходимым и для уголовно-правовой характеристики манипулирования рынком и противоправного использования инсайдерской информации как деяний, отличных от совершаемых лицами, не являющимися субъектами недобросовестной конкуренции и относящихся к категории общего субъекта. Недобросовестная деятельность граждан также представляет опасность для конкуренции на товарном рынке и наравне с осуществляющей противоправно профессиональной деятельностью запрещена Федеральным законом от 27 июля 2010 г. «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком), но именно деятельность последних запрещена также и ФЗ «О защите конкуренции». Другое обоснование приведенного довода также будет рассмотрено далее.

Таким образом, признак коммерческого масштаба целесообразно предусмотреть в качестве признака основного состава преступления, а признак «в целях недобросовестной конкуренции» - признака специального состава.

Как видно из изложенного, в большей степени поиск ответов на различные вопросы, возникающие как в науке, так и в правоприменении, находятся в сфере законодательной техники, соблюдение средств, приемов и правил которой призвано

обеспечить качество строения уголовно-правовой нормы, исключающего неопределенность ее толкования и применения. Сложности в достижении этой цели применения законодательной техники, в контексте заданной темы настоящей статьи, добавляет рассмотрение обозначенной группы преступлений в качестве криминальных форм недобросовестной конкуренции.

В этой связи весьма актуальной представляется концепция основ конструирования состава преступления, предложенная А.В. Иванчиным, согласно которой автором предлагается выделять: 1) межотраслевые системные правила; 2) внутриотраслевые системные правила; 3) криминолого-композиционные правила; 4) логические правила; 5) языковые правила [Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 149–170].

Проведенное исследование на соотношение современного состояния правовых норм, содержащих описание преступлений рассматриваемой группы, приведенным А.В. Иванчиным категориям правил законодательной техники, показало не только недостатки конструирования составов преступлений в целом и уголовно-правового противодействия недобросовестной конкуренции в частности, но и дало возможность определить пути их устранения. Отчасти как проблемы конструирования составов преступлений рассматриваемой группы, так и направления их решения, раскрыты выше, одновременно с этим имеются и иные вопросы, нуждающиеся в поиске своих ответов.

Так, в нарушение межотраслевых правил конституционный запрет на недобросовестную конкуренцию, содержащийся в ст. 34 Конституции РФ и детализированный в ФЗ «О защите конкуренции», не выглядит в УК РФ явным, а стало быть, понятным для правоприменения из-за отсутствия специальных признаков, указывающих на природу таких преступлений.

Другое межотраслевое системное правило основывается на том, что конструируемый состав должен соответствовать нормам иных отраслей права. В первую очередь речь идет о сочетании уголовно-правовых норм с запретами, сформулированными в источнике конкурентного права – ФЗ «О защите конкуренции». Безусловно, нет веских оснований к тому, чтобы каждый антимонопольный запрет был отражен в УК РФ: законодательство предусматривает широкий спектр разноотраслевых мер противодействия посягательствам на конкуренцию. Однако в отдельных случаях следует констатировать пробелы уголовно-правовых норм. Среди других отметим отсутствие уголовной ответственности за дискредитацию как формы недобросовестной конкуренции. Статья 128¹УК РФ позволяет защитить деловую репутацию индивидуального предпринимателя, но не юридического лица, что порождает естественный вывод о пробеле в уголовно-правовой защите интересов всех субъектов экономической деятельности, отсутствии ее равных начал, и порождает закономерный вопрос в справедливости такой ситуации. Данный вопрос подробно был раскрыт в ранее проведенном исследовании, результатом которого стало предложение о самостоятельном составе дискредитации с описанием его признаков, в частности, как умышленное распространение ложных, неточных или искаженных сведений об индивидуальном предпринимателе или организации, либо об их деятельности, в целях недобросовестной конкуренции, которые причинили ущерб их деловой репутации [\[2, с. 1-23\]](#).

Помимо этого, не существует четкой межотраслевой дифференциации ответственности по большинству составов преступлений рассматриваемой группы. Так, в УК РФ не содержится самостоятельных оснований уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию несмотря на то, что ст. 14.33 КоАП предусматривает административные

меры наказания за таковую с отсылкой к УК РФ.

Конструирование составов преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180 и ст. 183 УК РФ (ст. 183 УК РФ - в части незаконного получения и использования сведений, составляющих коммерческую тайну), посягающие на экономически равнозначные объекты интеллектуальной собственности, не соответствует правилу «изоморфизму» (одинаковости структур) как внутриотраслевого системного правила [Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 202]. Так, несмотря на равнозначные предметы посягательств – объекты интеллектуальной собственности, описание признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ, более подробное, чем описание признаков преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ; квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных ст. 146, 147 и ст. 180 УК РФ, не совпадают в полной мере; признаки размеров ущерба преступлений, предусмотренных ст. 146 и ст. 147 УК РФ, законодательно не определены (в ст. 180 составляет 400 тыс. руб., крупный размер в ст. 146 УК РФ установлен в размере свыше 100 тыс. рублей). Помимо этого, альтернативой ущербу в ст. 180 УК РФ названа неоднократность. В связи с экономически одинаковым значением объектов интеллектуальной собственности в качестве конкурентного преимущества для обладателей прав на них, есть смысл пересмотреть подход к описанию указанных смежных составов, объединив их признаки в одном составе. Таким образом будет проведена декриминализация тех деяний, критерии общественной опасности которых вызывают сомнение и не подтверждены практически (например, присвоение авторства), а также унификацию их признаков и дифференциацию ответственности, исключив то, что можно перевести в правовое поле административного или гражданского права. Полагаем, что состав преступления, предусмотренный ст. 180 УК РФ, как единственный из рассматриваемых отнесенный к преступлениям в сфере экономической деятельности, мог бы включить признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ.

Анализируя соответствие признаков составов преступлений группе криминолого-композиционных правил, следует выделить правило, согласно которому признаки, вводимые в состав преступления, должны отражать общественную опасность запрещаемого деяния либо существенно измененный ее уровень [Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 188]. Здесь вновь актуален вопрос о рассмотренных выше признаках «крупный (особо крупный) размер», «крупный (особо крупный) ущерб», неоднократность, и его решение.

К данному вопросу непосредственно примыкает дискуссия об оценочных критериях материальных последствий преступлений в сфере экономической деятельности, которая в науке имеет давнюю историю, но каждое предложение понимания крупного (особо крупного) ущерба, имеющее привязку к конкретным цифрам, минимальному размеру оплаты труда, прожиточному минимуму, подверженным влиянию инфляции, обречена на продолжение этой дискуссии. Отсутствие должного внимания со стороны государства к соответствию установленных ранее размеров ущербов, доходов уровню инфляции приводит к их несвоевременному изменению и, как следствие, к вопросу об объективности реализации принципа справедливости в правоприменении. Так, в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», отмечено, что индексация сумм по ст. 180 УК РФ проводилась в 2015 г. и на 2022 г. составила 62%, по ст. 183 УК РФ - в 2016 г., составив 53%, что значительно понизило степень общественной опасности этих преступлений в сравнении с более ранними годами [Пояснительная записка к проекту закона № 327269-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»]

// URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8#bh_note (дата обращения: 01.03.2024)].

Существенно измененный уровень общественной опасности свойственен также преступлениям, совершаемым в средствах массовой информации (далее – СМИ) и в сети Интернет. Однако далеко не каждый исследуемый состав преступления данный признак предусматривает, в то время как практика фиксирует массовость таких преступлений в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности.

В этой связи кriminoобразующим признаком незаконного использования объектов интеллектуальной собственности в СМИ и в сети Интернет следует признать, помимо самого противоправного использования, факт их распространения в СМИ и в сети Интернет с целью незаконного получения дохода, ибо такое распространение предопределено популярностью, а значит, массовостью потребления предлагаемых в СМИ и в сети Интернет товаров и услуг, доступностью объектов, размещенных в цифровом пространстве, наличием широких технических возможностей их получения (потребления), что охватывается умыслом виновного лица. Высокий уровень общественной опасности таких деяний обусловлен простотой их потребления посредством виртуального, а не реального взаимодействия субъектов и возможностью распространить контрафактный товар быстро и в неограниченном количестве. Следовательно, данный признак следовало бы признать квалифицирующим, как повышающий уровень общественной опасности преступления.

Рассматривая данный признак как влияющий на строгость ответственности, нельзя не затронуть вопрос об указанном в ст. 185³ УК РФ способе манипулирования рынком через СМИ, в том числе в сети Интернет: действительно ли только при таком распространении заведомо ложных сведений и совершении иных поименованных в диспозиции уголовно-правовой нормы деяний, преступление становится общественно-опасным, если и при ином распространении возникли последствия, предусмотренные в качестве признаков объективной стороны преступления? Кроме того, последствия могут быть и иными, гораздо более масштабными и затрагивающими интересы самых разных субъектов. Так, в научных исследованиях данной проблемы отмечается, что совокупный годовой фактический ущерб от неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком, составляет порядка 8 млрд рублей, причиняется широкому перечню субъектов, среди которых профессиональные участники рынка ценных бумаг, частные инвесторы, брокерские компании [\[5, с. 352\]](#). Представляется, что есть смысл отказаться от указанного признака преступления как не имеющего значения для понимания изначального уровня общественной опасности деяния, ведь запрет на манипулирование в Законе о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком (в ст. 5) в равной степени распространяется на любой способ распространения. Возникшую при этом конкуренцию со ст. 15.21 КоАП следует преодолевать по признаку субъекта ответственности, установив ее административный вид только для юридических лиц.

В то же время, как было отмечено ранее, распространение информации в СМИ и в сети Интернет, само по себе является более опасным нарушением. Следовательно, такой способ совершения преступления, предусмотренного ст. 185³ УК РФ, согласно доводу изложенному выше, мог бы иметь значение квалифицирующего признака.

Весьма важным критерием при конструировании составов преступлений является возможность доказывания включенных в их описание признаков. Как отмечает А.В. Иванчин, проблемы доказывания преступления могут, а порой и должны служить

основанием для корректировки конструируемого или реконструируемого состава преступления [Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 165]. Одной из таких проблем является установление признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ. Данная ситуация связана в первую очередь с несовершенством специального законодательства. Так, отсутствие понятия манипулирования рынком не позволяет разделить противоправное поведение и правомерное поведение участников рынка или действие рыночных сил [\[6, с. 208-209\]](#), критике подвергается и установление оценочных последствий преступлений [\[7, с. 523, 525\]](#). Если решение первой проблемы зависит от совершенствования специального законодательства, то выход из второй ситуации может быть связан с формализацией состава и включением в него предложенного ранее признака «в целях недобросовестной конкуренции», «переведя» таким образом положения УК РФ о преступлениях, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, непосредственно в сферу защиты добросовестной конкуренции, выделив основание уголовной ответственности лиц, не являющихся хозяйствующими субъектами.

Еще одни правила, важность которых при построении составов преступлений не вызывает сомнений, а их значимость для понимания общего смысла уголовно-правового запрета и правоприменения невозможно переоценить, - правила логики. Нарушение правил логики при построении составов рассматриваемой группы преступлений обнаруживается нередко.

Одним из примеров несоответствия правилам логики, в частности, требованию непротиворечивости, является существующий в диспозициях норм ст. 185³ и 185⁶ УК РФ признак «избежание убытков». Официальное понимание избежания убытков приведено в примечании к ст. 185³ УК РФ, согласно которому ими признаются убытки, которых лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком. Основное противоречие в том, что вообще-то избежание убытков – нормальное стремление любого лица, тем более в сфере экономической деятельности. Привлекать к уголовной ответственности лицо лишь за то, что оно избежало убытки путем совершения хоть и незаконных действий, но без каких-либо вредных последствий, возникших параллельно у иных лиц, указанных в уголовном законе в качестве криминообразующих признаков, вызывает сомнение не только в целесообразности, но и в адекватности такой меры. Представляется, что в такой ситуации может идти речь о действиях в состоянии крайней необходимости, что исключает уголовную ответственность.

Существенно усложняют правоприменение нарушения языковых правил, среди которых особого внимания требуют правила употребления терминологии, сочетания казуистического и абстрактного приемов, формального и оценочного приемов, точности и ясности уголовного закона [Иванчин А. В. Указ. соч. С. 331-353].

Правило употребления терминологии применительно к рассматриваемой группе преступлений в первую очередь связано с использованием в уголовно-правовых нормах специальных терминов, описание которых дано в ФЗ «О защите конкуренции», ч. 4 Гражданского кодекса РФ, Законе о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и др. Отдельными исследователями проблем конструирования состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, отмечаются недостатки также формулирования и использования в ней универсальных терминов. Так, В.В. Артемов предлагает в названии ст. 183 УК РФ термин

«получение» заменить на «собирание», поскольку они имеют разное трактование, из которых более точным в целях уголовного права является «собирание» как процесс поиска, приобретения чего-либо. Термин «разглашение» автор полагает рациональным заменить на «использование», так как разглашение является одним из способов использования [Артемов В.В. Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 20].

Несоблюдение правила сочетания абстрактного и казуистичного приемов приводит к тому, что в норме права изложено сложное описание признаков объективной стороны, а затем дана ссылка на специальный закон, к которому правоприменитель должен обратиться за уяснением остального смысла уголовно-правового запрета. В частности, именно такой эффект получился при описании преступления в ст. 185³ УК РФ. Вследствие этого возникает вопрос о целесообразности подробного перечисления неисчерпывающего перечня запрещенных деяний в уголовно-правовой норме при наличии отсылки к закону, их предусматривающему.

В этой связи аналогичными видятся ситуация и ее решение при описании признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 185⁶ УК РФ. Законом о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком предусмотрен термин «неправомерное использование инсайдерской информации», раскрытый в документе путем описания запрещенных форм использования инсайдерской информации в ст. 6, что нашло свое отражение в уголовно-правовой норме в виде их перечисления. Применение бланкетного приема даст возможность избежать такого перечисления, а также позволит увидеть правопримениителю исключения из запрета.

Другой пример – описание признаков преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 146 УК РФ, связанных с незаконным использованием поименованных в ней объектов авторских и смежных прав. В частности, возникает вопрос о необходимости уточнения того, какие именно действия признаются в данной статье незаконным использованием объектов авторского права или смежных прав, к которым также отнесены приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм, суть которых заключается в «участии» указанных объектов в обороте. Идентичная ситуация с ч. 1 ст. 147 УК РФ. Представляется, что допустимо ограничиться в таком описании указанием на основное противоправное деяние – незаконное использование соответствующих объектов интеллектуальной собственности. В этом смысле более удачное описание признаков преступления с использованием средств индивидуализации имеет место в ст. 180 УК РФ, в которой законодатель избежал пространного перечисления способов незаконного использования средств индивидуализации. При этом целесообразным было бы понимать под неправомерным использованием объектов авторского права, смежных и патентных прав не только нарушение исключительных прав, но и прав авторства, присвоение которого в сфере экономической деятельности может иметь значение для незаконного получения прибыли.

Полагаем, что таким же должен быть подход и к перечислению видов незаконного способа собирания сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую в ч. 1 ст. 183 УК РФ. Объективная сторона данного преступления смотрелась бы более лаконично, если бы описание заключалось в собирании сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну любым незаконным способом.

Другим важным аспектом в противодействии криминальным формам недобросовестной

конкуренции является дифференциация уголовной ответственности на основе квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков. Их наличие или отсутствие, недостатки формулирования составляют часть проблем законодательной техники, одновременно сказываясь на эффективности дифференциации ответственности как направления уголовно-правовой политики. Например, при анализе признаков преступлений рассматриваемой группы усматривается диссонанс в соотношении квалифицирующих признаков преступлений, предусматривающих ответственность за посягательства на разные объекты интеллектуальной собственности. Так, в ст. 147 и 180 УК РФ не предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления в особо крупном размере, а также лицом с использованием своего служебного положения, которые перечислены в ч. 3 ст. 146 УК РФ, в то время как анализ приговоров свидетельствует о существовании в практике деяний с такими же или подобными признаками [Напр., приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области № 1-225/2014 от 11.07.2014 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/APefj5rLd44> (дата обращения: 15.04.2019)]; разные по степени и характеру общественной опасности формы соучастия – группа лиц по предварительному сговору и организованная группа – отнесены к одному квалифицирующему признаку преступлений, предусмотренных ст. 146 и 147 УК РФ.

Использование служебного положения как другой признак нередко упоминается в приговорах при описании преступлений, предусмотренных ст. 147 и 180 УК РФ. В первом случае речь идет о большинстве ситуаций, когда незаконное использование объектов патентных прав происходит в связи с занимаемой должностью руководителя хозяйственного общества. Такой же статус виновных лиц встречается при анализе приговоров по ст. 180 УК РФ, однако среди признаков данного преступления использование служебного положения не предусмотрено.

Что касается преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, то ряд исследователей склоняется к необходимости введения квалифицирующего признака совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения относительно одного из способов – сабирания сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну [Крянин С.М. Уголовно-правовая охрана секрета производства (ноухау): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 10; Зайцев В.Н. Уголовно-правовая охрана промышленной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 10]. Следует отметить рациональность данного предложения, ибо такие действия встречаются в практике. Однако представляется, что сабирование или использование сведений, составляющих коммерческую тайну, лицом, осуществляющим управлеческие функции в организации, является более опасным, ибо такое лицо в силу занимаемого положения может влиять на иных лиц, в том числе склоняя их к сабированию сведений, составляющих коммерческую тайну конкурента.

Вызывает вопросы анализ квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 185³ УК РФ: статья предусматривает повышенную ответственность только за совершение преступления организованной группой, не устанавливая ее за предварительный сговор, хотя в практике Центрального банка РФ весьма часто фиксируются факты манипулирования рынком группой лиц [Перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // URL: https://www.cbr.ru/inside/inside_detect/table/ (дата обращения: 15.02.2024)].

Одновременно с этим обращает внимание отсутствие признака группового совершения преступления, предусмотренного ст. 185⁶ УК РФ. В деятельности Центрального банка РФ

выявление случаев неправомерного использования инсайдерской информации в составе группы лиц – редкий факт, однако анализ правоприменения в этой области подтверждает их наличие [Перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // URL: https://www.cbr.ru/inside/inside_detect/table/ (дата обращения: 15.02.2024)].

Представляется, что в свете унификации групповых признаков, как свойственных преступлениям с проявлением форм недобросовестной конкуренции, следует установить квалифицирующий признак совершения деяния группой лиц по предварительному сговору для преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, в связи с имеющимися место в практике фактов группового нарушения законодательства. Так как признаки организованной группы с той или иной степенью вероятности могут быть установлены при расследовании случаев группового совершения преступления, ибо признак организованной группы законодатель уже включил в описание преступления, предусмотренного ст. 185³ УК РФ, следует данный признак предусмотреть и для преступления, предусмотренного ст. 185⁶ УК РФ, как посягающего на один и тот же охраняемый объект.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости универсального подхода к описанию критериев криминализации деяний, рассматриваемых в данной статье как проявления недобросовестной конкуренции, унификации их квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков в целях обоснования формирования общих, специальных и квалифицированных составов преступлений исследуемой группы.

Другая актуальная проблема заключается в согласовании видов и размеров наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера в первую очередь конфискации со степенью и характером общественной опасности деяний.

Наказания за совершение изучаемой группы преступлений представлены штрафом, исправительными работами, обязательными работами, принудительными работами, лишением свободы и лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью. В большинстве случаев установлено обязательное применение как основного, так и дополнительного наказания.

Множественность видов наказаний, установленных законодателем за рассматриваемую группу преступлений, с одной стороны, дает возможность судье выбор мер с учетом многих обстоятельств как совершенного преступления, так и личности виновного, но, с другой стороны, расширяет рамки судебского усмотрения, что критически воспринимается в науке [8, с. 265; 9, с. 150-152; 10, с. 402].

В то же время проведенное исследование практики назначения наказаний показало использование неширокого круга наказаний: традиционными их видами являются лишение свободы, штраф в твердой денежной сумме и обязательные работы, еще реже – исправительные работы. Так, анализ назначенных наказаний по наиболее многочисленным преступлениям, предусмотренным ч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ, показал, что судьи в большинстве случаев (77 %) останавливают свой выбор при назначении наказания на лишении свободы (условно), из них в 5,5 % случаев лишение свободы было назначено вместе со штрафом; основное наказание в виде штрафа составило 12 %, обязательные работы и исправительные работы – 6 % и 5 %. В случаях совершения данного преступления в сфере предпринимательской деятельности, то есть при наличии потенциальных признаков недобросовестной конкуренции, в основном наказания назначались в виде лишения свободы сроком от 6 месяцев до 3 лет условно, в

отдельных случаях со штрафом, либо только в виде штрафа.

По ч. 1–2 ст. 183 УК РФ 46 % наказаний было назначено в виде лишения свободы, из них 39 % – условно, 44 % – штраф, 10 % – исправительные работы. По ч. 1–4 ст. 180 УК РФ лишение свободы составило – 16 %, из них 13 % условно, штраф был наложен в 57 % случаев, исправительные работы – в 4 %, обязательные работы – в 17 %, лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью – в 4 % случаев.

Следует отметить, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью оказалось необоснованно редким явлением в системе наказаний за рассматриваемую группу преступлений. В частности, оно установлено в качестве дополнительного наказания, назначаемого по усмотрению суда за преступления, предусмотренные только ст. 185³, 185⁶ УК РФ, а в обязательном порядке как дополнительное данное наказание назначается лишь в случаях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 183 УК РФ. Не установлен данный вид наказания за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ, лицом с использованием своего служебного положения, что следует признать явным пробелом.

Определение законодателем значения такого наказания как лишение свободы для преступлений рассматриваемой группы указывает на то, что большинство из них отнесено к категории преступлений небольшой тяжести. Так, срок лишения свободы варьируется в рамках от 2 лет (ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 ст. 180, ч. 1 ст. 183 УК РФ) до 4 лет (ч. 1 ст. 185³ УК РФ, ч. 1 ст. 185⁶ УК РФ).

Предел штрафа за совершение изучаемой группы преступлений, содержащих признаки основного состава, составляет 500 тыс. рублей. Такой максимальный размер штрафа установлен за разные по набору признаков в основных составах преступлений, в частности, за клевету, незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, манипулирование рынком и незаконное использование инсайдерской информации. При этом низший предел штрафа имеют только санкции преступлений, предусмотренных ст. 180, 185³ и 185⁶ УК РФ.

Тем временем, отмечаемая в науке проблематика построения санкций [напр., Устинова Т.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2005. С. 32-33; Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. 204 с.; Мелюханова Е.Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 219], в полной мере свойственна и санкциям в нормах о преступлениях, имеющих признаки недобросовестной конкуренции. Известно, что построение санкций должно основываться на требовании согласованности и соизмеримости суровости содержащихся в ней наказаний с тяжестью преступления. Соответственно преступления одной группы должны иметь непротиворечивую внутреннюю систему наказаний. Так, преступления, чья объективная сторона выражается в незаконном использовании экономически равноценных по стоимости исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, должны быть наказуемы одинаковыми видами наказания и их размерами. Это не исключает того, что на размер наказания могут и должны влиять признаки состава преступления, нашедшие отражение в действиях виновного лица, в частности такие, как способ совершения преступления, ущерб, причиненный преступлением, форма вины, мотив, цель и др. Но

при наличии схожей природы общественной опасности этих признаков преступлений санкции не должны различаться. Однако существующие санкции преступлений, рассматриваемых как формы недобросовестной конкуренции, демонстрируют иную картину (таблица 1).

Таблица 1 – Признаки преступления и виды наказаний в основных составах преступлений, образующих недобросовестную конкуренцию с использованием объектов интеллектуальной собственности

Статья УК РФ	Ч. 2 ст. 146 УК РФ	Ч. 1 ст. 147 УК РФ	Ч. 1 ст. 180 УК РФ	Ч. 3 ст. 183 УК РФ
Объективная сторона деяния	Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере (100 тыс. руб.)	Незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти действия причинили крупный ущерб (размер не указан)	Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб (400 тыс. руб.)	Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе
Штраф	До 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до	До 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18	От 100 тыс. до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного от 1 года до 2	До 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет с

	18 месяцев	месяцев	лет	лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет
Исправительные работы	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет
Обязательные работы	До 480 часов	До 480 часов	До 480 часов	
Лишение свободы	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет со штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев	До 3 лет
Принудительные работы	До 2 лет	До 2 лет	До 2 лет	До 5 лет

Из приведенных в сравнительной таблице данных следует, что равнозначными по степени и характеру общественной опасности перечисленные деяния, несмотря на почти совпадающие санкции (кроме санкции ст. 183 УК РФ), назвать нельзя: объективная сторона каждого преступления характеризуется разными признаками, имеет разные правовые последствия с разными характеристиками. При этом, если виды и размеры санкций за преступления, предусмотренные ст. 146 и 147 УК РФ, являются совпадающими, то в сравнении с ними санкция ст. 180 представлена некоторым усилением штрафа и лишением свободы, которое применяется в совокупности со штрафом. Санкция ст. 183 УК РФ говорит о признании законодателем более высокой степени общественности опасности незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайну, чем посягательства на объекты интеллектуальной собственности, хотя коммерческая тайна как секрет производства – тот же объект интеллектуальной собственности, включающий в себя другие объекты интеллектуальной собственности, а сам состав не предусматривает вредных последствий (кроме случаев, описанных в ч. 3 и 4).

Вызывают вопросы санкции за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой: ч. 3 ст. 146 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до 6 лет, ч. 2 ст. 147 – на срок до 5 лет. Отсутствие квалифицирующего признака совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения в ст. 147 УК РФ приводит к ненаказуемости такого деяния, в то время как аналогичное деяние, признаки которого описаны в смежном составе, предусмотренном п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ, наказуемо лишением свободы

сроком до 6 лет.

Резюмируя изложенное и учитывая отмеченный ранее факт относительной равнозначности уровня общественной опасности преступлений, имеющих признаки недобросовестной конкуренции, представляется правильным установить за совершение деяний основных составов преступлений наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет как верхний предел, уже установленный законодателем за совершение преступлений, предусмотренных ст. 185³, 185⁶ УК РФ, и представляющийся оптимальным согласно проведенному анализу практики назначения наказания.

В то же время целесообразно предусмотреть исключение в отношении деяний, совершаемых с использованием объектов интеллектуальной собственности, а также предусмотренного ч. 1 ст. 183 УК РФ деяния, не имеющих признаков недобросовестной конкуренции, как менее опасных преступлений, оставив лишение свободы на прежнем уровне – до 2 лет лишения свободы. Этот срок является адекватным и с позиции правоприменения.

Размеры штрафов также представляют собой тему для исследования. Так, отсутствие низшего предела штрафа в большинстве санкций за преступления рассматриваемой группы нивелирует возможность дифференциации уголовной и административной ответственности, ибо согласно ст. 46 УК РФ минимальный размер уголовного штрафа составляет 5 тыс. рублей и столько же составляет максимальный размер административного штрафа в соответствии со ст. 3.5 КоАП. Особенno эта проблема актуальна в отношении наказаний за деяния, имеющие квалифицированные виды.

С учетом изложенного представляется целесообразным определить минимальный размер штрафа для всех преступлений рассматриваемой группы, имеющих признаки недобросовестной конкуренции, 600 тыс. рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев. Штраф в размере менее 600 тыс. рублей следует установить в отношении деяний, совершенных лицами, не обладающими статусом специального субъекта, в частности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 обновленных ст. 180, 183, 185³, 185⁶ УК РФ.

Имеет смысл исправление существующей ситуации в отношении такого наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, расширив возможности его назначения и в качестве основного, и в качестве дополнительного, исключив его назначение судом по своему усмотрению.

В целях дифференциации наказаний в сравнении с менее тяжким преступлением представляется важным определить низший предел всех видов наказания за совершение преступлений, имеющих признаки квалифицированного (особо квалифицированного) состава преступления.

Иные меры уголовно-правового характера, применение которых также дифференцирует уголовную ответственность, в отношении рассматриваемой группы преступлений оказались недостаточно отраженными в УК РФ. Так, перечень в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ не содержит всех составов преступлений рассматриваемой группы, что вызывает сомнение в правильности такого подхода, так как данные преступления совершаются из корыстной заинтересованности, преследуют цель противозаконного получения дохода при осуществлении предпринимательской деятельности.

Если в отношении недобросовестной конкуренции, связанной с нарушением авторских и

смежных прав, патентных прав, УК РФ установил основания применения института конфискации, то преступление, предусмотренное ст. 180 УК РФ, осталось за рамками ст. 104¹ УК РФ, как и манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации.

Между тем в перечне преступлений, в отношении которых конфискация должна быть введена участниками Конвенцией Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма» (CETS N 198) (Варшава, 16 мая 2005 г.), подписанной Российской Федерацией, названы производство контрафактной и пиратской продукции, торговля инсайдерской информацией и манипулирование рынком. Таким образом, в перечень преступлений, за совершение которых суд должен назначать конфискацию имущества согласно п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, необходимо включить деяния, предусмотренные ст. 180, 185³ и 185⁶ УК РФ.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. УК РФ не содержит четкого механизма защиты от недобросовестной конкуренции, предусматривая составы преступлений, имеющие некоторые общие признаки с указанным нарушением антимонопольного законодательства в ст. 128¹, 146, 147, 180, 183, 185³ и 185⁶ УК РФ. Корректировка положений УК РФ в направлении установления конкретных оснований уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию должна основываться на их соответствии запретам специального закона – ФЗ «О защите конкуренции». Следовательно, особенностью законодательной техники при построении составов таких преступлений являются бланкетные нормы, позволяющие учитывать отраслевую специфику регулирования тех или иных охраняемых отношений.

Проблемы установленных законодателем наказаний за совершение преступлений, имеющих признаки недобросовестной конкуренции, заключаются в их альтернативности, несоответствии отдельных санкций уровню общественной опасности деяний, в том числе отраженной в квалифицирующих особо квалифицирующих признаках, а также в смежных составах преступлений. Институт конфискации также нуждается в совершенствовании, так как не в полной мере задействован не только в целях дифференциации, сколько унификации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, которые имеют корыстную направленность, но не включены в ст. 104¹ УК РФ.

С учетом сформулированных предложений по совершенствованию элементов конструкции составов преступлений, которые могут быть применены в целях борьбы с недобросовестной конкуренцией, новые общие, специальные и квалифицированные составы (а также действующие нормы) могли бы выглядеть следующим образом:

Статья 180. Незаконное использование объектов интеллектуальной собственности

1. Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, а равно незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, совершенное в коммерческом масштабе, - наказывается...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в целях недобросовестной конкуренции, - наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или частью второй настоящей статьи, совершенные:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;
- в) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации, - наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, - наказываются...

Примечание. 1. Деяние считается совершенным в коммерческом масштабе, если производство контрафактной продукции основано на механизации и автоматизации процесса, ориентированном на массовое изготовление контрафактных товаров и реализацию таких товаров, а равно реализация товаров, изготовленных таким путем, направленные на систематическое получение прибыли.

Массовое изготовление, массовая реализация – изготовление, реализация для неопределенного круга лиц, то есть лиц, которые не могут быть заранее определены.

2. Деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 180, ч. 1 ст. 180¹, п. «б» ч. 2 ст. 183, ч. 2 ст. 185³ и ч. 2 ст. 185⁶ УК РФ, считается совершенным в целях недобросовестной конкуренции, если оно совершено в целях получения преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности посредством незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну, распространения ложных, неточных или искаженных сведений о лице или его деятельности либо умышленных действий, запрещенных законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, и любого умышленного использования инсайдерской информации.

3. Деяние считается совершенным в коммерческом масштабе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации, если размещение объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет или средствах массовой информации допускает их использование неопределенным кругом лиц и направлено на систематическое получение прибыли, в том числе от размещения рекламы на сайте (странице) лица.

Статья 180¹ Дискредитация

1. Умышленное распространение ложных, неточных или искаженных сведений об индивидуальном предпринимателе или организации, либо об их деятельности, в целях недобросовестной конкуренции, которые причинили ущерб их деловой репутации, - наказывается...

2. То же деяние, совершенное:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

в) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или в средствах массовой информации, - наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или частью второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия, - наказываются...

Статья 183. Незаконные собирание и использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну

1. Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, незаконным способом, - наказывается...

2. Незаконное использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, совершенное:

а) без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе;

б) в целях недобросовестной конкуренции, - наказывается...

3. Деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

в) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации – наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частью второй или частью третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой или повлекшие тяжкие последствия, - наказываются...

Статья 185³. Манипулирование рынком

1. Умышленные действия, определенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, в результате которых цена, спрос, предложение или объем торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без таких действий, – наказывается...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в целях недобросовестной конкуренции, - наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствах массовой информации,

в) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации – наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные

организованной группой, – наказываются...

Статья 185⁶. Неправомерное использование инсайдерской информации

1. Использование инсайдерской информации, запрещенное законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, – наказывается...
2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в целях недобросовестной конкуренции, – наказывается...
3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:
 - а) группой лиц по предварительному сговору,
 - б) путем неправомерной передачи инсайдерской информации другому лицу,
 - в) лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации – наказываются...
4. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, – наказываются...

В свою очередь санкция за состав преступления, совершенного с целью недобросовестной конкуренции, предусмотренного обновленными ч. 2 ст. 180, п. «б» ч. 2 ст. 183, ч. 2 ст. 185³ и ч. 2 ст. 185⁶ УК РФ, а также ч. 1 вновь предложенной ст. 180¹ УК РФ, с учетом проведенного исследования, могла бы включать следующие виды наказания и их размеры: штраф в размере от шестисот тысяч рублей до трех миллионов рублей или в размере заработной платы осужденного за период от шести месяцев до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Библиография

1. Даниловская А. В. Экономическое обоснование уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Lex Russica. 2021. № 2. С. 93-107.
2. Даниловская А. В. Недобросовестная конкуренция: современное состояние криминализации // Право и политика. 2024. № 4. С. 1-23.
3. Сизов В. А. Актуальные проблемы противодействия преступлениям, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2017. № 1 (41). С. 40-48.
4. Кудрявцев В. Л. Преступления против интеллектуальной собственности : некоторые проблемы объединения и совершенствования // Преступления против интеллектуальной собственности : материалы Международ. науч.-практич. конф. (19–20 мая 2011 г.). Н. Новгород : Нижегородский филиала НИУ – Высшей школы экономики, 2011 [Электронный ресурс] // <https://www.iuaj.net/node/735> (дата обращения: 28.09.2020).
5. Наумов Ю. Г., Хазиев Г. А. Неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 349-355.
6. Бобков О.В. Манипулирование рынком: проблемы эффективности уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 206-211.

7. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право : монография / И.А. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2022.
8. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : [в 2 ч.] / Н.А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – Ч. 1.
9. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография / А.И. Коробеев. – Москва : Юрлитинформ, 2019.
10. Павлинов А. В. Назначение уголовного наказания : проблемы теории и практики // в кн. : Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М. : Проспект, 2019

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Недобросовестная конкуренция: проблемы криминализации деяний и дифференциации ответственности за их совершение».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам уголовно-правовой ответственности за недобросовестную конкуренцию. Автором рассматривается действующее регулирование в данной сфере согласно УК РФ, а также предлагает собственное видение того, как стоит сформулировать новые нормы уголовного законодательства. В качестве конкретного предмета исследования выступили нормы действующего законодательства, эмпирические данные, иные материалы практики, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об уголовно-правовой ответственности за недобросовестную конкуренцию. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм УК РФ). Например, следующий вывод автора: «Проведенное исследование позволяет сделать вывод о существовании в УК РФ описания некоторых преступлений, которое в той или иной степени соответствует запретам недобросовестной конкуренции в ФЗ «О защите конкуренции» - это преступления, предусмотренные ст. ст. 1281, 146, 147, 180, 183, 1853 и 1856 УК РФ. Так, анализ признаков перечисленных преступлений, а также судебной практики указывает, в частности, на то, что ст. 1281 в целях защиты прав индивидуальных предпринимателей может быть применена к формам недобросовестной конкуренции, предусмотренным ст. 14.1 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации» и 14.3 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем

некорректного сравнения» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 146 и ст. 147 УК РФ в некоторой степени отражают запреты, содержащиеся в ст. 14.5 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с использованием результатов интеллектуальной деятельности» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 180 УК РФ – ст. 14.6 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 183 УК РФ – ст. 14.7 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну», ст. 1853 УК РФ – ст. 14.1 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации», 14.2 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение» и ст. 14.8 «Запрет на иные формы недобросовестной конкуренции» ФЗ «О защите конкуренции», ст. 1856 УК РФ – ст. 14.7 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну» и ст. 14.8 «Запрет на иные формы недобросовестной конкуренции» ФЗ «О защите конкуренции» [2, с. 1-23]. Перечисленные составы преступлений не содержат прямых отсылок к ФЗ «О защите конкуренции», а в практике обнаружить признаки недобросовестной конкуренции в действиях виновных лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по этим статьям, можно лишь посредством анализа состоявшихся приговоров или материалов уголовных дел. Одновременно с этим исследование показало, что современные редакции данных статей вызывают многочисленные вопросы теоретического и правоприменительного характера, состояние и решение которых напрямую сказывается как на эффективности уголовной ответственности за совершение описанных в них преступлений в целом, так и за проявления недобросовестной конкуренции».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема уголовно-правовой ответственности за недобросовестную конкуренцию сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Одним из актуальных вопросов современной уголовно-правовой политики России является противодействие нарушениям антимонопольного законодательства, среди которых картель - ограничивающее конкуренцию соглашение - является наиболее опасным».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«УК РФ не содержит четкого механизма защиты от недобросовестной конкуренции, предусматривая составы преступлений, имеющие некоторые общие признаки с указанным нарушением антимонопольного законодательства в ст. 1281, 146, 147, 180, 183, 1853 и 1856 УК РФ. Корректировка положений УК РФ в направлении установления конкретных оснований уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию должна основываться на их соответствии запретам специального закона – ФЗ «О защите конкуренции». Следовательно, особенностью законодательной техники при построении составов таких преступлений являются бланкетные нормы, позволяющие учитывать отраслевую специфику регулирования тех или иных охраняемых отношений».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию отечественного уголовного законодательства, что может быть полезно для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с квалификацией преступлений.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Даниловская А.В., Лопашенко Н.А., Коробеев А.И., Павлинов А.В. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области уголовного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам совершенствования уголовного законодательства России.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Басалаева С.П. Непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов: трудоправовые вопросы // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70326 EDN: TNOVVM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70326

Непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов: трудоправовые вопросы**Басалаева Светлана Павловна**

кандидат юридических наук

доцент кафедры трудового и экологического права ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", старший научный сотрудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет"

660075, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, ауд. 3-04

s.p.b@mail.ru

[Статья из рубрики "Трудовое право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.4.70326

EDN:

TNOVVM

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2024

Дата публикации:

22-04-2024

Аннотация: Предметом исследования является непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Непринятие мер рассматривается как элемент объективной стороны дисциплинарного проступка в трудовых правоотношениях, состав которого определен в п.7.1. ч.1 ст. 81 Трудового кодекса РФ, наряду с такими элементами, как "конфликт интересов" и "утрата доверия". Изучаются виды мер, столкновение их антикоррупционного и трудоправового характера; субъект принятия мер; возможности выбора меры работником и работодателем; правовые последствия непринятия; руководитель как субъект ответственности в случае неприятия мер; обязанность уведомления о конфликте интересов; содержание понятий "предотвращение" и "урегулирование". Объект исследования - трудовые

правоотношения в части дисциплинарной ответственности за коррупционные проступки и коррелирующие с ними служебные правоотношения. Автором использован общенаучный метод диалектического познания, а также ряд частнонаучных методов: технико-юридический, системно-структурный, формально-логический (дедукции, индукции, определения и деления понятия) и другие. В статье рассмотрены следующие проблемные вопросы: 1) соотношение мер, предусмотренных антикоррупционным законодательством, с трудоправовыми институтами, в частности, перевода на другую работу и отстранения от работы; 2) возможность злоупотребления правом работодателем и нарушения прав работника при принятии мер; 3) ситуация правового тупика при невозможности принятия мер; 4) неоправданное несоответствие правового регулирования мер в трудовых и служебных правоотношениях. В статье сделаны выводы о неправомерности увольнения только за неуведомление о конфликте интересов; о приоритете права работника на выбор меры во избежание злоупотребления правом со стороны работодателя; об унификации правового регулирования отстранения от работы на период расследования коррупционного проступка или увольнения руководителя за непринятие мер в трудовых и служебных правоотношениях; о путях выхода из «правового тупика» при невозможности урегулирования конфликта интересов, в частности, отдельное основание прекращения трудового договора по обстоятельствам, независящим от воли сторон, или разрешение на действие в конфликте интересов при малозначительности выгоды.

Ключевые слова:

коррупционный дисциплинарный проступок, предупреждение коррупции,
антикоррупционные обязанности работника, непринятие мер, предотвращение и
урегулирование, уведомление о конфликте, увольнение за конфликт, злоупотребление
трудовым правом, ограничение трудовых прав, перевод

В трудовых правоотношениях за коррупционное поведение в ситуации конфликта интересов возможно увольнение работника по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ (далее - ТК РФ). Объективная сторона дисциплинарного проступка, предусмотренного данной нормой, состоит из трех значимых частей. Это «конфликт интересов», «непринятие мер по предотвращению и урегулированию этого конфликта» и «утрата доверия». Предметом настоящей статьи будет вторая категория объективной стороны – непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов исследовались такими учеными в области административного и служебного права, как С.Е. Чаннов, В.Ю. Пантелеев, Т.Р. Мещерякова, Е.В. Пархоменко. Их труды будут цитироваться в ходе настоящего исследования. В трудоправовой доктрине внимания этой теме уделяется чрезвычайно мало.

Между тем, с точки зрения трудового права, при исследовании этого поведения работника возникает ряд вопросов.

1. Какие меры могут быть предприняты?
2. Кто должен принять такие меры? Это должен быть сам работник, являющийся стороной конфликта интересов? Или работодатель должен предложить их работнику? Вправе ли работник отказаться от предлагаемых ему мер и настаивать на своих мерах?

3. Что делать, если никакие меры не могут быть предприняты?
4. Что означает предотвращение, а что – урегулирование? И почему в конструкции нормы использована дизъюнкция?

Последовательно рассмотрим эти вопросы через призму трудоправовых институтов. Для целей исследования будут использоваться общенаучный метод диалектического познания, а также частнонаучные методы: технико-юридический, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой.

Виды мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон «О противодействии коррупции») указано, что предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в изменении должностного или служебного положения лица, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке и (или) в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов, а также осуществляются путем отвода или самоотвода указанного лица в случаях и порядке, предусмотренных законодательством РФ (ч. 4, ч. 5 ст. 11).

Как видим, законодатель приводит четыре способа предотвращения или урегулирования конфликта интересов:

- 1) изменение должностного (служебного) положения;
- 2) отстранение от исполнения обязанностей, как частный случай изменения должностного положения;
- 3) отказ от выгоды, явившейся причиной конфликта интересов;
- 4) отвод или самоотвод в случаях и порядке, предусмотренных законодательством.

Что касается отвода (самоотвода), то трудовое законодательство таких случаев не предусматривает. Тем не менее, эта мера может быть применима в трудовых правоотношениях, как мера организационного характера. Ее можно рассматривать как отказ работника от взаимодействия с определенными лицами, не участие в определенных процедурах. Например, не участие работника в проверке организации, от которой он получал доход или в которой работает его родственник; самоотвод (отвод) при голосовании в коллегиальных органах. Эта мера не требует специального режима с точки зрения трудового права, работодатель может применять ее по своему усмотрению.

Аналогичное утверждение можно сделать и в отношении отказа от выгоды, явившейся причиной конфликта интересов. Эта мера не требует трудоправового оформления и не влечет трудоправовых последствий. Более того, нередко ее реализация лежит за переделами трудовых правоотношений. Например, это продажа работником определенных финансовых активов или увольнение его с другой работы.

Две другие из названных мер имеют опосредование в нормах трудового законодательства. Так, отстранение от работы регулируется ст. 76 ТК РФ, которая содержит перечень оснований отстранения от работы. К ним относятся: появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; непрохождение обучения и проверки знаний и навыков в области охраны труда; непрохождение обязательного медицинского осмотра и др. Ситуация конфликта интересов среди оснований в ТК РФ не названа. Однако ст. 76 ТК РФ содержит

отсылочную норму к другим случаям, предусмотренным ТК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ. К таким случаям и можно отнести ч. 4 ст. 11 Закона «О противодействии коррупции». Следовательно, отстранение от работы как мера предотвращения или урегулирования конфликта интересов возможна в трудовых правоотношениях.

Отметим, однако, что эта мера ставит работника в неблагоприятное положение. По общему правилу, по ст. 76 ТК РФ на период отстранения за работников не сохраняется заработка плата, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами. Соответственно, законодательством таких исключений для отстранения в связи с урегулированием конфликта интересов для работников не предусмотрено. При этом для государственных служащих на период отстранения от замещаемой должности в аналогичной ситуации денежное содержание сохраняется (ч. 4 ст. 32 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). К трудовым правоотношениям законодательство о государственной службе не применяется. Очевидно, что такое правовое регулирование является несправедливым, ибо с одной стороны, устанавливает неблагоприятные последствия для работника при отсутствии противоправных действий с его стороны, с другой стороны, создает дискриминационную ситуацию в отношении работников по сравнению с государственными служащими и, наконец, снижает эффективность отстранения от работы как меры антикоррупционной безопасности. Полагаем необходимым предусмотреть возможность сохранения заработной платы в связи с отстранением от работы на период урегулирования конфликта интересов в Законе «О противодействии коррупции».

Рассмотрим теперь основной способ предотвращения и урегулирования конфликта интересов – изменение должностного (служебного) положения. В ряде случаев невозможно урегулировать конфликт путем «отвода» работника от участия в какой-либо деятельности или взаимодействия с каким-либо лицом (физическими или юридическим), если такая деятельность или взаимодействие являются постоянными при выполнении работником своей трудовой функции. Например, родственник работает в подконтрольном или подчиненном работнику подразделении.

С точки зрения трудового права изменение должностного положения возможно путем перевода на другую работу. Причем переводом является как изменение должности работника, так и изменение трудовой функции при сохранении прежней должности. В любом случае, в соответствии со ст. 72.1 ТК РФ перевод возможен только с письменного согласия работника. Исключения установлены для временного перевода сроком не более чем на один месяц. Это возможно только в случае аварии, стихийного бедствия, простоя, вызванного чрезвычайными обстоятельствами и других исключительных случаях, ставящих под угрозу жизнь и нормальные жизненные условия всего населения или его части (ч. 2, 3 ст. 72.2 ТК РФ). В случае производственной необходимости или других объективных обстоятельств, как, например, наличие конфликта интересов, перевод без согласия работника не допускается.

Неким «окном возможностей» для работодателя является такая корректировка должностных обязанностей работника, которая не привела бы к изменению трудовой функции, не являлась бы переводом и, как следствие, не требовала бы согласия работника.

В судебной практике поддерживается такая позиция, что работодатель вправе самостоятельно с учетом специфики работы определять круг обязанностей работника,

увеличивать либо уменьшать их объем. При этом уточнение должностных обязанностей не означает изменения условий договора. (Апелляционные определения Московского городского суда от 24.11.2016 по делу № 33-47236/2016, Омского областного суда от 29.04.2015 по делу № 33-2668/2015, Кировского областного суда от 16.01.2014 по делу № 33-20/2014; Кассационные определения ВС Удмуртской Республики от 19.10.2011 по делу № 33-3741/11, Ростовского областного суда от 11.07.2011 по делу № 33-9512). Нельзя не отметить при этом, что есть и противоположные решения судов, основанные на том, что любое положение должностной инструкции является условием трудового договора, и любое изменение требует согласия работника. (Апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.10.2016 по делу № 33-17060/2016; Определения ВС Республики Коми от 16.07.2012 по делу № 33-2986АП/2012, Иркутского областного суда от 27.01.2012 по делу № 33-716/2012; Кассационное определение ВС Республики Алтай от 27.10.2010 по делу № 33-644) [\[1, с. 21\]](#). И хотя такая правовая позиция не является доминирующей, все же любое изменение должностного положения работника без его согласия создает, с точки зрения трудового права, риск признания этого решения незаконным, ибо такая конструкция как «корректировка должностных обязанностей без изменения трудовой функции» не является нормативной, а основана на толковании судебной практикой. К тому же грань между уточнением и изменением весьма тонка. Полагаем, тем не менее, что работодатель может пользоваться этим инструментом в качестве меры по урегулированию конфликта интересов, с известной долей осторожности, учитывая возможность «превращения» изменения должностных обязанностей в изменение трудовой функции и, следовательно, перевод.

Мы рассмотрели все указанные в Законе «О противодействии коррупции» меры. Полагаем, что перечень этих мер не исчерпывающий. Тем более, что и сама конструкция нормы ст. 11 Закона «О противодействии коррупции» построена диспозитивно: «предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в....». Итак, какие же еще возможны меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов?

В научной литературе [\[2, 3, 4\]](#) приводятся такие дополнительные меры (они приводятся в качестве мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на государственной службе, но вполне применимы и в трудовых правоотношениях):

- ограничение доступа служащего к конкретной информации;
- усиление контроля за выполнением государственным служащим обязанностей, в ходе выполнения которых возникает конфликт интересов;
- установление коллегиального порядка принятия решений по вопросам, с которыми связан конфликт интересов;
- временное делегирование полномочий государственного служащего, являющегося стороной конфликта интересов, другому служащему;
- отстранение государственного служащего на постоянной либо временной основе от выполнения функций, которые послужили причиной возникновения или предпосылкой для возникновения конфликта интересов.

На основе подобных доктринальных предложений и Минтруд РФ в Методических рекомендациях приводит ряд способов урегулирования конфликта интересов: отстранение работника от принятия того решения, которое является предметом конфликта интересов; отстранение работника от осуществления рабочих обязанностей в

отношении материнской, дочерней или иным образом аффилированной организации; введение внешнего контроля за действиями лица (согласование с другим работником или коллегиальным органом, проверка антикоррупционным подразделением и т.п.).

Все эти меры, по нашему мнению, являются способами изменения должностного положения (трудовых обязанностей) работника.

Непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Теперь перейдем к наиболее сложному вопросу нашего исследования – противоправному поведению работника, являющемуся основанием увольнения. Рассмотрим, что же означает: «непринятие мер».

Во-первых, обратимся к субъекту поведения в этом составе правонарушения. Кто должен принять меры: сам работник или работодатель в лице представителя? Некоторые меры может предпринять сам работник, как, например, отказ от выгоды. Но все остальное – отстранение, перевод, изменение должностных прав и обязанностей (исключение определенных видов деятельности, ограничение доступа к информации, введение коллегиальной формы принятия решений и т.п.) – может сделать только работодатель. Любые юридически значимые действия в трудовых правоотношениях может совершить только работодатель. Даже самоотвод (отказ работника от участия в каком-то трудовом действии) должен принять работодатель, иначе для работника это будет неисполнением трудовых обязанностей.

Отсюда можно сделать вывод, что обязанность принять меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов лежит, в первую очередь, на работодателе – его представителе. Однако, как видно из формулировки состава дисциплинарного проступка в п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, субъектом данного правонарушения является только сам работник. Ибо это основание увольнения установлено только для работника, являющегося стороной конфликта интересов. Соответственно, руководитель такого работника (представитель работодателя), от которого и зависит принятие этих мер, уволен по п. 7.1 ч.1 ст. 81 быть не может. Это очень странная ситуация. Тем более, что законодательство о государственной гражданской службе устанавливает увольнение представителя нанимателя в этом случае (ч. 4.1 ст. 19 Закона «О государственной гражданской службе в РФ»). В трудовом же законодательстве такой возможности не предусмотрено.

Какие же меры ответственности можно применить к руководителю работника, являющегося стороной конфликта интересов? Обязанность работодателя принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в случае, когда ему стало известно о такой ситуации, установлена законом (ч. 3 ст. 11 Закона «О противодействии коррупции»). Следовательно, неисполнение этой обязанности представителем работодателя в трудовых правоотношениях будет являться дисциплинарным проступком, за который может вынесено иное дисциплинарное взыскание (кроме увольнения) – замечание или выговор.

Итак, субъектом увольнения по п.7.1 ч.1 ст.81 ТК РФ является работник, у которого возник конфликт интересов. Что означает «непринятие мер» для него? Означает отказ от мер, которые предлагает ему работодатель. Так, например, работник отказывается выйти из состава коллегиального органа, не согласен с введением дополнительного контроля, с ограничением его прав, с изъятием каких-то трудовых функций, с отводом его от участия в определенных трудовых действиях и т.п. – это все можно рассматривать как состав дисциплинарного проступка: «непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов», за который возможно увольнение.

В научно-практической литературе это так и понимается [5, с. 199; 6].

Но с таким прямолинейным подходом сложно согласиться. В этой ситуации нам видится два проблемных вопроса, не нашедших отражение в литературе и не учтенных судебной практикой.

1. Можно ли рассматривать как непринятие мер отказ работника от перевода на другую работу? Ибо, как было сказано выше, перевод допускается только с согласия работника. Здесь коллизия между переводом – общей трудоправовой конструкцией и переводом – мерой урегулирования конфликта интересов. Выход из этой коллизии возможен был бы, вероятно, через соотношение общей и специальной нормы, но ситуация, все равно, остается спорной, потому что понимание перевода как меры по урегулированию конфликта интересов не сформулировано законодателем в качестве нормы.

2. Обязан ли работник непременно соглашаться с мерами, предлагаемыми работодателем? Быть может, у него есть собственное видение разрешения ситуации конфликта интересов, и он предлагает (может предложить) работодателю иные меры урегулирования. Например, работодатель полагает нужным перевести работника на другую должность или ввести над ним дополнительную руководящую должность, а работник заявляет, что он откажется от выгоды или будет всегда брать самоотвод от трудовых действий в ситуации конфликта интересов. Одним словом, как разрешить противоречие между мерами, предлагаемыми работником и работодателем, что в этом случае считать «непринятием»?

Полагаем, что первенство решения здесь должно быть отдано работнику. Не будем забывать самой природы трудовых правоотношений, в которых работник является «слабой стороной», и нормы трудового законодательства направлены на то, чтобы защитить работника от злоупотребления работодателем имеющейся у него хозяйствской властью, со всеми ее проявлениями: диспозитивной, нормативной, дисциплинарной, организационной. Да, конечно, обязанность противодействие коррупции накладывает на эти правоотношения сложный отпечаток защиты публичного интереса. Но почему надо презумировать, что работодатель защитит этот интерес непременно лучше, чем работник? Ведь и работник, и работодатель сущностно одинаково индифферентны к публичному интересу противодействия коррупции. В том смысле, что он для них является внешним интересом, не лежащим внутри трудового правоотношения. И для работника, и для работодателя защита такого интереса – это исполнение обязанности, установленной государством. Соответственно, если они находятся в равном положении по отношению к публичному интересу, то следует учитывать их неравное положение по отношению друг к другу в трудовых правоотношениях.

Да, конечно, можно сказать, что работник может предложить мнимую меру, так как он может быть заинтересован в сохранении ситуации конфликта интересов, чтобы получать из нее личную выгоду. Например, такой мнимой мерой может быть самоотвод работника при голосовании в коллегиальном органе, так как остальные работники все равно будут находиться под его влиянием или связаны с ним. Но такую же – мнимую – меру может предложить и работодатель. Ибо и работодатель может быть заинтересован в сохранении неизменным должностного положения работника в силу разных причин: нежелания или сложности кадровых перестановок, ценности работника как специалиста, авторитета работника в организации и др.

Поэтому полагаем, что при урегулировании конфликта интересов приоритет должен быть отдан мерам, предлагаемым работником. Если их реализация объективно невозможна,

тогда работник обязан принять меры, предлагаемые работодателем. В противном случае, у работодателя открываются широкие возможности злоупотребления правом на урегулирование конфликта интересов. Во-первых, желая увольнения работника он может предложить меры, заведомо для него неприемлемые. Во-вторых, обладая кадровой властью он может умышленно создать ситуацию конфликта интересов для неугодного работника.

Возможен и несколько иной подход к вопросу выбора мер предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Если, по-прежнему, приоритет выбора мер останется за работодателем, то можно предусмотреть его обязанность предлагать меры от более «мягких» к более «жестким». Такое предложение высказывается в литературе в качестве рекомендации по проведению антикоррупционной политики организации [\[7, с. 194\]](#).

Отдельно в контексте данной статьи хотелось бы обратить внимание на уведомление работником работодателя о конфликте интересов. Является ли это мерой предотвращения и урегулирования конфликта интересов? Как мы видели выше, среди мер она законодателем не названа. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 11 Закона «О противодействии коррупции» работник обязан уведомить о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно. В литературе [\[8, с. 200, 206\]](#) и в судебной практике уведомление рассматривается как одна из мер предотвращения конфликта интересов, за непринятие которой возможно увольнение (Решение Калужского районного суда Калужской области от 6 февраля 2020 г. по делу № 2-290/2020; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2022 г. по делу № 88-24904/2022; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2024 г. № 88-1571/2024).

С одной стороны, с этим следует согласиться. Действительно, уведомление о конфликте интересов – важнейшая мера противодействия коррупции, и в подавляющем большинстве случаев работодателю становится известно о конфликте интересов именно из уведомлений работников. Поэтому установление санкции за ее невыполнение – необходимое условие работоспособности процедуры выявления конфликта интересов.

С другой стороны, такой подход вызывает сомнения. Во-первых, формально-юридически это разные обязанности: уведомление о конфликте интересов (ч. 2 ст. 11 Закона «О противодействии коррупции») и принятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов (ч. 4 ст. 11 Закона «О противодействии коррупции»), а увольнение в п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ установлено только за непринятие мер. Правоприменитель использует, по нашему мнению, не вполне обоснованное расширительное толкование обязанности по непринятию мер. Интересно, что встав на этот путь – расширительного толкования категории непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов – правоприменительная практика идет дальше, включая, например, в состав непринятия мер неуведомление об обращении к работнику каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Чувашской Республики - Чувашии от 9 ноября 2015 г. по делу № 33-4629/2015, Апелляционное определение СК по гражданским делам Самарского областного суда от 14 ноября 2017 г. по делу № 33-14425/2017). Эти примеры из судебной практики приводят в одной из своих работ Д.Е. Зайков, указывая на неправомерность такого подхода [\[8, с. 32\]](#).

Во-вторых, очевидно, что неуведомление о конфликте интересов, отказ от

урегулирования конфликта и действие в конфликте интересов с извлечением личной выгоды – это разные по степени противоправности деяния работника, и они должны влечь разные меры ответственности. В нашей же правоприменительной практике эти деяния объединены в один состав правонарушения – непринятие мер, и влекут увольнение работника. Полагаем, что это не вполне справедливый подход. Но этот вопрос требует отдельного исследования.

Говоря о категории непринятия мер, обозначим еще одну проблему – «невозможность принятия». Что делать, если имеющийся конфликт интересов не может быть урегулирован никакими способами? Здесь два варианта: либо разрешение на действие в конфликте интересов, либо увольнение работника. Ни то, ни другое не предусмотрено российским законодательством. Что касается увольнения, то ТК РФ предусматривает только увольнение как меру дисциплинарной ответственности работника. В ситуации же невозможности урегулирования конфликта интересов противоправное поведение работника отсутствует, и применение этой меры невозможно. В таком случае должно быть предусмотрено иное основание прекращения трудовых правоотношений – не по инициативе работодателя и не за виновное поведение работника, а по обстоятельствам, независящим от воли сторон. Кроме того, можно было бы рассмотреть возможность разрешения на действие в конфликте интересов – при невозможности урегулирования и малозначительности извлекаемой выгоды. Пока же мы имеем ситуацию правового тупика, которая также еще ожидает своего исследования и разрешения.

Соотношение понятий «предотвращение» и «урегулирование» конфликта интересов. ТК РФ в рассматриваемом нами п.7.1 ч.1 ст. 81 использует конструкцию «меры по предотвращению и урегулированию». Это различные меры? Предотвращение и урегулирование – это разная деятельность работника в отношении конфликта интересов? Как видно из вышесказанного, законодатель не разделяет меры по предотвращению и меры по урегулированию, хотя и использует дизъюнкцию в конструкции нормы п.7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ – «предотвращение или урегулирование», то есть как бы предполагая, что это разные виды поведения работника. Но сами меры при этом не разделяет, как не разделяет и правовые последствия этого поведения – и в том, и в другом случае следует увольнение работника.

Заметим, что законодатель относится к формулировке этих видов поведения работника – предотвращение и урегулирование – с определенной долей небрежности. В Законе «О противодействии коррупции» в ч. 3, 4 и 6 ст. 11 используется дизъюнкция (союз «или»), а в ч. 5 этой же статьи – конъюнкция (союз «и»). Закон «О государственной гражданской службе в РФ», на всякий случай, использует и то, и другое – «меры по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов» (п. 1 ч. 1 ст. 59.2). Все это также свидетельствует о том, что законодатель рассматривает предотвращение и урегулирование как синонимы. Конечно, эти понятия не являются синонимами с точки зрения русского языка и обозначают разные ситуации, но назовем их «правовыми синонимами», ибо для них установлен одинаковый правовой режим.

Такой подход представляется не вполне оправданным. И дело не только в юридической технике. Поскольку предотвращение конфликта интересов и его урегулирование, действительно, разные виды деятельности, то и урегулированы они должны быть по-разному. Чем более точно правовое регулирование соответствует специфике общественных отношений, тем эффективнее действие права. Особенно в таком сложном и тонком вопросе, как противодействие коррупции в частных или частно-публичных правоотношениях, где требуется филигранное мастерство законодателя для согласования государственного интереса борьбы с коррупцией, частного интереса

работодателя и трудовых прав работника.

Можно привести примеры зарубежного законодательства, различающего меры по предупреждению и меры по урегулированию конфликта интересов. Под предотвращением при этом понимается комплекс профилактических мер в виде антикоррупционных запретов и ограничений, а также обязанностей по исключению из своей публичной деятельности потенциального конфликта интересов. Так, И.П. Кененова в своем сравнительно-правовом исследовании этого вопроса приводит такой пример. Согласно ч. 2 ст. 3 Закона от 16 марта 2006 г. № 159/2006 «О конфликте интересов Чешской Республики» нельзя использовать никакую информацию, полученную в связи со своей должностью, для обретения материальной или иной выгоды для себя или любого другого лица; обращаться к помощи своих подчиненных по вопросам, связанным с личными интересами, например с ведением бизнеса; использовать свое имя или изображение вместе со своим официальным титулом в коммерческих рекламных целях за оплату [9, с.66]. С.Г. Еремин приводит подобный пример из законодательства Хорватии [10, с.103].

Мы не настаиваем на необходимости подобного подхода в российском законодательстве. Быть может, это избыточное регулирование, затрудняющее правоприменение, но обойти вниманием вопрос соотношения предотвращения и урегулирования конфликта интересов тоже не представляется возможным. Ибо «лишние слова» недопустимы в правовых нормах.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были сделаны выводы:

- о необходимости сохранения заработной платы за работников в связи с отстранением от работы на период урегулирования конфликта интересов;
- о противоречии между изменением должностного положения как антикоррупционной меры и ограничением перевода на другую работу как трудоправовой гарантии;
- о невозможности увольнения представителя работодателя за непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов и о применении к нему иных мер дисциплинарной ответственности;
- о необходимости установления для работника приоритетного права выбора мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов во избежание злоупотребления этим правом со стороны работодателя;
- о необоснованности включения в категорию непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов неуведомления о конфликте интересов и о склонении к совершению коррупционных правонарушений;
- о наличии правового тупика при невозможности урегулирования конфликта интересов и о путях выхода из него: введение соответствующего основания увольнения по независящим от воли сторон обстоятельствам и разрешение на действие в конфликте интересов при малозначительности выгоды;
- о разности понятий «предотвращение» и «урегулирование» конфликта интересов.

Завершая статью отметим и то, что помимо частных правовых проблем институции «непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов», в ходе нашего исследования в очередной раз была высечена концептуальная проблема, давно назревшая в правовой науке – необходимость единого подхода к противодействию

коррупции в служебных и трудовых правоотношениях. Конечно же, на началах принципа единства и дифференциации правового регулирования, устанавливая общие правила, базирующиеся на идентичности правовой природы отношений, и частные правила, отражающие их отраслевую специфику.

Библиография

1. Нужно ли получать согласие работника на изменение должностной инструкции // Трудовые споры. 2018. № 6. С. 21.
2. Чаннов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение, 2009 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16538#h55tj9UKsCJQxSKw> (дата обращения: 12.04.2024).
3. Мещерякова Т.Р. Некоторые проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 59-63.
4. Пархоменко Е.В. Понятие конфликта интересов. Порядок и способы урегулирования в государственных структурах Российской Федерации и опыт зарубежных стран, 2022 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=140348#zt4xj9Usj4kUjyPk> (дата обращения: 12.04.2024).
5. Пантелеев В.Ю. Антикоррупционное право России: системный анализ. Екатеринбург: Уральский филиал РАНХиГС, 2022. 454 с.
6. Как урегулировать конфликт интересов на государственной гражданской (муниципальной) службе, 2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/konflikt_interesov_na_gosudarstvennoj_i_municipalnoj_sluzhbe/ (дата обращения: 12.04.2024)
7. Глазырин Т. С. Конфликт интересов на государственной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: Практическое пособие / Т. С. Глазырин, Т. Л. Козлов, Н. М. Колосова, А. Ф. Ноздрачев [и др.]. Москва: ИНФРА-М, 2023. 224 с.
8. Зайков Д.Е. Проблемы привлечения работников к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 30-33.
9. Кененова И.П. Регулирование конфликта интересов: типология зарубежного опыта // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 62-69.
10. Еремин С.Г. Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Управленческие науки. 2022. № 12(3). С. 99-105

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Автор сосредоточил свое внимание на изучении соответствующих трудоправовых вопросов. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается следующим образом: "В трудовых правоотношениях за коррупционное

поведение в ситуации конфликта интересов возможно увольнение работника по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Объективная сторона дисциплинарного проступка, предусмотренного данной нормой, состоит из трех значимых частей. Это «конфликт интересов» и «непринятие мер по предотвращению и урегулированию этого конфликта» и «утрата доверия». Предметом настоящей статьи будет вторая категория объективной стороны – непринятие мер. Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов исследовались такими учеными в области административного и служебного права, как С.Е. Чаннов, В.Ю. Пантелеев, Т.Р. Мещерякова, Е.В. Пархоменко. Их труды будут цитироваться в ходе настоящего исследования. В трудоправовой доктрине внимания этой теме уделяется чрезвычайно мало".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "По общему правилу, по ст. 76 ТК РФ на период отстранения за работником не сохраняется заработка плата, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами. Соответственно, законодательством таких исключений для отстранения в связи с урегулированием конфликта интересов для работников не предусмотрено. При этом для государственных служащих на период отстранения от замещаемой должности в аналогичной ситуации денежное содержание сохраняется (ч. 4 ст. 32 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). К трудовым правоотношениям законодательство о государственной службе не применяется. Очевидно, что такое правовое регулирование является несправедливым, ибо с одной стороны, устанавливает неблагоприятные последствия для работника при отсутствии противоправных действий с его стороны, с другой стороны, создает дискриминационную ситуацию в отношении работников по сравнению с государственными служащими и, наконец, снижает эффективность отстранения от работы как меры антикоррупционной безопасности. Полагаем необходимым предусмотреть возможность сохранения заработной платы в связи с отстранением от работы на период урегулирования конфликта интересов в Законе «О противодействии коррупции»; "... любое изменение должностного положения работника без его согласия создает, с точки зрения трудового права, риск признания этого решения незаконным, ибо такая конструкция как «корректировка должностных обязанностей без изменения трудовой функции» не является нормативной, а основана на толковании судебной практикой. К тому же грань между уточнением и изменением весьма тонка. Полагаем, тем не менее, что работодатель может пользоваться этим инструментом в качестве меры по урегулированию конфликта интересов, с известной долей осторожности, учитывая возможность «превращения» изменения должностных обязанностей в изменение трудовой функции и, следовательно, перевод" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы разбита на несколько разделов: "Виды мер по предотвращению и урегулированию"; "Непринятие мер", "Предотвращение и урегулирование". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков формального характера.

Все аббревиатуры при их первом использовании должны расшифровываться (ТК РФ).

Автор пишет: "Это «конфликт интересов» и «непринятие мер по предотвращению и урегулированию этого конфликта» и «утрата доверия»" - "Это «конфликт интересов», «непринятие мер по предотвращению и урегулированию этого конфликта» и «утрата

доверия»".

Ученый отмечает: "Аналогичный утверждение можно сделать и в отношении отказа от выгоды, явившейся причиной конфликта интересов" - "аналогичное".

Автор указывает: "Причем, переводом является как изменение должности работника, так и изменение трудовой функции при сохранении прежней должности" - запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Заголовки в основной части работы нуждаются в конкретизации - они слишком краткие и не раскрывают существа вопросов, которые рассматриваются в том или ином разделе статьи.

Библиография исследования представлена 10 источниками (монографией, научными статьями, практическим пособием). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (В. Ю. Пантелеев, Д. Е. Зайков) и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени.

Выходы по результатам проведенного исследования имеются ("Завершая статью отметим и то, что помимо частных правовых проблем институции «непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов», в ходе нашего исследования в очередной раз была высвеченена концептуальная проблема, давно назревшая в правовой науке – необходимость единого подхода к противодействию коррупции в служебных и трудовых правоотношениях. Конечно же, на началах принципа единства и дифференциации правового регулирования, устанавливая общие правила, базирующиеся на идентичности правовой природы отношений, и частные правила, отражающие их отраслевую специфику"), однако они не отражают всех научных достижений автора статьи, и потому нуждаются в конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере трудового права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, конкретизации итоговых выводов, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов: трудоправовые вопросы».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам, связанным с последствиями непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Проблема рассматривается с точки зрения норм трудового права. Автор, рассматривая теорию и практику вопроса, дает научно обоснованные ответы на различные проблемы заявленной тематики. В качестве конкретного предмета исследования выступили нормы законодательства, материалы практики, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о непринятии мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Как указано в самой статье, «Для целей исследования будут использоваться общенаучный метод диалектического познания, а также частнонаучные методы: технико-юридический, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм Трудового кодекса РФ). Например, следующий вывод автора: «С точки зрения трудового права изменение должностного положения возможно путем перевода на другую работу. Причем переводом является как изменение должности работника, так и изменение трудовой функции при сохранении прежней должности. В любом случае, в соответствии со ст. 72.1 ТК РФ перевод возможен только с письменного согласия работника. Исключения установлены для временного перевода сроком не более чем на один месяц. Это возможно только в случае аварии, стихийного бедствия, простоя, вызванного чрезвычайными обстоятельствами и других исключительных случаях, ставящих под угрозу жизнь и нормальные жизненные условия всего населения или его части (ч. 2, 3 ст. 72.2 ТК РФ). В случае производственной необходимости или других объективных обстоятельств, как, например, наличие конфликта интересов, перевод без согласия работника не допускается. Неким «окном возможностей» для работодателя является такая корректировка должностных обязанностей работника, которая не привела бы к изменению трудовой функции, не являлась бы переводом и, как следствие, не требовала бы согласия работника».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. Важно отметить следующий авторский вывод: «В судебной практике поддерживается такая позиция, что работодатель вправе самостоятельно с учетом специфики работы определять круг обязанностей работника, увеличивать либо уменьшать их объем. При этом уточнение должностных обязанностей не означает изменения условий договора. (Апелляционные определения Московского городского суда от 24.11.2016 по делу № 33-47236/2016, Омского областного суда от 29.04.2015 по делу № 33-2668/2015, Кировского областного суда от 16.01.2014 по делу № 33-20/2014; Кассационные определения ВС Удмуртской Республики от 19.10.2011 по делу № 33-3741/11, Ростовского областного суда от 11.07.2011 по делу № 33-9512). Нельзя не отметить при этом, что есть и противоположные решения судов, основанные на том, что любое положение должностной инструкции является условием трудового договора, и любое изменение требует согласия работника. (Апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.10.2016 по делу № 33-17060/2016; Определения ВС Республики Коми от 16.07.2012 по делу № 33-2986АП/2012, Иркутского областного суда от 27.01.2012 по делу № 33-716/2012; Кассационное определение ВС Республики Алтай от 27.10.2010 по делу № 33-644)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «В трудовых правоотношениях за коррупционное поведение в ситуации конфликта интересов возможно увольнение работника по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ (далее - ТК РФ). Объективная сторона дисциплинарного проступка, предусмотренного данной нормой, состоит из трех значимых частей. Это «конфликт интересов», «непринятие мер по предотвращению и урегулированию этого конфликта» и «утрата доверия»... Между тем, с точки зрения трудового права, при исследовании этого поведения работника возникает ряд вопросов. 1. Какие меры могут быть предприняты? 2. Кто должен принять такие меры? Это должен быть сам работник, являющийся стороной конфликта интересов? Или работодатель должен предложить их работнику? Вправе ли работник отказаться от предлагаемых ему мер и настаивать на своих мерах? 3. Что делать, если никакие меры не могут быть предприняты? 4. Что означает предотвращение, а что – урегулирование? И почему в конструкции нормы использована дизъюнкция?».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«помимо частных правовых проблем институции «непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов», в ходе нашего исследования в очередной раз была высечена концептуальная проблема, давно назревшая в правовой науке – необходимость единого подхода к противодействию коррупции в служебных и трудовых правоотношениях. Конечно же, на началах принципа единства и дифференциации правового регулирования, устанавливая общие правила, базирующиеся на идентичности правовой природы отношений, и частные правила, отражающие их отраслевую специфику».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства и правоприменения. В частности, «в ходе проведенного исследования были сделаны выводы: - о необходимости сохранения заработной платы за работников в связи с отстранением от работы на период урегулирования конфликта интересов; - о противоречии между изменением должностного положения как антикоррупционной меры и ограничением перевода на другую работу как трудоправовой гарантии; - о невозможности увольнения представителя работодателя за непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов и о применении к нему иных мер дисциплинарной ответственности; - о необходимости установления для работника приоритетного права выбора мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов во избежание злоупотребления этим правом со стороны работодателя; - о необоснованности включения в категорию непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов неуведомления о конфликте интересов и о склонении к совершению коррупционных правонарушений; - о наличии правового тупика при невозможности урегулирования конфликта интересов и о путях выхода из него: введение соответствующего основания увольнения по независящим от воли сторон обстоятельствам и разрешение на действие в конфликте интересов при

малозначительности выгоды; - о разности понятий «предотвращение» и «урегулирование» конфликта интересов».

Приведенный вывод может быть полезен для законопроектной деятельности, а также правопримениеля.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с разрешением конфликта интересов по трудовому законодательству России.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в полной мере достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Еремин С.Г., Мещерякова Т.Р., Пантелеев В.Ю., Пархоменко Е.В., Чаннов С.Е. и другие). Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов судебной практики, что позволило придать исследованию правоприменительную направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье проблемным аспектам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Гурченко Е.В., Кеворкова Д.А. Деприватизация: актуальная судебная практика // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70043 EDN: UGTMFA URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70043

Деприватизация: актуальная судебная практика**Гурченко Евгений Викторович**

советник, руководитель судебно-арбитражной практики санкт-петербургского офиса, Адвокатское бюро ЕПАМ

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Невский, 22-24

✉ evgeny_gurchenko@epam.ru

Кеворкова Диана Ашотовна

адвокат судебно-арбитражной практики Адвокатского бюро ЕПАМ, магистрант кафедры административного и финансового права СПбГУ

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9

✉ diana_kevorkova@epam.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.4.70043

EDN:

UGTMFA

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2024

Дата публикации:

24-04-2024

Аннотация: В статье рассмотрены правовые основы и тенденции судебной практики по искам об истребовании ранее приватизированных активов в пользу государства. Цель работы – выявление факторов риска деприватизации имущества предприятий, а также обстоятельств, влияющих на перспективы возможных судебных споров. Особая актуальность освещаемой темы вызвана широкой распространностью в гражданском

обороте приватизированного ранее имущества, которое может стать предметом иска прокуратуры в случае выявления допущенных при приватизации нарушений и быть истребовано в пользу бюджета без какой-либо компенсации. В рамках исследования будут проанализированы такие теоретические и практические вопросы, как понятие деприватизации, какое имущество может быть истребовано в пользу государства, какие нарушения, допущенные в процессе приватизации, могут стать основанием для изъятия активов и каковы перспективы применения сроков исковой давности. Авторами использовались такие методы исследования как логический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный и метод правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Авторами проведен анализ релевантных судебных дел в контексте правового регулирования и доктринальных подходов к толкованию гражданского законодательства. Делаются выводы, что согласно формирующемуся подходу судов нарушение процедуры приватизации означает отсутствие воли публичного собственника на отчуждение имущества. В результате этого публичный собственник имеет возможность истребовать имущество даже от добросовестного приобретателя. Деприватизации подвергаются как акции, доли в уставном капитале компаний, так и отдельные объекты (здания, сооружения, движимое имущество). Основанием для истребования имущества в пользу государства наиболее часто выступает приватизация имущества, относимого к федеральной собственности, с согласования лишь региональных органов власти; приватизация имущества, в отношении которого установлены запреты, ограничения. Констатируется, что судами отклоняются ссылки на истечение сроков исковой давности, в то же время судебная практика в отношении применения объективных сроков исковой давности лишь начала формирование. С учетом специфики участия публично-правовых образований в гражданском обороте авторами делается вывод о необходимости разъяснений Конституционного Суда РФ относительно сложившейся практики применения закона.

Ключевые слова:

деприватизация, приватизация, публичный интерес, срок исковой давности, изъятие активов, истребование имущества, виндикация, судебная практика, правонарушение, юриспруденция

Введение

Практика деприватизации – истребования активов в пользу государства в связи с выявлением нарушений, допущенных при их приватизации – существовала всегда [1]. Нарушения процедуры приобретения имущества, находившегося в публичной собственности, могли являться основанием для оспаривания соответствующих сделок и истребования актива в пользу государства.

Основную часть подобных дел составляют споры по отдельным объектам, которые входили или не входили в состав приватизированных предприятий. Однако в последнее время в судебной практике растет количество случаев истребования в пользу государства не только отдельных объектов, но также крупных предприятий целиком.

Правовой проблемой в рамках исследуемой темы является соблюдение баланса

интересов государства, общества в целом и частных лиц, являющихся собственниками ранее приватизированного имущества.

Так, государство заинтересовано в возврате активов, которые были ранее приватизированы с нарушениями, а также в недопущении незаконного выбытия имущества публично-правовых образований. Как правило, особый интерес государства связан со стратегическим или социальным значением приватизированного имущества.

В то же время интерес владельцев активов, которые ранее были приватизированы ими или возмездно приобретены, состоит в защите собственных имущественных права.

Общество же заинтересовано одновременно в поддержании стабильности гражданского оборота и в защите социальных интересов граждан, развитии предприятий, обеспечении безопасности (например, экологической или военной).

В связи с этим важной задачей является установление пределов законности и обоснованности истребования имущества у частных лиц в пользу государства для обеспечения баланса указанных выше интересов. Такими пределами являются в том числе: (1) круг нарушений, допущенных при приватизации, которые достаточны для истребования активов, (2) объем имущества, которое может быть истребовано у частных лиц, (3) порядок исчисления сроков исковой давности.

Актуальность и важность данной проблемы обусловлена тем, что в ходе приватизационного процесса в начале 90-х годов было передано частным лицам несколько сотен тысяч предприятий. Многие из них до настоящего времени имеют существенное значение для экономики страны. Кроме того, многие объекты, в том числе крупные производственные комплексы приватизировались в течение всех последующих лет.

Несмотря на то, что в СМИ широко обсуждаются случаи деприватизации предприятий, их активов по искам прокуратуры, существует нехватка доктринальных разработок относительно данного явления.

Те и иные аспекты деприватизации предприятий освещались в том числе Г.А. Гаджиевым (в части конституционно-правовых проблем) [\[1\]](#), М.А. Церковниковым [\[2\]](#), М.Я. Кирилловой, П.В. Крашенинниковым [\[3\]](#) (в части сроков исковой давности).

Следует обратить внимание, что намного более доктринально проработан вопрос о деприватизации жилых помещений, однако сформированные подходы не в полной мере применимы к имуществу, используемому в рамках предпринимательской деятельности, в том числе, в связи с различием в нормативном регулировании.

Применительно к истребованию жилых помещений проблеме обеспечения баланса публичных и частных интересов было посвящено постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П. Данным постановлением положение пункта 1 статьи 302 ГК РФ, регулирующее порядок истребования имущества из чужого незаконного владения, признано не соответствующим Конституции РФ, в том числе поскольку оно не учитывает возможность ненадлежащего исполнения компетентными органами публично-правового образования своих обязанностей, совершения ими ошибок.

На основе правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П, законодатель осуществил дифференциацию положений ст. 302 ГК, введя в данную статью пункт 4, согласно которому суд отказывает в удовлетворении

требований публично-правовых образований об истребовании жилого помещения у добросовестного приобретателя, если после выбытия жилого помещения из владения истца истекло три года со дня внесения в государственный реестр записи о праве собственности первого добросовестного приобретателя жилого помещения.

Д.А. Мальбин [4] указывает, что особые, ограничивающие правила, установленные законодателем применительно к истребованию жилых помещений (п. 4 ст. 302 ГК РФ), не могут быть распространены на иные объекты, поскольку право на жилище и право собственности являются равнозначными, оба права закреплены в Конституции РФ (ст. 35 и 40) как основные гарантированные права, в связи с чем при конкуренции указанных прав нельзя разрешить спор в пользу одного из них в ущерб другому при отсутствии достаточных и разумных оснований. В отношении иных объектов недвижимости не существуют конкурирующие конституционно значимые права.

Действительно, законодателем в п. 4 ст. 302 ГК РФ установлены специальные правила только для истребования государством у частных лиц жилых помещений. При этом правовой режим жилых помещений предполагает повышенные гарантии ввиду необходимости защиты социальных прав. Однако нельзя согласиться с тем, что в отношении иных объектов собственности отсутствуют конституционно значимые права, конкурирующие с правом собственности публично-правового образования.

Так, по смыслу ч. 2 ст. 35 Конституции РФ во взаимосвязи с ее статьями 8, 34, 45, 46 и ч. 1 ст. 55 права владения, пользования и распоряжения имуществом обеспечиваются не только собственникам, но и иным участникам гражданского оборота. К числу таких имущественных прав, защита которых гарантирована Конституцией РФ, относятся и имущественные права добросовестных приобретателей. Риск утраты имущества вступает в противоречие с конституционными принципами свободы экономической деятельности и свободы договоров, дестабилизирует гражданский оборот, подрывает доверие его участников друг к другу, что несовместимо с основами конституционного строя Российской Федерации как правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства (см. постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П).

Таким образом, рассматривая проблемы деприватизации, необходимо найти баланс между интересами публично-правового образования и интересами добросовестных приобретателей с учетом принципов свободы экономической деятельности, необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота.

В то же время нельзя не учитывать и иной конфликтующий интерес: общественный.

Согласно позициям Европейского Суда по правам человека, на которые ранее ссылался и Конституционный Суд РФ в постановлении от 22.06.2017 № 16-П, если речь идет об общем интересе, публичным властям надлежит действовать своевременно, надлежащим образом и максимально последовательно; ошибки или просчеты государственных органов должны служить выгоде заинтересованных лиц, особенно при отсутствии иных конфликтующих интересов; риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица (постановления от 05.01.2000 по делу «Бейлер (Beyeler) против Италии» и от 06.12.2011 по делу «Гладышева против России»).

По смыслу изложенной позиции Европейского Суда по правам человека на баланс интересов частного лица и государства в вопросе о распределении последствий ошибок

государственных органов (применительно к рассматриваемой проблеме – принятия незаконных решений о приватизации) может влиять наличие иных конфликтующих интересов.

В последние годы произошел поворот судебной практики относительно допустимости и пределов истребования государством имущества из владения частных лиц. При этом законодательное регулирование в части применяемых при деприватизации норм осталось практически неизменным.

В связи с этим следует констатировать, что требуется доктринальное исследование вопроса баланса публичных интересов и частных интересов, а также особенностей правового регулирования данных отношений.

С учетом этого для определения того, как следует разрешать вопросы о пределах деприватизации, как именно должен выглядеть баланс интересов применительно к исследуемой теме, в настоящей работе будет отражен анализ судебной практики в контексте действующего законодательства, доктрины его применения, сложившейся системы гражданско-правового и конституционно-правового регулирования, а также экономических и социальных реалий. При написании настоящей статьи использован логический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный анализ, а также метод правового моделирования.

Основания для деприватационных исков

В настоящее время подавляющее большинство исков прокуратуры о деприватизации основаны на положениях статей 301 и 302 ГК РФ, то есть на общих нормах гражданского законодательства об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Согласно ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. При этом согласно п. 1 ст. 302 ГК РФ если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добропорядочный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Из приведенных положений следует, что прокуратуре в рамках процесса истребования имущества из чужого незаконного владения необходимо доказать, что переход права собственности от публично-правового образования не состоялся, законных оснований для приобретения имущества новым собственником не было, публично-правовое образование по сей день сохраняет титул.

Как указывает А.О. Рыбалов^[5], спецификой виндикации является отобрание материального объекта, осуществляемое после разрешения вопроса о титуле.

Для многих деприватационных дел характерно обращение к регулированию процесса приватизации, которое формировалось в начале 90-х годов. При этом невозможно не обратить внимание на то, что процедура приватизации корректировалась в 90-е годы непрерывно, в пределах нескольких месяцев законодательство могло сильно меняться, что неизбежно вело к возникновению рисков в процессе приватизации.

Кроме того, процедуры, как правило, были растянуты во времени, и к окончанию процесса приватизации ее порядок мог требовать иного набора согласований,

документов, чем прежде.

Например, на важность учета хронологии порядка приватизации обратили внимание суды в деле А07-20576/2020 при истребовании акций «Башкирской содовой компании». Суд применил законодательство, требующее согласие уполномоченного органа РФ, поскольку процедура выкупа СПО «Каустик» на момент вступления в силу соответствующего закона не начата: оплата по договору аренды в счет выкупа арендованного имущества была произведена лишь после его вступления в силу несмотря на то, что договор аренды с правом выкупа был заключен ранее.

Основные нормативные акты, нарушения которых суды устанавливают в рамках дел о деприватизации, приведены ниже:

- Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» – произведено разграничение государственной собственности;
- Указ Президента РФ от 29.12.1991 № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» – объекты разделены на группы в зависимости от порядка приватизации, установлены объекты, приватизация которых запрещена, указаны необходимые согласования для приватизации;
- «Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» (утв. Постановлением ВС РФ от 11.06.1992 № 2980-1) – установлены объекты, приватизация которых запрещена, указаны необходимые согласования для приватизации;
- Указ Президента РФ от 01.07.1992 № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» (вместе с «Положением о коммерциализации государственных предприятий с одновременным преобразованием в акционерные общества открытого типа») – установлен порядок преобразования государственных предприятий в акционерные общества открытого типа;
- Указ Президента РФ от 16.11.1992 № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» (вместе с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества») – установлен порядок создания холдинговых компаний;
- Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» – приведена классификация объектов и предприятий по возможности их приватизации.

Таким образом, процедура приватизации, получения необходимых согласований занимала достаточно длительное время, при этом нормативное регулирование менялось кардинально и регулярно. С учетом этого в отношении приватизации множества предприятий вполне могли быть допущены нарушения, которые могли являться основанием для выводов о том, что переход права собственности не состоялся, а публично-правовое образование сохраняет титул по сей день.

Кроме того, за десятки лет приватизированное имущество, как правило, неоднократно перепродавалось. В связи с этим для преодоления специального правила в отношении

добропорядочных возмездных приобретателей, установленного ст. 302 ГК РФ, прокуратуре необходимо обосновать, что имущество выбыло помимо воли публично-правового образования.

Определение наличия воли публично-правового образования на выбытие имущества представляет некоторые затруднения, поскольку, строго говоря, волей как психическим процессом может обладать только физическое лицо.

На наличие затруднений в определении воли коллективных субъектов в рамках виндиционных исков указывает, например, А.А. Гусева [6]. Применительно к определению воли юридических лиц А.А. Гусева полагает, что распоряжение имуществом неуполномоченным лицом свидетельствует о выбытии имущества помимо воли компании.

В отношении публично-правовых образований можно сделать аналогичные выводы: воля на выбытие имущества должна быть выражена уполномоченными на ее изъявление органами.

Данный тезис подтверждается судами. Согласно формирующейся в настоящее время судебной практике применения п. 1 ст. 302 ГК РФ в отношении «деприватационных» дел отсутствие воли публичного собственника на выбытие имущества заключается в принятии решения о приватизации неуполномоченным органом. Прежде всего, речь идет о ситуациях утверждения приватизации местными или региональными органами власти в отсутствие необходимого согласия федеральных органов.

Таким образом, из положений гражданского законодательства следует, что основанием для предъявления иска об истребовании имущества в пользу публично-правового образования является наличие нарушений при проведении приватизации. При этом для истребования имущества у лиц, которые возмездно приобрели приватизированные ранее активы, требуется установить, что приватизация не была согласована уполномоченным лицом.

Однако, видится, что с точки зрения конституционного права защита права собственности публично-правовых образований имеет специфику, связанную с их особым статусом.

Конституционный Суд РФ (см. постановления Конституционного Суда РФ от 30 июня 2006 года № 8-П, от 22.06.2017 № 16-П) неоднократно указывал, что признание и защита равным образом всех форм собственности не исключает различий в правовом режиме частной и публичной собственности, обусловленных в том числе особенностями осуществления и защиты прав: для публичного собственника могут действовать ограничения, которые вытекают из специфики его правового статуса, проявляющейся в том числе при его участии в гражданских правоотношениях, и предполагают осуществление возложенных на него полномочий в конституционно установленных целях.

В постановлении от 22.06.2017 № 16-П Конституционный Суд РФ прямо указывает, что особенности дел по виндиционным искам публично-правовых образований, исходя из необходимости обеспечения баланса конституционно значимых интересов, могут обуславливать иное распределение неблагоприятных последствий для собственника и добросовестного приобретателя, нежели установленное в ст. 302 ГК РФ.

В отношении жилых помещений во исполнение данного разъяснения Конституционного

Суда РФ в п. 4 ст. 302 ГК РФ сделано исключение, существенно ограничивающее предъявление государственными органами виндикационных исков.

Гаджиев Г.А. [7] отмечал применительно к введению п. 4 ст. 302 ГК РФ, что усложнение, дифференциация объема защиты, предоставляемой как собственнику, так и владельцу, будет продолжаться. Законодатель, осуществив дифференциацию положений ст. 302 ГК, не пошел, хоть и мог пойти, по пути расширения масштаба взвешивания конкурирующих интересов: в п. 4 ст. 302 ГК РФ речь идет только о добросовестном приобретателе, владеющем лишь жилым помещением, хотя в аналогичном положении может оказаться и добросовестный приобретатель иных объектов.

Поскольку в настоящий момент в ГК РФ отсутствуют специальные правила в отношении «деприватизационных» исков публично-правовых образований об истребовании нежилых объектов, публично-правовые образования в рамках таких исков могут защищать свое право собственности наравне с иными участниками гражданского оборота, несмотря на особый правовой статус.

При этом Конституционным Судом РФ не проверялись положения ст. 301, 302 ГК РФ в той мере, в какой они в соответствии с последней правоприменительной практикой допускают истребование имущества, не относящегося к жилым помещениям, по иску публично-правового образования независимо от действий государственных органов по одобрению приватизации.

Уточнение норм ГК РФ в части виндикации объектов, не относящихся к жилым, представляется целесообразным, исходя из принципов поддержания стабильности гражданского оборота и доверия к действиям органов власти, поскольку государство в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над принадлежащим ему имуществом должно принимать своевременные меры по защите права собственности.

Нарушения, которые могут быть основанием для деприватизации

На примере конкретных дел наглядно видны описанные выше правовые проблемы.

Наиболее распространённая группа нарушений порядка приватизации: имущество в силу его отнесения к определенным категориям объектов должно являться федеральной собственностью, однако решение о его приватизации было принято неуполномоченными лицами – органами власти субъекта, органами местного самоуправления.

Такие нарушения предполагают основания для выводов как о том, что право собственности не перешло от публично-правового образования к частному лицу, так и об отсутствии воли уполномоченного лица на выбытие имущества из владения публичного собственника, что позволяет игнорировать добросовестность и возмездность приобретения ответчиками спорных активов.

Так, в деле А40-155494/2014 (дело «Башкирской нефтехимической компании») суд пришел к выводу, что предприятия топливно-энергетического комплекса относятся исключительно к федеральной собственности, их приватизация осуществляется по решению Правительства РФ.

Соответствующее решение Правительством РФ не выносилось. Тот факт, что акции не были в установленном порядке закреплены за Российской Федерацией, не означает возможности произвольного лишения государства принадлежавшего ему имущества и возможности защищать его нарушенные права.

Суд указал, что при ничтожности действий по приватизации предприятия все дальнейшие сделки, связанные с распоряжением его акциями, ничтожны, отклонив доводы о добросовестном приобретении ответчиками акций по возмездным сделкам.

В деле А50-24570/2021 приватизация признана незаконной, поскольку предприятия добывающей промышленности, в данном случае «Соликамский магниевый завод», отнесены исключительно к федеральной собственности.

Примечательно, что в этом деле ответчиками были представлены архивные документы, письма федеральных органов власти, в которых указано, что приватизация спорного предприятия не требует решения Правительства РФ. Однако суд пришел к выводу, что данные документы противоречат закону и не подменяют требуемое решение Правительства РФ.

В деле А12-18383/2023 (дело «Волжского Оргсинтеза») суд также не принял во внимание разъясняющее письмо органа власти, в котором указано, что спорный завод не определен в списках предприятий, приватизируемых по решению Правительства РФ.

Данные позиции демонстрируют необходимость конституционно-правовой оценки предъявления прокуратурой исков о деприватизации в контексте поддержания доверия к действиям государства, а также их соответствие требованиям разумности и осмотрительности при контроле над принадлежащим государству имуществом.

Видится, что принципу поддержания доверия к действиям государства не отвечает удовлетворение требований о деприватизации, когда имеются письма органов государственной власти о законности конкретной приватизации, тем более если данные документы исходят из органа того публично-правового образования, в пользу которого истребуется имущество.

Еще одним примером нарушения, которое является основанием для истребования имущества в пользу государства, является передача частным лицам предприятий, приватизация которых запрещена.

Такое нарушение указывает лишь на то, что право собственности публично-правового образования не перешло к частному лицу ввиду ничтожности приватизационной сделки. Само по себе оно не характеризует наличие или отсутствие воли публично-правового образования на выбытие имущества из его владения, поскольку какое-либо уполномоченное на отчуждение имущества лицо в условиях соответствующего запрета не может существовать в принципе.

Так, в деле А50-18611/2023 суд истребовал в пользу Российской Федерации акции АО «Метафракс Кемикалс», указав, что приватизация предприятий по производству ядовитых веществ была запрещена, а приватизированное предприятие производит метanol - сильный, преимущественно нервный и сосудистый яд. В данном случае приватизация была согласована органами власти субъекта, при этом имущество отнесено к федеральной собственности.

В деле также поднимается иная значимая для процесса деприватизации проблема: неопределенность законодательства 90-х годов, трудности при его толковании.

Так, довод ответчика о том, что по основному назначению метanol используется в промышленности, а не как отравляющее вещество, не был принят судом во внимание, суд квалифицировал завод в качестве предприятия по производству ядовитых веществ.

Аналогичные выводы сделаны и в деле А12-18383/2023: суд, удовлетворяя требования прокуратуры, указал, что «Волжский Оргсинтез» осуществлял промышленный выпуск и реализацию химической продукции производственно-технического назначения, в том числе сероуглерода, являющегося сильнодействующим ядовитым веществом.

Применительно к такой практике необходимо обратиться к позициям Конституционного Суда РФ (постановления Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2004 года № 7-П, от 21 января 2010 года № 1-П), согласно которым неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного правоприменительного усмотрения и ведет к нарушению принципа равенства и принципа верховенства закона.

Как указывал А.Ю. Бушев [\[8\]](#), правовая определенность является имманентным признаком правового государства.

Кроме того, в доктрине можно считать общепринятой позицию о недопустимости расширительного толкования перечней в публичном праве, что отмечали, например, В.О. Лучин и А.В. Мазуров [\[9\]](#), С.В. Суркова [\[10\]](#).

С учетом изложенного вызывает опасения практика судов по расширительному толкованию перечня имущества, приватизация которого запрещена (применительно к рассмотренным случаям – в части фактического отнесения любых заводов, выпускающих химическую продукцию, к предприятиям по производству ядовитых веществ).

Одним из оснований для истребования активов в пользу Российской Федерации могут быть также различные процедурные нарушения (нарушение порядка преобразования предприятий, занижение остаточной стоимости, ошибки при внесении платы и т.д.).

В деле А56-116780/2022 суд деприватизировал завод «Северная верфь», поскольку в ущерб интересам государства обществом «Северная верфь» принято решение о выводе принадлежащего ему имущества на иные организации. Вопреки действующему законодательству, данные фирмы учреждались как самостоятельные акционерные общества открытого типа, их уставный капитал формировался за счет денежных средств учредителей. Создание холдинга планом приватизации от 10.12.1992 г. предусмотрено не было. Согласие Государственного комитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур отсутствовало.

Еще одним примером процедурного нарушения является отсутствие объекта в планах приватизации. Так, при приватизации более или менее крупных имущественных комплексов в планах приватизации состав имущества не отражался подробно, не идентифицировался.

В деле А33-17177/2021 у «Норильского никеля» истребована железнодорожная инфраструктура в связи с недостаточной ее идентификацией в плане приватизации. Суд указал на необходимость соблюдения порядка приватизации, предусматривающего осуществление пообъектной инвентаризации и оценки имущества.

Предъявление исков об истребовании имущества из чужого незаконного владения в пользу государства так или иначе связано со следующими факторами: особая значимость объекта, например, с социальной точки зрения; негативный информационный фон в отношении деятельности компании; присутствие иностранного капитала.

Например, в деле А50-24570/2021 («Соликамский магниевый завод») суд обратил внимание на то, что в результате незаконной приватизации осуществлен вывод

государственных активов в офшорную юрисдикцию.

Приведенные примеры из судебной практики показывают, что сфера применения деприватизации значительно расширилась за последние годы. Подобные нарушения могут быть выявлены в отношении большого количества активов.

Предмет деприватизации, изымаемые активы

В рамках деприватизации по искам прокуратуры могут быть истребованы в пользу государства как акции, доли в уставном капитале компаний, так и отдельные объекты (здания, сооружения, движимое имущество).

Например, в деле А33-17177/2021 из владения ПАО «ГМК «Норильский никель» истребована железнодорожная дорога: железнодорожные пути, переезды, вокзал и мост.

С момента приватизации активов, в отношении которых прокуратурой предъявляются иски, прошло не менее двадцати лет. Состав имущества предприятий, состояние активов за столь длинный срок, наиболее вероятно, существенно изменились.

Между тем формирующаяся судебная практика исходит из того, что неравнозначность состава имущества, принадлежавшего предприятию на момент его приватизации, и имущества, существующего на момент рассмотрения спора, не имеет значения (см., например, дело А07-20576/2020 – деприватизация «Башкирской содовой компании»).

Суды также указывают, что факт несения новыми собственниками расходов по содержанию и модернизации имущества, не является основанием для возникновения права собственности на спорные акции с позиции норм статьи 234 ГК РФ (см., например, дело А50-24570/2021 – деприватизация предприятия «Соликамского магниевого завода»).

Таким образом, формирующаяся судебная практика исходит из того, что вне зависимости от произошедших изменений, модернизации предприятия, имущества, они будут изыматься без какой-либо компенсации в существующем виде. Иными словами, в пользу государства могут истребоваться все акции, доли в уставном капитале компаний, соответственно, во владение государства переходит все принадлежащее компаниям имущество.

В этой связи следует не согласиться с исследователями, например, Н.А. Милосердовым [11], обосновывающими целесообразность и законность деприватизации тем, что денежные средства, получаемые от бизнеса, выводятся частными лицами и не инвестируются в развитие российской экономики.

Зачастую деприватизируются активы исключительно российских лиц даже несмотря на то, что бизнес активно развивался и модернизировался под их контролем.

Между тем нельзя не отметить, что судебная практика по данному вопросу только формируется и невозможно исключать, что суды выработают новый подход к вопросу оценки вложений, особенно в отношении лиц, которые могут рассматриваться как добросовестные приобретатели.

Срок исковой давности

Еще одним аспектом процесса «деприватизации» является особенность применения судами исковой давности.

Многие дела по «деприватизации» касаются отношений, которые имели место в начале 90-х годов. Между тем по прошествии 30 лет многие документы могли оказаться утраченными, что ограничивает возможности для представления доказательств в ходе рассмотрения дела. Институт исковой давности является одним из ограничителей для возникновения подобных ситуаций через ограничение сроков для обращения в суд.

Как указывает М.Т. Белова, ссылаясь также на зарубежные источники: «*Сроки исковой давности нужны... для того, чтобы предотвратить «оживание» исков, которые дремали так долго, что за это время доказательства утеряны, воспоминания стерты и свидетелей не отыщешь*» [\[12\]](#).

С.В. Сарбаш важность сроков исковой давности характеризует следующим образом: «*Исковая давность в самом широком смысле охраняет наше настоящее от вторжения застарелого прошлого... по прошествии длительного периода крайне затруднительно установить с необходимой точностью, что же произошло в прошлом*» [\[13, с. 1154\]](#).

Согласно ранее активно применяемым позициям Президиума ВАС РФ:

- истец-орган государственной власти, на который возложены обязанности по контролю за использованием и сохранностью находящегося в государственной собственности имущества, имеет возможность в пределах срока исковой давности получить сведения о государственной регистрации прав на спорные объекты для надлежащего осуществления этих обязанностей (см. постановления Президиума ВАС РФ от 27.03.2012 № 14749/11 по делу А57-15708/2010, от 27.01.2009 № 10527/08 по делу А56-28328/00, от 14.12.2010 № 10853/10 по делу А12-17312/2009).
- при смене владельца имущества срок на защиту права собственника, не реализовавшего своевременно право на судебную защиту, не начинает течь заново (см. постановление Президиума ВАС РФ от 11.10.2011 № 7337/11 по делу А10-1434/2009).

Между тем в настоящее время судами в рамках деприватизационных исков формируется иной подход. Суды приходят к выводу о том, что срок исковой давности должен исчисляться иным образом:

- только по итогам надзорных мероприятий, окончившихся направлением искового заявления в суд, Российской Федерации в лице ее органов стало известно о нарушении ее прав (см. дело А50-18611/2023 – дело «Метафракс Кемикалс», дело А56-116780/2022 – деприватизация «Северной верфи»);
- Росимущество узнало о нарушениях только при поступлении к нему материалов прокурорской проверки, приложенных к исковому заявлению прокурора (дело А33-17177/2021 – деприватизация железной дороги, принадлежащей «Норильскому никелю»);
- нарушение прав собственника носило длящийся и видоизменяющийся характер, право требования возникало у РФ по отношению к каждому владельцу спорным имуществом (см. дело А50-24570/2021 – дело «Соликамского магниевого завода»);
- применение срока исковой давности будет являться способом легализации прав на акции лиц, которые приобрели их не предусмотренным законом способом, без законного на то основания и без воли собственника, что является недопустимым в силу ст. 10 ГК РФ, нарушает публичные интересы, интересы неопределенного круга лиц (см., например, дело А32-28986/2023 – дело «Станкостроительного завода им. Г. М. Седина»);
- нарушение права собственника носит длящийся и видоизменяющийся характер,

поскольку истребуемое имущество перепродавалось, передавалось в качества дара, вносились в качестве вклада в уставный капитал (см. дело А40-155494/2014 – дело «Башкирской нефтехимической компании»).

Таким образом, суды, отклоняя доводы о пропуске исковой давности, указывают на то, что применение срока исковой давности противоречит ст. 10 ГК РФ. Срок исковой давности начал течь фактически с момента той проверки, в ходе которой государственный орган установил именно нарушения процесса приватизации, а требования возникали у Российской Федерации к каждому следующему владельцу имущества.

Отдельно следует отметить, что в настоящий момент формируется практика применения объективных сроков исковой давности (п. 2 ст. 196 ГК РФ), поскольку они стали истекать лишь с 01.09.2023 (см. п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43, п. 9 ст. 3 Закона № 100-ФЗ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2016 года № 499-ФЗ).

Между тем из существующих судебных актов следует, что суды могут отказать в применении объективного срока исковой давности применительно к процессу деприватизации.

Так, например, согласно решению Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18.12.2023 по делу А56-102386/2023, от 25.12.2023 по делу А56-102382/2023:

«Заявление ответчиков о применении сроков, в том числе предусмотренных пунктом 1 статьи 181, пунктом 2 статьи 196 Гражданского кодекса РФ, не принято судом применительно к п. п. 1, 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ.

Применение положений заявленных ответчиками положений закона создаст угрозу причинения вреда, поскольку по существу исковые требования Прокурора обоснованы и правомерны».

С учетом изложенного применение срока исковой давности в процессах по деприватизации существенным образом ограничено.

Исследователями предлагаются различные решения проблемы применения сроков исковой давности в рамках дел об истребовании ранее приватизированного имущества в пользу государства.

Так, например, Д.А. Шушняев предлагает дополнение статьи 301 ГК РФ абзацем следующего содержания: «*Иски об истребовании имущества Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований из чужого незаконного владения могут быть предъявлены в течение двадцати лет со дня начала незаконного владения таким имуществом*» [\[14\]](#).

Однако такое решение представляется спорным, поскольку закон не имеет обратной силы и новые сроки, в случае их установления, не должны применяться к тем правоотношениям, которые возникли в 90-х годах.

На то, что при устранении срока исковой давности по виндиционным искам лиц, владеющих приватизированным имуществом, от исков государства должен защитить общий запрет обратной силы новых правил об исковой давности указывает М.А. Церковников [\[2\]](#).

Интересно, что в начале 2000-х сроки исковой давности, напротив, сокращались законодателем в том числе для прекращения пересмотра итогов приватизации имущества. Например, сокращен срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной с десяти до трех лет (Федеральным законом от 21.07.2005 № 109-ФЗ внесены изменения в п. 1 ст. 181 ГК РФ).

Ранее авторы, например, В.В. Витрянский^[15], С.Е. Нарышкин^[16] указывали на намерение законодателя внесением изменений в части сроков исковой давности по спортивному оспариванию сделок остановить процедуру деприватизации.

Таким образом, в настоящий момент не является целесообразным увеличение сроков исковой давности для исков об истребовании ранее приватизированного имущества в пользу государства.

При этом, видится, что суды при применении сроков исковой давности должны принимать во внимание причины существования таких сроков (утрата доказательств по прошествии времени, обеспечение стабильности оборота), а также обеспечивать единообразное применение норм права, разъяснений Верховного Суда РФ независимо от того, является ли истцом публично-правовое образование или частное лицо.

Заключение

Таким образом, стоит конституировать формирование нового подхода судов к вопросу деприватизации в последние годы. В его основе лежит идея о том, что нарушение процедуры приватизации означает отсутствие воли публичного собственника на отчуждение имущества. В результате этого публичный собственник имеет возможность истребовать имущество даже от добросовестного приобретателя.

Судебная практика свидетельствует об изменении подходов судов к вопросу исковой давности по искам публичного собственника. В основе формирующегося подхода находится идея о том, что он может узнать о нарушении своего права только в ходе проверки соблюдения требований приватизации вне зависимости от того, когда такая проверка состоится. Более того, также появляются примеры, когда суды признают ссылку на исковую давность злоупотреблением правом.

Однако в настоящее время не сформирована судебная практика в отношении ряда важных аспектов применения исковой давности. Так, не является сложившейся практика по пропуску объективного срока исковой давности, установленного п. 2 ст. 196 ГК РФ, в связи с чем его применение также не исключено.

Представляется, что сложившаяся в последние годы практика деприватизации требует оценки со стороны Конституционного Суда РФ, а также внесения в законодательство необходимых изменений.

На основе проведенного исследования авторами делаются выводы о том, что до уточнения положений закона, а также разъяснений со стороны Конституционного Суда РФ, учитывая актуальную судебную практику, каждому предприятию, чье имущество когда-либо было приватизировано, следует заранее собрать, получить в архивах всю документацию, подтверждающую законность приватизации. Сбор доказательств в ходе судебного процесса может быть затруднен, поскольку нередко рассматриваемая категория дел рассматривается в одно заседание.

Библиография

1. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики: Развитие основ гражд. права в решениях Конституц. суда Рос. Федерации / Г. А. Гаджиев. – Москва : Юристъ, 2004. – 284 с.
2. Церковников М.А. Об исковой давности по виндикационному иску // Закон. 2018. № 12. С. 79-86.
3. Кириллова М.Я. Сроки в гражданском праве. Исковая давность / М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2016. – 80 с.
4. Мальбин Д.А. Истребование жилого помещения от добросовестного приобретателя // Российский юридический журнал. 2021. № 5. С. 124-133.
5. Рыбалов А.О. О возможности виндикации бездокументарных ценных бумаг // Арбитражные споры. 2005. № 1. С. 47-58.
6. Гусева А.А. Проблемы определения воли юридических лиц в связи с их абстрактной сущностью (на примере виндикационных споров) // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 64-72.
7. Гаджиев Г.А. Золотые правила применения норм гражданского права (правила о правилах) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 44-75.
8. Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдулаевича Гаджиева // Закон. 2023. № 9. С. 156-169.
9. Лучин В.О., Мазуров А.В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 90-103.
10. Суркова С.В. Расширительное толкование норм права // СПС «КонсультантПлюс». 2022.
11. Милосердов Н.А. Деприватизация стратегических предприятий-приоритетное направление прокурорской деятельности // Юрист. 2023. № 10. С. 44-50.
12. Белова М.Т. «Давняя» Статья, или Три урока из дела о привлечении к субсидиарной ответственности банка HSBC. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 4-17.
13. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.) : электронное издание : редакция 1.0 / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2018. – 1264 с.
14. Шушняев Д.А. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при реализации органами прокуратуры полномочий по защите в судебном порядке прав и законных интересов Российской Федерации и муниципальных образований в сфере земельных правоотношений // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 49-52.
15. Витрянский В.В. Новеллы о сделках и решениях собраний // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 3-48.
16. Нарышкин С. Е. Формирование институциональных предпосылок активизации инвестиционного процесса в России // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 55-67

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это

следует из ее наименования, проблема деприватизации. Автор сосредоточил свое внимание на эмпирическом аспекте вопроса. Заявленные границы исследования соблюдены ученым. Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Практика деприватизации – истребования активов в пользу государства в связи с выявлением нарушений, допущенных при их приватизации – существовала всегда. Нарушения процедуры приобретения имущества (как и любые иные нарушения), находившегося в публичной собственности, могли являться основанием для оспаривания соответствующих сделок и возврата имущества в публичную собственность. Основную часть подобных дел составляют споры по отдельным объектам, которые входили или не входили в состав приватизированных предприятий. Однако в последнее время в судебной практике растет количество случаев истребования в пользу государства не только отдельных объектов, но также крупных предприятий целиком. ... важность данной проблемы обусловлена тем, что в ходе приватизационного процесса в начале 90-х годов было приватизировано несколько сотен тысяч предприятий. Многие из них до настоящего времени имеют существенное значение для экономики страны. Кроме того, многие объекты, в том числе крупные производственные комплексы, приватизировались в течение всех последующих лет. В связи с этим особую важность приобретает анализ формирующейся судебной практики по деприватизации, факторы риска и возникающие проблемы. Несмотря на то, что в СМИ широко обсуждаются случаи деприватизации предприятий, их активов по искам прокуратуры, с юридической точки зрения вопрос остается плохо исследованным". Дополнительно автору необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы проявляется в следующих заключениях и рекомендациях ученого: "... отсутствие воли публичного собственника заключается в принятии решения о приватизации неуполномоченным органом. Прежде всего, речь идет о ситуациях согласования приватизации местными или региональными органами власти в отсутствии необходимого согласия федеральных органов государственной власти"; "Наиболее распространённая группа нарушений порядка приватизации: имущество в силу его отнесения к определенным категориям объектов должно было быть отнесено к федеральной собственности, однако решение о его приватизации было принято неуполномоченными лицами – органами власти субъекта, органами местного самоуправления"; "Еще одним примером нарушения, которое является основанием для истребования имущества в пользу государства, является приватизация предприятий, приватизация которых запрещена"; "Одним из оснований для истребования активов в пользу Российской Федерации могут быть процедурные нарушения (нарушение порядка преобразования предприятий, занижение остаточной стоимости, ошибки при внесении платы и т.д.)"; "Еще одним основанием является отсутствие объекта в планах приватизации. Так, при приватизации более или менее крупных имущественных комплексов в планах приватизации состав имущества не отражался подробно, не идентифицировался"; "... формирующаяся судебная практика исходит из того, что вне зависимости от произошедших изменений, модернизации предприятия, имущества, они будут изыматься без какой-либо компенсации в существующем виде. Иными словами, в пользу государства могут истребоваться все акции, доли в уставном капитале компаний, соответственно, во владение государства переходит все принадлежащее компаниям имущество.

Между тем нельзя не отметить, что судебная практика по данному вопросу только формируется и невозможно исключать, что суды выработают подход к вопросу оценки вложений особенно в отношении лиц, которые могут рассматриваться как

добросовестные приобретатели" и др. Таким образом, ученый выявляет основные тренды складывающейся судебной практики по делам о деприватизации. Статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей, но нуждается в некоторой доработке, о чем более подробно будет сказано ниже.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы разбита на несколько разделов: "Основания для деприватизационных исков"; "Нарушения, которые могут быть основанием для деприватизации"; "Предмет деприватизации, изымаемые активы"; "Срок исковой давности". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Прежде всего, речь идет о ситуациях согласования приватизации местными или региональными органами власти в отсутствии необходимого согласия федеральных органов государственной власти" - "в отсутствие".

Ученый отмечает: "Соответствующее решение Правительством РФ не выносилось. Тот факт, что акции не были в установленном порядке закреплены за Российской Федерацией, не означает возможности произвольного лишения государства, принадлежавшего ему имущества и возможности защищать его нарушенные права" - третья запятая является лишней.

Таким образом, работа нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 10 источниками (диссертационной работой, монографией, научными статьями, комментарием). С формальной точки зрения этого достаточно, однако из анализа текста статьи не усматривается использование указанных теоретических источников. Это подтверждается и отсутствием ссылок на них в тексте работы.

Апелляция к оппонентам отсутствует, что недопустимо для научной статьи.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В последние годы начинает формироваться новый подход судов к вопросу деприватизации. В основе данного подхода лежит идея о том, что нарушение процедуры приватизации означает отсутствие воли публичного собственника на отчуждение имущества. В результате этого публичный собственник имеет возможность истребовать имущество даже от добросовестного приобретателя. Судебная практика свидетельствует об изменении подходов судов к вопросу исковой давности по искам публичного собственника. В основе формирующегося подхода находится идея о том, что он может узнать о нарушении своего права только в ходе проверки соблюдения требований приватизации вне зависимости от того, когда такая проверка состоится. Более того, также появляются примеры, когда суды признают ссылку на исковую давность злоупотреблением правом").

Однако в настоящее время не сформирована судебная практика в отношении ряда важных аспектов применения исковой давности. Так, не является сложившейся практика по пропуску объективного срока исковой давности, установленного п. 2 ст. 196 ГК РФ, в связи с чем его применение также не исключено. В любом случае каждому предприятию, чье имущество когда-либо было приватизировано, следует заранее собрать, получить в архивах всю документацию, подтверждающую законность приватизации. Сбор доказательств в ходе судебного процесса может быть затруднен, поскольку нередко рассматриваемая категория дел рассматривается в одно заседание"),

обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, административного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, введении элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Деприватизация: актуальная судебная практика» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере приватизации, а также судебная практика по спорам о приватизации и деприватизации.

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Автор рецензируемой статьи обращает внимание на тот факт, «...что в ходе приватизационного процесса в начале 90-х годов было приватизировано несколько сотен тысяч предприятий. Многие из них до настоящего времени имеют существенное значение для экономики страны». Также, в обосновании актуальности темы статьи верно утверждает, что «согласно формирующейся в настоящее время судебной практике положения п. 1 ст. 302 ГК РФ в отношении «деприватизационных» исков отсутствие воли публичного собственника заключается в принятии решения о приватизации неуполномоченным органом». Проблемы в праве, противоречивость норм права, закрепленных в разных источниках (нормативных правовых актах), и отсутствие единообразной судебной практики определяет необходимость доктринальных разработок по проблемам приватизации и деприватизации значимых для национальной экономики объектов.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, можно отметить, что в этой статье не сформулированы положения, которые можно расценивать как вклад в отечественную юридическую науку. Рассуждения автора носят общий характер, не определена собственная позиция по затронутой проблематике. В статье необходимо не только обосновать темы исследования, но и определить, в чем заключается ее научная новизна для юриспруденции.

Стиль, структура, содержание. Материал изложен последовательно. Местами статья носит описательный характер. Содержание статьи соответствует ее названию. Соблюdenы требования по объему (более 20 тыс. печатных знаков). Материал логически структурирован, формально разделен на части. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии, однако автор допускает применение не совсем корректных высказываний («плохо исследованы» – что значит «плохо»?). Кроме того, автор допускает использование однокоренных слов в

предложениях, например: «...приватизационного процесса в начале 90-х годов было приватизировано...» (такие предложения следует перефразировать).

В качестве замечаний также можно отметить:

1. Введение и заключение места текстуально совпадают, что абсолютно недопустимо: «Актуальность и важность данной проблемы обусловлена тем, что в ходе приватизационного процесса в начале 90-х годов было приватизировано несколько сотен тысяч предприятий. Многие из них до настоящего времени имеют существенное значение для экономики страны. Кроме того, многие объекты, в том числе крупные производственные комплексы, приватизировались в течение всех последующих лет. В связи с этим особую важность приобретает анализ формирующейся судебной практики по деприватизации, факторы риска и возникающие проблемы. Несмотря на то, что в СМИ широко обсуждаются случаи деприватизации предприятий, их активов по искам прокуратуры, с юридической точки зрения вопрос остается плохо исследованным. Те и иные аспекты деприватизации освещались в том числе Гаджиевым Г.А. (в части конституционно-правовых проблем) [1], Церковниковым М.А. [2], Кирилловой М.Я., Крашенинниковым П.В. [3] (в части проблемы срока исковой давности)».
2. Введение по своей структуре не отвечает требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи, во введении необходимо сформулировать проблему, над решением которой автор пытается работать, определить методологию исследования и др.
3. Заключение не соответствует установленным требованиям, в заключении должны содержаться выводы автора по результатам, проведенного исследования.
4. Не соблюдаются правила расстановки знаков препинания.

Библиография. Автором использовано недостаточное количество доктринальных источников, мало ссылок на публикации последних лет. Ссылки на источники в списке библиографии оформлены с нарушением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. Автором приводятся разные точки зрения по отдельным аспектам заявленной им тематики. Оформлены обращения к оппонентам не совсем корректно.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Деприватизация: актуальная судебная практика» не может быть рекомендована к опубликованию без ее доработки, поскольку отвечает не всем требованиям, предъявляемым к научным статьям журнала «Юридические исследования». Хотя статья написана на актуальную тему, но не отличается научной новизной (не сформулирована авторская позиция, отсутствуют положения, которые можно расценить как вклад в юридическую науку). Публикация по данной теме могла представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского права, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Деприватизация: актуальная судебная практика».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам признания судами Российской Федерации решений о приватизации незаконными. Автором

обобщается судебная практика по данному вопросу и делаются принципиально важные выводы. В качестве предмета исследования выступили мнения ученых, материалы судебной практики, положения законодательства.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о судебной практике, связанной с деприватизацией, в Российской Федерации. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм ГК РФ). Например, следующий вывод автора: «законодателем в п. 4 ст. 302 ГК РФ установлены специальные правила только для истребования государством у частных лиц жилых помещений. При этом правовой режим жилых помещений предполагает повышенные гарантии ввиду необходимости защиты социальных прав. Однако нельзя согласиться с тем, что в отношении иных объектов собственности отсутствуют конституционно значимые права, конкурирующие с правом собственности публично-правового образования».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики. В частности, сделан следующий важный вывод: «Для многих деприватационных дел характерно обращение к регулированию процесса приватизации, которое формировалось в начале 90-х годов. При этом невозможно не обратить внимание на то, что процедура приватизации корректировалась в 90-е годы непрерывно, в пределах нескольких месяцев законодательство могло сильно меняться, что неизбежно вело к возникновению рисков в процессе приватизации. Кроме того, процедуры, как правило, были растянуты во времени, и к окончанию процесса приватизации ее порядок мог требовать иного набора согласований, документов, чем прежде. Например, на важность учета хронологии порядка приватизации обратили внимание суды в деле А07-20576/2020 при истребовании акций «Башкирской содовой компании». Суд применил законодательство, требующее согласие уполномоченного органа РФ, поскольку процедура выкупа СПО «Каустик» на момент вступления в силу соответствующего закона не начата: оплата по договору аренды в счет выкупа арендованного имущества была произведена лишь после его вступления в силу несмотря на то, что договор аренды с правом выкупа был заключен ранее».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема деприватизации сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Практика деприватизации – истребования активов в пользу государства в связи с выявлением нарушений, допущенных при их приватизации – существовала всегда [1]. Нарушения процедуры приобретения имущества, находившегося в публичной

собственности, могли являться основанием для оспаривания соответствующих сделок и истребования актива в пользу государства. Основную часть подобных дел составляют споры по отдельным объектам, которые входили или не входили в состав приватизированных предприятий. Однако в последнее время в судебной практике растет количество случаев истребования в пользу государства не только отдельных объектов, но также крупных предприятий целиком. Правовой проблемой в рамках исследуемой темы является соблюдение баланса интересов государства, общества в целом и частных лиц, являющихся собственниками ранее приватизированного имущества. Так, государство заинтересовано в возврате активов, которые были ранее приватизированы с нарушениями, а также в недопущении незаконного выбытия имущества публично-правовых образований. Как правило, особый интерес государства связан со стратегическим или социальным значением приватизированного имущества. В то же время интерес владельцев активов, которые ранее были приватизированы ими или возмездно приобретены, состоит в защите собственных имущественных прав».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.
Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «стоит конституировать формирование нового подхода судов к вопросу деприватизации в последние годы. В его основе лежит идея о том, что нарушение процедуры приватизации означает отсутствие воли публичного собственника на отчуждение имущества. В результате этого публичный собственник имеет возможность истребовать имущество даже от добросовестного приобретателя. Судебная практика свидетельствует об изменении подходов судов к вопросу исковой давности по искам публичного собственника. В основе формирующегося подхода находится идея о том, что он может узнать о нарушении своего права только в ходе проверки соблюдения требований приватизации вне зависимости от того, когда такая проверка состоится. Более того, также появляются примеры, когда суды признают ссылку на исковую давность злоупотреблением правом. Однако в настоящее время не сформирована судебная практика в отношении ряда важных аспектов применения исковой давности. Так, не является сложившейся практика по пропуску объективного срока исковой давности, установленного п. 2 ст. 196 ГК РФ, в связи с чем его применение также не исключено». Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«сложившаяся в последние годы практика деприватизации требует оценки со стороны Конституционного Суда РФ, а также внесения в законодательство необходимых изменений».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с деприватизацией.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в полной мере достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Гаджиев Г.А., Кириллова М.Я., Лучин В.О., Мазуров А.В., Рыболов А.О., Церковников М.А. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области гражданского права. Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов судебной практики, что позволило придать исследованию правоприменительную направленность. Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным автором вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Коваленко М.А. О правовой возможности постановки диагноза при дистанционном консультировании // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70230 EDN: YJXJYO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70230

О правовой возможности постановки диагноза при дистанционном консультировании

Коваленко Мария Андреевна

ORCID: 0000-0002-8412-7900

Младший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория "Правовое регулирование в условиях цифровизации" Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Волгоградский государственный университет"

400002, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, проспект Университетский, 100

✉ veruver@mail.ru[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы!"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.4.70230

EDN:

YJXJYO

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступают правовые нормы, регламентирующие проведение дистанционной медицинской консультации и составление медицинского заключения. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при использовании телемедицинских технологий в ходе проведения дистанционной медицинской консультации. Автором исследуются условия выдачи медицинского заключения при проведении дистанционных консультаций в форматах "врач-врач" и "врач-пациент". Также автором рассматриваются вопросы отражения в медицинском заключении диагноза по итогам оказания медицинской помощи в виде дистанционной консультации. Акцентируется внимание на дискуссии в научной среде о возможности постановки диагноза при использовании телемедицинских технологий. Цель заключается в исследовании проблем регулирования возможности определения диагноза, содержания медицинского заключения при организации и проведении дистанционной консультации. Методологическая основа включает в себя совокупность философских знаний о познании действительности. К ним можно отнести общенаучные

методы исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование и т.д.), а также частно-научные методы. В ходе настоящего исследования используются также специально-правовые методы, что обусловлено его спецификой. Результаты работы выражаются в определении коллизий и пробелов правовой регламентации постановки диагноза и его закрепления в медицинском заключении. Область применения результатов – правотворческая деятельность в области телемедицины. Новизна выражается в рассмотрении вышеуказанных проблем с учетом правовых норм действующего законодательства. Проблемой правового регулирования следует считать противоречие друг другу Порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений, утвержденного приказом Министерства здравоохранения РФ от 14.09.2020 г. № 972н, и Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утвержденного приказом Министерства здравоохранения РФ от 30.11.2017 г. № 965н, в части содержания медицинского заключения. Необходимо пересмотреть запрет на постановку диагноза в рамках дистанционной консультации «врач–пациент» при отсутствии предварительного очного посещения медицинской организации по тому же обращению. Для этого следует предусмотреть гарантии точности такого диагноза. Этому может послужить создание стандарта оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий.

Ключевые слова:

т е л е м е д и ц и н а , медицинское заключение, дистанционная консультация, экспериментальный правовой режим, цифровые технологии, в р а ч , общее регулирование, очный прием, пациент, телемедицинские технологии

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-78-10175 «Правовое регулирование дистанционного оказания медицинской помощи (телемедицины): публично-правовые аспекты». The study was financially supported by the Russian Science Foundation under Scientific Project No. 23-78-10175 «Legal regulation of remote medical care (telemedicine): public law aspects»

Внедрение телемедицинских технологий является закономерным из-за цифровизации общества. Данные технологии позволяют снизить значение географического фактора при предоставлении медицинских услуг, минимизировать расходы не только пациента, но и государства в области здравоохранения, своевременно реагировать на изменение состояния здоровья пациента, а также получать о нем более полную медицинскую информацию. В связи с особой ценностью охраны здоровья как неотъемлемого блага человека важно установление адекватного и гармоничного правового регулирования, которое могло бы учесть интересы всех сторон оказания медицинской помощи.

Методология настоящего исследования заключается в использовании общенаучных методов познания окружающей действительности (синтез, анализ, абстрагирование, дедукция, индукция и другие), а также специально-юридических методов, что обусловлено предметом научной статьи.

Среди ученых, рассматривающих проблемы правового регулирования телемедицины, проведения дистанционной консультации и постановки диагноза по ее итогам, следует выделить А.В. Владзимирского, И.А. Шадеркина, С.П. Морозова, С.С. Сименюра, Б.В. Зингермана, Н.Е. Шкловского-Корди, А.И. Воробьева, А.В. Буянову, Вошева Д.В., Вошеву

Н.А., И.М. Сон, О.М. Драпкину и т.д. Однако в научной среде недостаточно разработаны правовые вопросы о составлении медицинского заключения при дистанционном консультировании.

В 2017 году была законодательно установлена возможность проведения дистанционных консультаций врача и пациента (его законного представителя) путем введения статьи 36.2 «Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий» в Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Данная статья предписывает руководствоваться при проведении дистанционной консультации с использованием цифровых технологий порядком, установленным уполномоченным федеральным органом государственной власти. Также при осуществлении такой консультации должны быть соблюдены требования, установленные в стандартах медицинской помощи. Стандарты медицинской помощи утверждаются приказами Министерства здравоохранения Российской Федерации по различным категориям заболеваний. Например, приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.10.2023 № 572н «Об утверждении стандартов медицинской помощи взрослым при болезни Паркинсона, вторичном паркинсонизме, паркинсонизме при мультисистемных дегенерациях», приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24.12.2012 № 1514н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при органических, включая симптоматические, психических расстройствах, психозах в связи с эпилепсией в амбулаторных условиях психоневрологического диспансера (диспансерного отделения, кабинет)».

Порядок организации и оказания телемедицинской помощи был утвержден приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 965н (далее по тексту также – Порядок организации и оказания телемедицинской помощи).

Ни статья 36.2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ни Порядок организации и оказания медицинской помощи телемедицинской помощи не содержат такой цели дистанционной консультации, как выдача медицинского заключения. Однако устанавливается такая цель, как профилактика, сбор, анализ жалоб пациента и данных анамнеза, оценка эффективности лечебно-диагностических мероприятий.

Между тем, Порядок организации и оказания телемедицинской помощи выделяет в качестве цели дистанционного взаимодействия медицинских работников составление медицинского заключения работника другой медицинской организации. Такое заключение носит оценочно-консультативный характер. Согласно подпункту «а» пункта 2 Порядка организации и оказания телемедицинской помощи в пределы такого заключения включаются:

- оценка состояния здоровья пациента;
- уточнение диагноза;
- выяснение прогноза и тактики медицинского обследования и лечения;
- оценка целесообразности перевода в специализированное отделение медицинской организации или медицинской эвакуации.

Таким образом, данное медицинское заключение основывается на рассмотрении первичной медицинской информации, полученной лечащим врачом, либо на уже

сформированных суждениях лечащего врача о необходимых медицинских мероприятиях.

Пункт 17 Порядка организации и оказания телемедицинской помощи предусматривает два вида телеконсультаций – в режиме реального времени и отложенные консультации. В науке такие виды консультаций принято также именовать асинхронные и синхронные [2,3].

В ходе отложенной консультации отсутствует очное и дистанционное взаимодействие между консультантом, лечащим врачом и (или) медицинским работником, который осуществлял диагностическое исследование, и (или) пациентом (его законным представителем). В указанном пункте отсутствуют условия для проведения отложенной дистанционной консультации, в том числе, о субъекте, который вправе ее запросить, содержании медицинского заключения. Только указываются действия консультанта в ходе отложенной консультации – исследование медицинских документов пациента, других медицинских сведений о его состоянии здоровья, подготовка медицинского заключения. Возникает закономерный вопрос: «Возможна ли постановка диагноза в ходе отложенной консультации?». Например, медицинский работник проводит диагностическое исследование – МРТ, УЗИ и др. Рассматривая результаты данных диагностических исследований, обладает ли консультант правом на установление диагноза? Также не указано, необходимо ли пациенту очно обратиться в медицинскую организацию. В такой ситуации врач, который выдает медицинское заключение, может очно не контактировать с пациентом. И.И. Чехонадский, В.С. Скрипов, Н.В. Семенова, А.А. Шведова, Л.В. Малышко в ходе исследования дистанционных консультаций, проведенных в формате «врач–врач» между ГБУЗ «Оренбургская областная клиническая психиатрическая больница № 1» и ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» в 2019–2020 гг., установили, что 82,4 процентов консультаций были проведены в асинхронном режиме. Преимущественно целями таких консультаций были: «уточнение диагноза (25,6%), уточнение тактики лечения пациента (17,6 %), уточнение диагноза и тактики лечения (56,8%)» [5, с. 75–76].

Из содержания пункта 17 Порядка организации и оказания телемедицинской помощи невозможно установить, применяется ли он к дистанционным консультациям формата «врач – пациент (его законный представитель)». Данный пункт располагается в разделе IV «Консультации (консилиумы врачей) при оказании медицинской помощи в режиме реального времени, отложенных консультаций». Он находится между разделами, устанавливающими правила дистанционного взаимодействия формата «врач – врач». Положения, регламентирующие порядок проведения телеконсультации врача с пациентом (его законным представителем), закреплены только в разделе IX. Полагаем, что данный раздел применяется при регламентации участия врача-консультанта в ходе дистанционных консультаций в формате «врач–врач».

Об этом свидетельствует следующее:

- раздел IV предусматривает участие в рамках консультации врача-консультанта, лечащего врача (медицинского работника) и пациента.
- раздел IX в качестве участников телеконсультации «врач–пациент (его законный представитель)» указывает пациента (его законного представителя) и медицинского работника. Одновременное участие лечащего врача и врача-консультанта не предусматривается.

При констатации возможности постановки диагноза врачом-консультантом в ходе отложенной консультации, думается, необходимо руководствоваться п. 2 Порядка организации и оказания телемедицинской помощи. В нем указывается только на уточнение диагноза. Однако на практике возможны ситуации, когда врач-консультант полностью не согласен с установленным диагнозом. Например, при исследовании дистанционных консультаций, проведенных между ГБУЗ «Оренбургская областная клиническая психиатрическая больница № 1» и ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» в 2019-2020 гг., по итогам 47,1% дистанционных консультаций был пересмотрен установленный лечащим врачом диагноз [\[5, с. 76\]](#).

В случае, когда дистанционная консультация проводится лечащим врачом пациенту (его законному представителю), то уточнение диагноза, его определение возможны только, если пациент уже очно посещал медицинскую организацию, где работает этот врач, с этим же обращением.

Полагаем, что нецелесообразно устанавливать дифференцированный подход к возможности уточнения диагноза в ходе дистанционного консультирования без предыдущего очного взаимодействия врача и пациента в зависимости от формы взаимодействия («врач–врач», «врач–пациент»).

Применительно к медицинскому заключению можно отметить следующее. В законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение медицинского заключения. Однако термин «медицинское заключение» часто используется в трудовом законодательстве Российской Федерации. В том числе, медицинское заключение обуславливает необходимость перевода работника на другую работу (ст. 73 ТК РФ). До 2020 года также отсутствовали нормативные правовые требования к содержанию медицинского заключения. Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.09.2020 № 972н был утвержден Порядок выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений. В нем указывается, что выдача медицинского заключения возможна на основании обращения за ней лица. Между тем, в Порядке организации и оказания телемедицинской помощи устанавливается правило о составлении медицинского заключения по итогам дистанционного взаимодействия в форматах «врач–врач» и «врач–пациент». В пункте 49 данного порядка устанавливается возможное содержание медицинского заключения, формируемого в ходе дистанционной консультации пациента (его законного представителя) без предварительного очного приема. Такое медицинское заключение может включать рекомендацию о проведении предварительных обследований при принятии решения об организации приема в очном формате. При этом в ходе дистанционной консультации пациента лечащим врачом (врачом-консультантом) не может быть поставлен диагноз, возможна только коррекция ранее назначенного лечения. Между тем, не указывается, может ли быть поставлен другой диагноз или он может быть уточнен. Следовательно, медицинское заключение, выдаваемое пациенту после такой консультации, не может содержать вывод о диагнозе пациента. Однако в пункте 14 Порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений указывается, что медицинское заключение включает в себя обоснованные выводы о наличии (отсутствии) у пациента заболевания (состояния). Думается, данное положение вступает в коллизию с положениями Порядка организации и оказания телемедицинской помощи.

Также в качестве несовершенства дистанционной консультации для постановки точного

диагноза указывается на недостаточность медицинской информации. Однако такой недостаток присущ и традиционным консультациям. Отмечается на необходимость применения при дистанционном консультировании интерактивного анкетирования. Данный метод позволит врачу дополнительно собрать значимую для определения лечения информацию о пациенте [\[6, с. 49–50\]](#).

И.А. Шадеркин, анализируя причины регламентации запрета на постановку лечащим врачом диагноза пациенту без его предварительного очного приема в ходе дистанционной консультации, указывает на их неоправданность. В качестве причин появления такого запрета он выделяет существенный интерес бизнес-структур в его снятии, консервативность врачей, их неопытность в постановке диагноза без непосредственного очного взаимодействия с пациентом. Ученый обоснованно возражает против такого запрета, акцентируя внимание на том, что не при каждом очном приеме лечащий врач для установления диагноза проводит физикальный осмотр пациента [\[6\]](#). Еще одной причиной того, что врачи предпочитают определять диагноз в ходе очного приема, является фиксация хода дистанционной консультации. С использованием цифровых технологий можно осуществить запись проведенной консультации, выявить ошибки врача, приведшие к неправильному диагнозу [\[6, с.49\]](#).

Зарубежные ученые тоже убеждены в эффективности использования цифровых технологий для диагностирования заболеваний. Например, M.A. Qadir, A. Hasnain смогли определить имеющиеся у пациентов кожные заболевания по фотоизображениям [\[7\]](#).

Еще в 2004 году А.В. Владзимирский в ходе проведения телеконсультаций выявил, что точность диагностирования травм и заболеваний, по переданным с помощью цифровых технологий ресурсам, составляет 88 процентов [\[1, с. 58\]](#). В связи с повышением качества электронных технологий, можно предположить, что эффективность диагностирования не может быть уменьшена по сравнению с 2004 годом, а, напротив, должна увеличиться. Это свидетельствует о минимизации возможных врачебных ошибок при постановке диагнозов. При этом они могут быть зафиксированы и при традиционном консультировании пациента. Однако в 2020 году А.В. Владзимирский совместно с С.П. Морозовым и С.С. Сименюра, проводя испытание медицинских онлайн-сервисов с помощью симулированных пациентов, негативно высказались о качестве организованных врачами дистанционных консультаций. Авторы, исходя из полученных данных, установили, что только в 25 процентах случаев был установлен целевой диагноз, «а целевые назначения сделаны в 50 процентах случаев». В качестве существенного недостатка методики проведения дистанционной консультации в анализируемых случаях ученые указывают на отсутствие сопровождения пациента для обращения за скорой медицинской помощью, контроля за выполнением данной рекомендации. Однако результаты данного исследования свидетельствуют о необходимости разработки методики проведения дистанционной консультации, в том числе, с выделением ее этапов, а также способов контроля за оказываемой медицинской помощью [\[4, с. 60–61\]](#).

Исходя из вышеизложенного, существуют коллизии в правовом регулировании общих положений содержания медицинского заключения и содержания медицинского заключения при дистанционной консультации. При этом в общих нормах отсутствует указание на возможность действия специальных норм. Кроме того, ряд авторов считает возможным постановку диагноза и, соответственно, его указание в медицинском заключении в рамках телеконсультации формата «врач–пациент». Однако установлен

законодательный запрет на постановку диагноза без очного предварительного приема пациента лечащим врачом. Также врач-консультант при даче медицинского заключения в ходе отложенной консультации может пересмотреть диагноз только на основании медицинских сведений, не проводя физикальный и визуальный осмотр пациента. Думается, необходимо смягчение данного запрета. Было установлено, что в отдельных сферах медицины – дерматология, психиатрия, неврология и т.д., возможно установить точный диагноз с помощью цифровых технологий. Полагаем, что необходимо создание стандарта оказания телемедицинской помощи, который сможет учесть особенности диагностирования в зависимости от характера обращения, заболевания, состояния пациента и других обстоятельств, которые могут повлиять на достоверность диагноза.

Библиография

1. Владзимирский А.В. Опыт использования телеконсультирования в клинической практике // Врач и информационные технологии. 2004. № 3. С. 55.
2. Кадыров Ф.Н., Куракова Н.Г., Чилилов А.М. Правовые проблемы применения телемедицинских технологий в условиях борьбы с распространением коронавируса COVID-19 // Врач и информационные технологии. 2020. № 2. С. 45–51.
3. Мишланов В.Ю., Каткова А.В., Беккер К.Н., Кошурникова Е.П., Будаков И.В. Консультирование в удаленном доступе с предварительным применением автоматизированной системы «Электронная поликлиника» и без него // Sciences of Europe. 2020. № 47–2 (47). С. 46–50.
4. Морозов С.П., Владзимирский А.В., Сименюра С.С. Качество первичных телемедицинских консультаций «пациент–врач» (по результатам тестирования телемедицинских сервисов // Врач и информационные технологии. 2020. № 1. С. 52–62.
5. Чехонадский И.И., Скрипов В.С., Семенова Н.В., Шведова А.А., Малышко Л.В. Возможности телемедицинских консультаций пациентов, страдающих психическими расстройствами // Профилактическая медицина. Т. 24. № 9. 2021. С. 74–78.
6. Шадеркин И.А. Можно ли поставить диагноз дистанционно // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. № 1. С. 69–79.
7. Qadir M. A., Hasnain A. Электронное здравоохранение: инструмент для исследования распространенности кожных заболеваний // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2015. № 1. С. 50.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема правовой возможности постановки диагноза при дистанционном консультировании. Заявленные границы исследования соблюdenы автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной ученым темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "В 2017 году была законодательно установлена возможность проведения дистанционных консультаций врача и пациента (его законного представителя) путем введения статьи 36.2 «Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий» в Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; "Порядок организации и оказания телемедицинской помощи был

утвержден приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 965н (далее по тексту также – Порядок организации и оказания телемедицинской помощи)". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Положения, регламентирующие порядок проведения телеконсультации врача с пациентом (его законным представителем) закреплены только в разделе IX. Полагаем, что данный раздел применяется при регламентации участия врача-консультанта в ходе дистанционных консультаций в формате «врач-врач». Об этом свидетельствует следующее: – раздел IV предусматривает участие в рамках консультации врача-консультанта, лечащего врача (медицинского работника) и пациента. – раздел IX в качестве участников телеконсультации «врач-пациент (его законный представитель)» указывает пациента (его законного представителя) и медицинского работника. Одновременное участие лечащего врача и врача-консультанта не предусматривается"; "Думается, установление дифференцированного подхода о возможности уточнения диагноза в ходе дистанционного консультирования без предыдущего очного взаимодействия врача, который составляет медицинское заключение, в зависимости от формы взаимодействия (врач-врач, врач-пациент), не целесообразно"; "Также в качестве недостатка дистанционной консультации для постановки точного диагноза указывается на недостаток медицинской информации. Однако такой недостаток присущ и традиционным консультациям"; "... установлен законодательный запрет на постановку диагноза без очного предварительного приема пациента лечащим врачом. Также врач-консультант при даче медицинского заключения в ходе отложенной консультации может пересмотреть диагноз только на основании медицинских сведений, не проводя физикальный и визуальный осмотр пациента. Думается, необходимо смягчение данного запрета. Было установлено, что в отдельных сферах медицины – дерматология, психиатрия, неврология и т.д., возможно установить точный диагноз с помощью цифровых технологий" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор на основании анализа действующего законодательства в сфере здравоохранения, эмпирического материала и теоретических источников рассматривает проблему правовой возможности постановки диагноза при дистанционном консультировании, предлагая пути ее решения. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий. Однако оно не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "При констатации возможности постановки врачом-консультантом в ходе отложенной консультации, думается, необходимо руководствоваться п. 2 Порядка организации и оказания телемедицинской помощи" - пропущено слово.

Ученый отмечает: "В указанном пункте отсутствуют условия для проведения отложенной дистанционной консультации, субъекта, который вправе ее запросить, содержание медицинского заключения" - предложение не согласовано.

Автор указывает: "Ученый обоснованно возражает против такого запрета, акцентируя внимание на том, что ни при каждом очном приеме лечащий врач для установления диагноза проводит физикальный осмотр пациента [6]" - "не при каждом".

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки, пропуски слов (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!). Библиография исследования представлена 7 источниками (научными статьями), не считая нормативного материала. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А.В. Владзимирский, С.П. Морозов, С.С. Сименюра и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Исходя из вышеизложенного, существуют коллизии в правовом регулировании общих положений содержания медицинского заключения и содержания медицинского заключения при дистанционной консультации. При этом в общих нормах отсутствует указание на возможность действия специальных норм. Кроме того, ряд авторов считает возможным постановку диагноза и, соответственно, его указание в медицинском заключении, в рамках телеконсультации формата «врач–пациент». Однако установлен законодательный запрет на постановку диагноза без очного предварительного приема пациента лечащим врачом. Также врач-консультант при даче медицинского заключения в ходе отложенной консультации может пересмотреть диагноз только на основании медицинских сведений, не проводя физикальный и визуальный осмотр пациента. Думается, необходимо смягчение данного запрета. Было установлено, что в отдельных сферах медицины – дерматология, психиатрия, неврология и т.д., возможно установить точный диагноз с помощью цифровых технологий. Полагаем, что необходимо создание стандарта оказания телемедицинской помощи, который сможет учесть особенности"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Однако автору следует обратить внимание на последнее предложение работы - оно не закончено. О каких особенностях идет речь?

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского права, медицинского права, информационного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, уточнении итоговых выводов, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «О правовой возможности постановки диагноза при дистанционном консультировании» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере телемедицины, а именно, оказания пациентам дистанционно медицинских услуг.

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов научного познания

позволило автору аргументировать собственную позицию по заявленной им проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения. Автор рецензируемой статьи верно указывает, что «...Внедрение телемедицинских технологий является закономерным из-за цифровизации общества. Данные технологии позволяют снизить значение географического фактора при предоставлении медицинских услуг, минимизировать расходы не только пациента, но и государства в области здравоохранения, своевременно реагировать на изменение состояния здоровья пациента, а также получать о нем более полную медицинскую информацию. В связи с особой ценностью охраны здоровья как неотъемлемого блага человека важно установление адекватного и гармоничного правового регулирования, которое могло бы учесть интересы всех сторон оказания медицинской помощи». Несмотря на все усилия законодателя, «адекватно и гармонично» урегулировать новые общественные отношения весьма сложно, на что имеются объективные причины, связанные с динамичностью процесса цифровизации. Пробелы в праве, противоречивость норм права, закрепленных в разных источниках (нормативных правовых актах), и отсутствие единообразной судебной практики определяет необходимость доктринальных разработок по проблемам оказания дистанционно пациентам медицинских услуг.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения (например, вывод автора о том «...что необходимо создание стандарта оказания телемедицинской помощи, который сможет учесть особенности диагностирования в зависимости от характера обращения, заболевания, состояния пациента и других обстоятельств, которые могут повлиять на достоверность диагноза»). В статье есть и другие положения, которые можно расценивать как вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии. Содержание статьи соответствует ее названию. Материал изложен последовательно и ясно, хотя местами статья носит описательный характер. Соблюдены требования по объему (более 15 тыс. печатных знаков). Статья логически структурирована, хотя формально не разделена на части.

В качестве замечаний можно отметить:

В статье отсутствуют ссылки на труды, авторы которых упоминаются (например, Б.В. Зингерман, Д.В. Вошев, Н.А. Вошева и др.). Не совсем правильно ограничиваться простым перечислением ФИО ученых, следовало бы проанализировать их мнения в рамках заявленной автором проблематики. Кроме того, в статье нет ссылок на работы ведущих ученых-юристов, занимающихся проблемами телемедицины (В.С. Булановой, А.А. Мохова и др.).

Замечания носят устранимый характер.

Библиография. Автором использовано недостаточное количество доктринальных источников (для научной статьи должно быть 10-15 публикаций), мало ссылок на публикации последних лет.

Апелляция к оппонентам. Автором приводятся разные точки по отдельным аспектам заявленной им тематики. Все обращения к оппонентам корректные.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «О правовой возможности постановки диагноза при дистанционном консультировании» может быть рекомендована к опубликованию, поскольку отвечает требованиям, предъявляемым к научным статьям журнала «Юридические исследования», и

соответствует его редакционной политике. Статья посвящена актуальной теме, имеет практическую значимость, отличается научной новизной. Публикация по данной теме может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области медицинского права и информационного права, а также, может быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

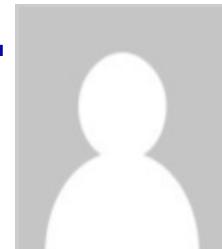
Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Биккулов А.Э. Комплексное исследование основных теоретических и практических аспектов квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по оценочным признакам // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.40984 EDN: YOZXXG URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40984

Комплексное исследование основных теоретических и практических аспектов квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по оценочным признакам**Биккулов Артём Эдуардович**

аспирант, кафедра уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет
628400, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ автономный округ, г. Сургут, пр. Ленина, 1

✉ bikkulovartyom@gmail.com

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок."](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.4.40984

EDN:

YOZXXG

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2023

Аннотация: Предметом исследования являются теоретико-правовые и практические аспекты анализа и учета оценочных признаков при квалификации преступлений экономической направленности. Автор, останавливаясь на ключевых положениях теории уголовного права посвященных толкованию оценочных признаков состава преступления, формулирует непосредственно саму их дефиницию, классифицируя видовое многообразие применительно к нормам главы 22 УК РФ. Отдельное внимание уделено элементам бланкетности, описательности и оценочности диспозиций статей, предусматривающих уголовную ответственность в экономической сфере хозяйствования. Подчеркивается важность отдельных концептуальных нормативно – правовых документов регулятивных отраслей права, а именно: банковского, налогового, валютного и других для процесса правильной квалификации отдельных видов преступных посягательств. Исследуя нормативные акты и научные труды в контексте

заявленной проблематики автор использует в качестве основного метод системного анализа, а также всеобщий диалектический, логический, формально-юридический, герменевтический методы в своей совокупности позволившие обстоятельно проанализировать технико-юридическую основу построения отдельных видов оценочных признаков в рамках составов главы 22 УК РФ, подразделяя их на количественные (размер), качественные (стоимостному измерению не поддающихся) и кумулятивные; обосновать изложенные в работе выводы теоретического и практического толка с учетом последних законодательных разработок и практических потребностей правоприменителя. В работе содержатся авторские подходы на такие проблемы как понятие квалификации преступлений, оценочных признаков состава преступления, сформулированы способы их уяснения и видовое многообразие в сфере квалификации преступлений экономической направленности в рамках взаимодействия доктрины уголовного права и правоприменительной деятельности. Предложенные нововведения «базовых правовых конструкций» образуют в своей совокупности новизну работы. Кроме того, автор предлагает принятие отдельного постановления Верховного Суда РФ содержащего базисные основы использования категории «оценочных признаков» в рамках составов главы 22 УК РФ для упорядоченного их толкования и единообразного применения.

Ключевые слова:

экономические преступления, экономическая деятельность, УК РФ, состав преступления, бланкетность, оценочные признаки преступления, квалификация, размер преступной деятельности, сумма, стоимость

На сегодняшний день экономическая преступность имеет ярко выраженную тенденцию роста, что можно наблюдать основе отчетности Министерства внутренних дел за последние годы как по России в целом, так и по отдельно взятым ее регионам. Так, за 2020 г. прирост составил 0,5 % (105,5 тыс. преступлений данной категории), 2021 г. - 11,6 % (117,7 тыс.), 2022 г. - небольшое снижение на 0,7 % (87,7 тыс.). За январь-апрель 2023 года выявлено 45 829 экономических преступлений [\[12, с. 47-49\]](#). Приведенные цифры, поражая своей масштабностью, свидетельствуют о безусловной актуальности вопросов противодействия ей – экономической преступности – в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Вместе с тем анализ современной законотворческой и правоприменительной практики свидетельствует о том, что данная сфера уголовно-правового реагирования «пестрит» целым комплексом правовых пробелов, создавая широкомасштабные трудности и неопределенность квалификации.

Кроме того, сам феномен квалификации преступлений как «емкая» правовая категория, позволяющий охарактеризовать деяние в качестве преступного, подпадающего под действие законодательных установлений – УК РФ [\[2\]](#), трактуется современным научным сообществом и правоприменителем многогранно [\[14, с. 212-217\]](#):

- во-первых, в качестве установления некого тождества между конкретным деянием – актом человеческого поведения – и законодательной конструкцией состава преступления в таковом деянии;
- во – вторых как правовая оценка содеянного с точки зрения совокупности признаков

общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости.

Таким образом квалификация преступлений – это правоприменительная деятельность, представляющая собой процесс установления тождества между конкретным деянием и законодательной конструкцией признаков состава преступления, с помощью разнообразных логических приемов; результат этой деятельности выражается официальным закреплением в юридическом акте (процессуальном документе) и признанием деяния преступлением определенного вида со ссылкой на соответствующую норму УК РФ.

Сам же состав преступления объединяет в себе целую группу отличительных признаков, наиболее проблематичными из них являются оценочные, характерные для целого ряда преступлений, в том числе и экономической направленности. Установление существенных аспектов которых представляет собой отдельную проблему в правовом измерении в виду отсутствия единообразных законодательных представлений на их – оценочных признаков – понятие и правовую природу.

Так, например, Н. В. Щетинина термин «оценочные признаки» трактует как не имеющие законодательной конкретики фактические данные, определяемые правосознанием лица – юриста – следуя обстоятельствам дела и нормам УК РФ [\[16, с. 160-163\]](#).

А. Д. Лисицкая говорит, что «оценочные признаки», не имея точного объема законодательного разъяснения, устанавливаются специалистами в области уголовного права [\[8, с. 213-216\]](#).

И. В. Осипов исследуя данную правовой категорию убежден, что оценочные признаки в рамках того либо иного состава преступления, есть свободная оценка фактических обстоятельств дела с учетом особенностей индивидуального характера [\[10, с. 78-84\]](#).

Каждая из приведенных дефиниций имеет право на существование, обладая как достоинствами, так и недостатками. В целом верны и едины суждения авторов относительно правовой природы оценочных признаков, выраженной свободной от законодательных установлений оценкой фактических обстоятельств дела в процессе квалификации различного рода преступлений, определяемой правосознанием и волей конкретного правоприменителя.

Наиболее верной в данном контексте нам представляется позиция сформулированная Ю. В. Трунцевским. Автор полагает, что законодатель делегирует часть оценочных функций в рамках отдельных видов составов преступлений исходя из обстоятельств дела, в случае не возможности установления единой оценки предмета, явления либо процесса ввиду разнообразных причин с целью наиболее верного определения содержания конкретного признака в рамках соответствующей уголовно-правовой нормы [\[11, с. 123\]](#).

Вместе с тем позволим себе не согласиться с уважаемым автором в той части таковой дефиниции как «делегирование законодательных полномочий», здесь скорее всего следует говорить о предоставлении правоприменительному субъекту права «уточняющего» характера в процессе осуществления квалификации того либо иного преступного деяния, предусмотренного УК РФ, посредством использования законов формальной логики, а также знаний регулятивных отраслей права, а именно: банковского, налогового, валютного и др. [\[15, с. 20-26\]](#).

Корреляция вышеуказанных суждений, позволяет определить оценочный признак

состава преступления как свободную от законодательных установлений и сформулированных положений судебной практики оценку фактических обстоятельств дела в процессе квалификации различного рода преступлений, определяемую правосознанием лица, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Само наличие «оценочных категорий» в рамках составов преступлений порождает массу сложностей при квалификации в виду отсутствия их официального толкования.

В связи с чем практикой сформулированы следующие способы их уяснения:

- непосредственное отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и материалах обобщения судебной практики;
- путем некой их конкретизации в самом УК РФ;
- уяснения признаков их сущностного содержания доктриной права. В данной области известны работы: Е. Д. Турика, Р.Г.Хайруллиной [12, с. 47-49], Х.А. Арутюняна [5, с. 65-70] и др.

Анализируя содержание главы 22 Уголовного кодекса РФ – преступления в сфере экономической деятельности – можно установить наличие следующих их – оценочных признаков – видов:

- 1) количественные. Таковыми являются масштаб деяния, размер, последствия, «избежание убытков»;

Законодатель в рамках главы 22 УК РФ параметры таковых признаков преступной деятельности как размер, доход, ущерб описывает абстрактно, определяя низший предел величины вреда материального характера, причиненного совершением преступления, легализованный соответствующим примечаниям к статьям.

Вместе с тем сам, формально определенный размер, в свою очередь требует дополнительной оценки в процессе квалификации такового рода преступлений.

Например, при установлении величины ущерба, причиненного правообладателю товарного знака – ст. 180 УК РФ – существуют различного рода методики, оказывающие влияние на величину причиненного преступлением ущерба, которая может быть различной. Однако сам размер ущерба ни коми образом не должен зависеть от выбранного метода его оценки [13, с. 159-161].

Обратившись к анализу судебной практики [3], можно прийти к выводу о том, что непосредственно сам размер преступной деятельности как оценочный признак преступлений экономической направленности представляет собой критерий материальный, характеризующийся масштабами ее – преступности – распространения.

Выражен: стоимостной оценкой предмета преступления – ст. 171¹, 171³, 175, 186 и др. УК РФ; «суммой» в объеме масштабов деяния преступного (ст. 172², 174, 174¹, 177, 191 и др. УК РФ).

Категорию «избежание убытков» в составах преступлений – например, ст. 185³, 185⁶ УК РФ, следует определить как не наступившие последствия, а именно: потери материальные – неполучение должных доходов, излишних выплат, снижение стоимостной ценности инструментов финансовых, товаров или иностранной валюты [9, с. 347-352].

2) качественные, измерению не поддающиеся. В рамках главы 22 УК РФ выражены «недостоверностью» либо «злостностью».

Здесь в качестве практического примера можно привести приговор Анапского городского суда Краснодарского края от 21 мая 2020 г. по делу № 1-182/2020 согласно которого М. был признан виновным за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере. В данном случае судом в качестве злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности были признаны преступные действия М. по умышленному сокрытию своего дохода путем предоставления судебному приставу - исполнителю справки с места работы о снятии ограничений с заработного счета открытого на имя должника в ПАО «Сбербанк», а также сведений, согласно выписки по счету, о значительном превышении денежных средств, поступивших на его счет, размеру установленной заработной платы, а именно 6 691 195, 94 руб. [\[4\]](#).

3) кумулятивные, характеризующиеся причиненным вредом и последствиями тяжкими.

В качестве примера первого «оценочного признака» приведем ст. 179 УК РФ, где причиняется вред существенный правам и законным интересам потерпевшего или его близким [\[7, с. 151-152\]](#).

Тяжкие последствия в качестве признака оценочного подлежат установлению исходя из конкретных обстоятельств по делу. Например, ч. 4 ст. 183 УК РФ к таковым законодателем отнесены [\[6, с. 3-7\]](#):

- передача сведений конфиденциального характера службам иностранным;
- причинение деянием РФ значительного ущерба экономического свойства;
- срыв реализации и осуществления исследований перспективного характера.

Тяжесть совершения такого рода преступного посягательства в любом случае судом будет устанавливаться посредством определения следующей совокупности обстоятельств:

- непосредственной важности и значимости информационных сведений;
- объема их передачи;
- субъекта передачи и получения таковых сведений конфиденциального характера;
- характера использования переданных сведений;
- причиненного ущерба и др.

Отдельными экспертами – специалистами в области уголовного права – Е.А. Черетаевой, Л.О. Ястребовой [\[14, с. 212-217\]](#) – не раз указывалось на объективную необходимость полного отказа от оценочных категорий в составах преступлений в сфере экономической деятельности. В обоснование своих суждений авторы указывают на оценочные признаки как наrudимент уголовного закона, легализованный еще в 1996 г. и уже утративший свой первоначальный смысл и актуальность в современной его интерпретации.

Позволим себе не согласиться с данными суждениями, ведь таковые правовые конструкции как «значительный ущерб» причиненный преступлением, «недостоверность», «злостность» и другие трактуются современным правоприменителем с учетом последних изменений (обновлении) уголовного законодательства РФ и

особенностями современной уголовной политики. По нашему глубокому убеждению, нельзя отрицать неизбежность существования оценочных категорий, вместе с тем само наличие таковых в законе может быть оправдано лишь в тех случаях, когда они правильно и единообразно применяются на практике.

Резюмируя все вышеизложенное, нам представляется целесообразным принятие отдельного вида Пленума ВС РФ, разъясняющим базовые положения (азы) таковых категорий – их понятие, общие методики уяснения, виды с учетом экономической сферы хозяйствования и легализованного уголовно - правового запрета.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что «оценочные признаки», являясь неотъемлемой частью уголовно-правовых норм главы 22 УК РФ, а именно категории стоимостные, количественные показатели определения размера, дохода, ущерба и др. по своей правовой сущности являются неким «критическим порогом», учитывающимся правоприменителем в процессе квалификации преступлений, позволяющим разграничить деяние преступное от не преступного, характеризующем в противоправном деянии качество антиобщественности – общественной опасности.

Оценочный признак состава преступления автор предлагает трактовать как свободную от законодательных установлений и сформулированных положений судебной практики оценку фактических обстоятельств дела в процессе квалификации различного рода преступлений, определяемую правосознанием лица, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Многообразие оценочных признаков, отраженных в бланкетных диспозициях составов преступлений экономической направленности в практической деятельности влечет за собой массу трудностей при квалификации. В связи с чем нам представляется целесообразным принятие отдельного вида Пленума ВС РФ, разъясняющим базовые положения (азы) таковых категорий:

- их понятие,
- общие методики уяснения,
- виды с учетом экономической сферы хозяйствования и легализованного уголовно - правового запрета.

Библиография

1. Конституция РФ 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 08.06.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 08.06.2023).
3. Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 2 (2022), (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/31604> (дата обращения: 09.06.2023).
4. Приговор Анапского городского суда (Краснодарский край) № 1-182/2020 от 21 мая 2020 г. по делу № 1-182/2020 // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/> (дата обращения: 09.06.2023).
5. Арутюян Х.А. Виды ошибок при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Современная наука и образование: актуальные вопросы теории и

- практики. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 65-70.
6. Ботвина Н.В. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Евразийский Союз Ученых. Серия: экономические и юридические науки. 2022. № 4 (97). С. 3-7.
7. Гарифуллина Р.Ф. Вопросы квалификации некоторых преступлений в сфере экономической деятельности // Закон и право. 2022. № 10. С. 151-152.
8. Лисицкая А.Д. Классификация признаков состава преступления // Молодой ученый. 2023. № 15 (462). С. 213-216.
9. Макарова Т.В. Особенности квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Юность. Наука. Культура. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 2022. С. 347-352.
10. Осипов И.В. Уголовно-правовая характеристика размера преступной деятельности как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 78-84.
11. Осипов И.В., Трунцевский Ю.В. Квалификация экономических преступлений по оценочным признакам. Москва, 2022. 239 с.
12. Турик Е.Д., Хайруллина Р.Г. Некоторые вопросы квалификации и расследования экономических преступлений // Концепции, теория и методика фундаментальных и прикладных научных исследований. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 47-49.
13. Устименко А.О. Квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества. Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. Курск, 2022. С. 159-161.
14. Черетаева Е.А., Ястребова Л.О. Особенности квалификации некоторых преступлений в сфере экономики и экономической деятельности // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 4. С. 212-217.
15. Шваля Е.А. Проблема влияния норм разной отраслевой принадлежности на квалификацию экономических преступлений // Противодействие современной экономической преступности: проблемы теории и практики. Сборник научных статей по материалам VI-й национальной научно-практической конференции магистрантов. Ростовский институт защиты предпринимателя. Ростов-на-Дону, 2022. С. 20-26.
16. Щетинина Н.В. Оценочные признаки состава преступления: некоторые вопросы законодательной регламентации и толкования // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 160-163.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, теоретические и практические аспекты квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по оценочным признакам. Заявленные границы исследования полностью соблюdenы автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования в тексте статьи не обосновывается. Вводная часть работы фактически отсутствует. В основной части статьи, впрочем, содержится положение о том, что "... состав преступления объединяет в себе целую группу характерных признаков, наиболее проблематичными из них являются оценочные, характерные для целого ряда преступлений, в том числе и экономической направленности. Установление сущностных аспектов которых представляет собой отдельную проблему в правовом измерении". Также ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна исследования, в статье не говорится. Фактически она проявляется в предложенной автором дефиниции понятия "оценочный признак состава преступления" (ученый определяет его как "... свободную от законодательных установлений и сформулированных положений судебной практики оценку фактических обстоятельств дела в процессе квалификации различного рода преступлений, определяемую правосознанием лица, исходя из конкретных обстоятельств дела"). Заслуживает внимания предложение автора, касающееся принятия отдельного постановления Верховным Судом РФ, в котором были бы разъяснены основные положения, относящиеся к толкованию понятия "оценочные признаки". Таким образом, статья заслуживает внимания читательской аудитории и вносит определенный вклад в развитие отечественной уголовно-правовой науки.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична. Как уже отмечалось, вводная часть исследования отсутствует. В основной части статьи ученый раскрывает сущность и виды оценочных признаков состава преступления. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор пишет: "Н. В. Щетинина термин «оценочные признаки» трактует как не имеющие законодательной конкретики фактические данные, определяемые правосознанием лица – юриста – следуя обстоятельствам дела и нормам УК РФ [16, с. 160-163]. А. Д. Лисицкая говорит, что «оценочные признаки», не имея точного объема законодательного разъяснения, устанавливаются специалистами в области уголовного права [8, с. 213-216]. И. В. Осипов исследуя данную правовой категорию убежден, что оценочные признаки в рамках того либо иного состава преступления есть свободная оценка фактических обстоятельств дела с учетом особенностей индивидуального характера [10, с. 78-84]". Ученому необходимо проанализировать освещаемые в статье позиции исследователей по спорному вопросу с выделением достоинств и недостатков данных позиций.

Библиография исследования представлена 16 источниками (нормативными правовыми актами, материалами судебной практики, научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников в целом позволили автору раскрыть тему исследования, но некоторые положения работы нуждаются в уточнении.

Апелляция к оппонентам имеется (А. Д. Лисицкая, И. В. Осипов, Ю. В. Трунцевский и др.) и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно, но положения статьи не всегда обосновываются в достаточной степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, мы приходим к выводу о том, что «оценочные признаки», являясь неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы, установленные главой 22 УК РФ, а именно категории стоимостные, количественные показатели определения размера, дохода, ущерба и др.

по своей правовой сущности являются неким «критическим порогом», учитывающийся правоприменителем в процессе квалификации преступлений, позволяющие разграничить деяние преступное от не преступного, характеризующие в противоправном деянии качество антиобщественности (общественной опасности). Многообразие оценочных признаков, отраженных в бланкетных диспозициях составов преступлений экономической направленности в практической деятельности влечет за собой массу трудностей при квалификации. В связи с чем нам представляется целесообразным принятие отдельного вида Пленума ВС РФ, разъясняющим базовые положения (азы) таковых категорий – их понятие, общие методики уяснения, виды с учетом экономической сферы хозяйствования и легализованного уголовно - правового запрета"), но нуждаются в доработке. Во-первых, в заключительной части статьи должны отражаться все выводы автора, сделанные им в результате проведенного исследования; во-вторых, в основной части работы не раскрывается содержание итогового предложения ученого, касающегося принятия отдельного постановления Верховным Судом РФ, которое разъяснило бы основные положения, относящиеся к толкованию понятия "оценочные признаки".

Статья не вычитана автором. В ней встречается множество опечаток, орфографических, пунктуационных, синтаксических, стилистических ошибок.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и уголовного процесса при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, уточнении структуры работы и ее отдельных положений, конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Комплексное исследование основных теоретических и практических аспектов квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по оценочным признакам».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Автором выявляются некоторые практические проблемы, связанные с квалификацией преступления, а также предлагаются возможные направления их нивелирования. В качестве предмета исследования выступили мнения ученых, нормы законодательства, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об основных теоретических и практических аспектах квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по оценочным признакам. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания:

анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм уголовного законодательства РФ). Например, следующий вывод автора: «Законодатель в рамках главы 22 УК РФ параметры таковых признаков преступной деятельности как размер, доход, ущерб описывает абстрактно, определяя низший предел величины вреда материального характера, причиненного совершением преступления, легализованный соответствующим примечаниями к статьям. Вместе с тем сам, формально определенный размер, в свою очередь требует дополнительной оценки в процессе квалификации такового рода преступлений».

Также стоит отметить изучение автором в контексте исследования эмпирических данных. Отметим, например, следующий вывод: «На сегодняшний день экономическая преступность имеет ярко выраженную тенденцию роста, что можно наблюдать основе отчетности Министерства внутренних дел за последние годы как по России в целом, так и по отдельно взятым ее регионам. Так, за 2020 г. прирост составил 0,5 % (105,5 тыс. преступлений данной категории), 2021 г. - 11,6 % (117,7 тыс.), 2022 г. - небольшое снижение на 0,7 % (87,7 тыс.). За январь-апрель 2023 года выявлено 45 829 экономических преступлений [12, с. 47-49]. Приведенные цифры, поражая своей масштабностью, свидетельствуют о безусловной актуальности вопросов противодействия ей – экономической преступности – в том числе и уголовно-правовыми средствами».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема квалификации преступлений в экономической сфере сложна и неоднозначна. Следует согласиться с автором в том, что «анализ современной законотворческой и правоприменительной практики свидетельствует о том, что данная сфера уголовно-правового реагирования «пестрит» целым комплексом правовых пробелов, создавая широкомасштабные трудности и неопределенность квалификации». Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: ««оценочные признаки», являясь неотъемлемой частью уголовно-правовых норм главы 22 УК РФ, а именно категории стоимостные, количественные показатели определения размера, дохода, ущерба и др. по своей правовой сущности являются неким «критическим порогом», учитывающимся правоприменителем в процессе квалификации преступлений, позволяющим разграничить деяние преступное от не преступного, характеризующем в противоправном деянии качество антиобщественности – общественной опасности».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию законодательства и практики. В частности, следующее:

«представляется целесообразным принятие отдельного вида Пленума ВС РФ, разъясняющим базовые положения (азы) таковых категорий – их понятие, общие методики уяснения, виды с учетом экономической сферы хозяйствования и легализованного уголовно - правового запрета».

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с квалификацией преступлений в сфере экономической деятельности.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Арутюнян Х.А., Ботвина Н.В., Гарифуллина Р.Ф., Лисицкая А.Д., Макарова Т.В. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам квалификации преступлений по уголовному законодательству России.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Остроушко А.В. Правовое регулирование информационных процессов в рамках предупреждающего СМАРТ-контроля // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70573 EDN: XIXRFS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70573

Правовое регулирование информационных процессов в рамках предупреждающего СМАРТ-контроля**Остроушко Александр Владимирович**

ORCID: 0000-0003-0595-9205

кандидат юридических наук

доцент, кафедра Международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве РФ

109542, Россия, г. Москва, пер. Щербаковская, 38, оф. 805

[✉ ostroushko@mail.ru](mailto:ostroushko@mail.ru)[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.4.70573

EDN:

XIXRFS

Дата направления статьи в редакцию:

26-04-2024

Аннотация: Целью данного исследования является анализ правовых проблем, которые возникают в ходе информационных процедур при реализации предупреждающего СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере, выявления коллизий и выработка рекомендаций по правильному применению норм права в ходе предупреждающего смарт-контроля. Нами не будут рассматриваться общие требования к государственным информационным системам и процедурам сбора и обработки информации, установленные финансовым законодательством, законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, законодательством о безопасности, законодательством Российской Федерации о государственной и иной охраняемой законом тайне. Исследование будет сосредоточено на аспектах регулирования процедур сбора и обработки информации, используемых непосредственно в ходе предупреждающего СМАРТ-контроля. Предметом исследования являются как действующие нормы права, так и законодательные инициативы о внесении

изменений в Бюджетный Кодекс Российской Федерации, а также сами информационные процедуры, существующие в ходе СМАРТ-контроля. Для проведения исследования использовалась методология, включающая аналитический обзор нормативной правовой базы, проектов нормативных правовых актов и научной литературы по предмету исследования, обобщение и систематизация данных, формирование предложений по разрешению выявленных проблем. Основными выводами проведенного исследования являются: базовые информационные отношения в рамках реализации процедур предупреждающего СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере в настоящее время урегулированы законодательством и в дальнейшем совершенствовании не нуждаются; для ликвидации отставания механизма правового регулирования требуется скорейшее принятие необходимых документов; основные документы, регламентирующие процедуру внедрения системы СМАРТ-контроля не обладают конкретикой, что требует скорейшего реагирования Министерства Финансов; требуется законотворческая работа по совершенствованию правового механизма, регламентирующего информационные процессы при использовании искусственного интеллекта, обработки больших данных, внедрения интеллектуальных агентов; все инновации предлагается реализовывать только после комплексной оценки их регулирующего воздействия; дополнительного нормативного закрепления требует механизм открытости всех элементов и процедур, связанных с предупреждающим СМАРТ-контролем.

Ключевые слова:

СМАРТ-контроль, информационные процессы, электронный бюджет, правовое регулирование, финансовый надзор, искусственный интеллект, большие данные, законность, совершенствование законодательства, цифровые платформы

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ

Внедрение интеллектуального финансового мониторинга в системе бухгалтерского учета и отчетности стало тенденцией современного развитого информационного общества. В Российской Федерации это реализуется в виде проекта «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для управлеченческих решений»^[1], который Минфин России реализует с начала 2023 года. В ходе реализации запланировано поэтапное выполнение задач проекта до 1 декабря 2027 года. СМАРТ-контроль рассматривается как инструмент, с помощью которого будет осуществлена цифровая трансформация общественных отношений в области контроля за целевым и эффективным расходованием бюджетных средств. При его реализации используются технологии, базирующиеся на алгоритмах интерпретирующего структурного моделирования, и представляющие собой интеллектуальные процедуры анализа, наблюдения и контрольного мониторинга (данный термин является новеллой для законодательства) субъектов финансово-бюджетной сферы.

Внедрение упреждающего СМАРТ-контроля позволяет осуществлять эффективный интеллектуальный финансовый надзор, повышенную прозрачность информации в финансовых отчетах, возможность сравнения результатов деятельности организаций с интеллектуальным финансовым надзором, возможность проверки функциональных данных и предотвращения создания сфабрикованных данных, возможность обмена информацией между правительствами, надзорными органами, заинтересованными сторонами и гражданами, и повышение качества подотчетности. Данные процедуры

связаны с обработкой больших объемов информации, использования телекоммуникационных технологий, применением государственных, муниципальных и иных информационных систем. Машинное обучение и искусственный интеллект могут быть одним из возможных решений для облегчения надзора за финансовым сектором. Кроме того, искусственный интеллект может помочь регулирующим и надзорным органам в принятии решений, разработке, изменении и установлении новых правил финансового надзора^[2].

Конечно, в соответствии с основными постулатами российской правовой доктрины данные операции должны проводиться с неуклонным соблюдением принципа законности. В то же время информационное законодательство в последнее время претерпевает значительные изменения. Что накладывает определенные трудности и требует изучения механизма правового регулирования информационных процессов, связанных со СМАРТ-контролем.

Целью данного исследования является анализ правовых проблем, которые возникают в ходе информационных процедур при реализации предупреждающего СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере, выявления коллизий и выработка рекомендаций по правильному применению норм права в ходе предупреждающего смарт-контроля. Нами не будут рассматриваться общие требования к государственным информационным системам и процедурам сбора и обработки информации, установленные финансовым законодательством, законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, законодательством о безопасности, законодательством Российской Федерации о государственной и иной охраняемой законом тайне. Исследование будет сосредоточено на аспектах регулирования процедур сбора и обработки информации, используемых непосредственно в ходе предупреждающего СМАРТ-контроля.

Предметом исследования являются как действующие нормы права, так и законодательные инициативы о внесении изменений в Бюджетный Кодекс Российской Федерации, а также сами информационные процедуры, существующие в ходе СМАРТ-контроля.

Первым вопросом, который требует осмысления с правовой точки зрения, является указание пределов информационного пространства проекта «Электронный СМАРТ-контроль». В настоящее время в государственном управлении сделан акцент на использование цифровых платформ. Такой подход становится все более значимым как с практической точки зрения, так и с теоретической. Он полностью соответствует направлениям достижения национальных целей и стратегических задач развития Российского государства, предусмотренных федеральным проектом «Цифровое государственное управление» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», где уделено особое внимание цифровой трансформации государственного управления.

Развитие цифровизации финансовых правоотношений в современный период проходит в рамках реализации нормативных документов стратегического планирования, закрепивших основные подходы к внедрению инноваций во всех сферах государственного управления^[3]. В Перечне поручений по Реализации Послания Президента Федеральному Собранию, утвержденном Президентом РФ 30.03.2024 N Пр-616 указано, что необходимо «завершить формирование к 2030 году цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, а также в сфере

государственного управления».

Положительно хочется заметить, что при создании проекта «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для управленических решений» были учтены направления государственной политики в информационной сфере и требования документов стратегического планирования, и указано, что проект будет работать на базе единой цифровой платформы бюджета — ГИИС «Электронный бюджет»^[4]. На ее базе в рамках исследуемого проекта Министерство Финансов РФ намерено к 2027 году создать Единую электронную систему формирования данных (СФАД) учета и отчетности госфинансов, а также единую СФАД-среду автоматизированного контроллинга, анализа и учета госфинансов для государственных/муниципальных органов и организаций бюджетной сферы^[5].

Говоря о концепции централизации данных и управления ими в СФАД, директор департамента бюджетной методологии и финансовой отчетности в государственном секторе С. В. Романов выделил несколько этапов, которые различаются друг от друга использованием цифровых инноваций. Так, при переходе к цифровой трансформации планируется, что процессы накопления информации, ее обработки и принятия решений будет выполнять интеллектуальная платформа^[6].

Использование существующей и неплохо себя зарекомендовавшей в ходе эксплуатации цифровой платформы ГИИС «Электронный бюджет», позволяет говорить об определенной степени правового урегулирования процедур сбора и обработки информации. Действие норм, регулирующих указанную государственную информационную систему, автоматически будет перенесено на процедуры предупреждающего СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере. К моменту создания проекта имеется уже готовый правовой механизм работы с данными на цифровой платформе, что положительным образом скажется на развитии данного проекта.

Хочется отметить наиболее важные подходы к регулированию информационных отношений при сборе и обработке информации которые указаны в Постановлении Правительства РФ от 30.06.2015 N 658 «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» (вместе с «Положением о государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет»), являются актуальными для проекта предупреждающего СМАРТ-контроля:

- вся информация, содержащаяся в системе «Электронный бюджет», подлежит защите в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной тайне и законодательством Российской Федерации в отношении коммерческой тайны и иной охраняемой тайны.
- требования к технологическим, программным и лингвистическим средствам системы «Электронный бюджет», в том числе подсистемам (компонентам, модулям) системы «Электронный бюджет», устанавливаются Министерством финансов Российской Федерации;
- при формировании и обмене документами в системе «Электронный бюджет» используются форматы электронных документов, которые устанавливаются Министерством финансов Российской Федерации, иными федеральными государственными органами в пределах своих полномочий по установлению форм

соответствующих документов;

- в системе «Электронный бюджет» используются единые справочники, реестры и классификаторы, используемые участниками системы «Электронный бюджет», перечень и порядок формирования и ведения которых устанавливаются Министерством финансов Российской Федерации.
- информация, содержащаяся в системе «Электронный бюджет», хранится в порядке, определенном законодательством Российской Федерации об архивном деле и о государственной тайне.

В то же время развитие современных информационных технологий требует определенного совершенствования уже имеющихся информационных систем. Применительно к предмету нашего исследования хочется указать, что основные этапы проектирования и создания системы «Электронный бюджет» осуществлялись ранее, чем законодательно были урегулированы вопросы использования процедур идентификации и аутентификации в сети «Интернет» нового поколения. В настоящий момент правовое регулирование в данной области решает задачи повышения безопасности и стойкости учетных записей пользователя, а также персонализации и учета при удаленном доступе к информационным системам, в том числе и государственным. Считаем, что данная практика должна быть и перенесена на подсистему СМАРТ-контроля.

В настоящий момент доступ к информации в подсистемах ГИИС «Электронный бюджет» осуществляется с использованием федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» и (или) сертификата ключа проверки усиленной квалифицированной электронной подписи или иного сертификата ключа проверки электронной подписи.

ЕСИА не утратила своей актуальности, ее отличительной чертой является простота и повсеместное использование, но процессы современного удаленного взаимодействия постепенно переводятся на технологии с применением идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных.

На наш взгляд Министерству финансов РФ необходимо разработать правовые механизмы, по внедрению процедур идентификации и аутентификации в ГИИС «Электронный бюджет» с использованием данных Единой биометрической системы руководствуясь положениями Федерального закона от 29 декабря 2022 г. N 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных», Приказа Минцифры России от 12.05.2023 N 453 «О порядке обработки биометрических персональных данных и векторов единой биометрической системы в единой биометрической системе и в информационных системах аккредитованных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации в случае прохождения им аккредитации, организаций, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц» и др.

Несмотря на то, что Единая биометрическая система в настоящий момент находится на

стадии формирования и в основном задействована для получения некоторых финансовых услуг, но после полномасштабного внедрения она станет национальной цифровой платформой, обеспечивающей доступ граждан к государственным информационным ресурсам публичного управления. Планируется, что биометрическая идентификация будет использована вместо электронной подписи при оказании государственных услуг и выполнении функций^[7]. Соответственно при формировании Единой СФАД-среды автоматизированного контроллинга, анализа и учета госфинансов, а также механизма правового регулирования данной деятельности, это должно быть обязательным образом учтено.

Еще одним положительным моментом, который мы можем отметить при использовании системы «Электронный бюджет» как цифровой платформы СМАРТ-контроля, является возможность обеспечения соответствия принципу прозрачности бюджетной системы, путем предоставления доступа к информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на едином портале бюджетной системы Российской Федерации^[8]. Данное требование вытекает из положений Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 г. № 93-р и Приказа Министерства Финансов РФ от 6 февраля 2014 года № 26 «Об организации работ по реализации принципов открытости Министерства Финансов РФ».

Во многом принцип открытости реализуется путем публикации на официальных сайтах общедоступной информации, в том числе размещением в сети «Интернет» открытых данных – данных о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, размещенных в сети «Интернет» в виде массивов данных в формате, обеспечивающем их автоматизированную обработку в целях повторного использования без предварительного изменения человеком (машиночитаемый формат), и на условиях ее свободного (бесплатного) использования.

В настоящее время Министерство финансов имеет довольно обширный перечень открытых данных из 193 позиций (по данным официального сайта <https://minfin.gov.ru/ru/opendata/registry/> действующими являются 134 и 59 архивных). Считаем необходимым дополнить Приказ Минфина России от 31 декабря 2014 г. № 625 «Об утверждении Регламента формирования, актуализации и принятия решения о прекращении актуализации наборов открытых данных Министерства финансов Российской Федерации» в части внесения в Реестр открытых данных Минфина России сведений о СМАРТ-контроле, а также периодичности размещения указанной информации и сроков ее обновления, обеспечивающих своевременность реализации и защиты пользователями своих прав и законных интересов.

Еще одним направлением реализации принципа открытости является не только предоставление информации о деятельности Министерства Финансов в ходе проведения СМАРТ-контроля таких как: промежуточные и отчетные данные, проекты, прогнозы, но и дать понять всем заинтересованным лицам логику принятия решений, функционирования алгоритмов и иные особенности функционирования проекта. Необходимо решить проблему обеспечения доверия граждан к цифровой среде СМАРТ-контроля. Построение среди доверия – весьма сложный и комплексный процесс, и далеко не только технический^[9]. Мы поддерживаем мнение Н. Храмцовской, что для обеспечения доверия необходимо применять различные комбинации мер, в том числе правовые^[10].

Нарастающая цифровая трансформация общественных отношений в разных сферах

жизнедеятельности сопровождается также рядом побочных явлений, в том числе и недоверием граждан к инновациям. Это доказывается тем, что в обществе сформировалось мнение, что опасность сегодня представляют не отдельные ложные сообщения, а целые информационные системы, цифровые платформы и сервисы, которые функционируют на основе заведомо недостоверной информации^[11].

К сожалению, проблемы с достоверностью информации существуют и в ГИИС «Электронный бюджет». Так после обращений Счетной палаты Минфин России поручил Росимуществу провести актуализацию данных РФИ и сверку в отношении объектов недвижимого имущества, находящихся в федеральной собственности, с данными ЕГРН и иных информационных систем, в том числе входящих в состав ГИИС «Электронный бюджет». Министерство финансов Российской Федерации в соответствии с письмом Счетной палаты поручило Росимуществу провести актуализацию данных РFI и сверку в отношении объектов недвижимого имущества, находящихся в федеральной собственности, с данными ЕГРН и иных информационных систем, в том числе входящих в состав ГИИС «Электронный бюджет». Федеральное казначейство подтвердило наличие ошибок, возникших при загрузке в систему «Электронный бюджет» данных о расходах региональных бюджетов в рамках нацпроектов^[12]. Минфин вынужден был давать разъяснение о некорректном заполнении учреждениями отдельных показателей отчетов в ГИИС «Электронный бюджет» в Письме Министерства Финансов Российской Федерации от 1 марта 2023 года N 02-15-07/16845 «О некорректном заполнении (незаполнении) учреждениями отдельных показателей сведений».

Создание законодательных основ для формирования единой цифровой среды доверия и электронного гражданского оборота, включая систематизацию и гармонизацию информации в государственных информационных ресурсах указано как одно из основных направления деятельности Правительства Российской Федерации в ходе реализации Национального проекта «Цифровая экономика».

Федеральное казначейство провозгласило своей задачей добиться достоверности и актуальности информации на сайте bus.gov.ru. Итоговая цель: учреждения должны систематически обновлять информацию. Ведь эти электронные данные станут основой для СМАРТ-контроля^[13]. Поэтому одной из основных задач является необходимость формирования и нормативного закрепления строгих требований к данным, алгоритмам и используемым информационным системам по обеспечению достоверности, проверяемости, возможности оперативного вмешательства в работу таких систем и исправления вероятных ошибок^[14]. Такие нормы должны быть закреплены в подзаконных актах Министерства Финансов.

Также считаем необходимым внести в КоАП РФ дополнительные меры юридической ответственности для должностных лиц за нарушения при предоставлении информации в ГИИС «Электронный бюджет», аналогичные закрепленным в ст. 13.19.4. «Нарушение порядка представления сведений в федеральный реестр инвалидов и размещения указанных сведений в данном реестре».

Однако создание правовой основы функционирования информационных систем не решает полностью вопрос доверия к ним. Необходимо дополнительно создать механизм распространения информации о вводимых инновациях, степени их защищенности, инструментах не позволяющих нарушение прав субъектов, использующих данную систему, а в случае со СМАРТ-контролем, дополнительно являющихся субъектами контроллинга. Считаем, что вопросы информирования должны в обязательном порядке

включаться в планы деятельности ответственных подразделений органа государственной власти.

Хочется заметить, что при предупреждающем СМАРТ-контроле учреждения не будут знать о проверке, так как контролирующие алгоритмы планируется использовать в полностью автоматическом режиме, когда никого не будут отвлекать от исполнения своих основных должностных обязанностей [15].

Соблюдение законов и нормативных актов является приоритетом государства при осуществлении своей деятельности, что обуславливает требование к разрабатываемым элементам предварительного СМАРТ-контроля с использованием информационных систем неукоснительного функционирования в правовом поле. Потому существует необходимость в дополнительном правовом регулировании методов (процедур), связанных с предупреждающим СМАРТ-контролем.

Первым методом заявлен анализ – по его результатам контрольные органы будут оформлять заключение с выводами и предложениями, как повысить эффективность деятельности [11]. Анализ всегда основывается на определенных данных. По нашему мнению, здесь два направления, которые должны быть дополнительно урегулированы правом.

Во-первых, необходимо нормативно закрепить условия при которых эта процедура инициализируется и ее основные параметры. В проекте Федерального закона N 532893-8 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации «Под анализом в целях осуществления государственного (муниципального) финансового контроля понимается исследование отдельных сторон, свойств, составных частей предмета и деятельности объекта контроля (группы объектов контроля), систематизация результатов исследования, а также причин и последствий нарушений (недостатков), выявленных в пределах компетенции органа государственного (муниципального) финансового контроля. В то же время данная законодательная инициатива не позволяет понять кем инициируются процедуры анализа, в отношении каких субъектов, каковы сроки анализа, методика, алгоритмы и источники информации при проведении СМАРТ-процедур, а также осуществляется он на регулярной, плановой основе или как оперативная (обязательная для определенных субъектов) деятельность. Считаем необходимым в ходе доработки законопроекта внести в него вышеуказанные положения.

Во-вторых, было заявлено, что анализ информации будет проводиться с использованием интеллектуальной платформы и процедур машинного обучения. Это однозначно указывает, что Министерство Финансов планирует привлекать системы искусственного интеллекта к проведению данных мероприятий. Несмотря на то, что в 2019 году была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, которая сняла отдельные административно-правовые барьеры, препятствовавшие внедрению технологий искусственного интеллекта в том числе в сферу государственного управления, данная сфера до настоящего времени слабо урегулирована российским правом. Система регулирования общественных отношений в области искусственного интеллекта осуществляется посредством публикации актов рекомендательного характера («мягкое право»).

По нашему мнению, такое положение дел не в полной мере отвечает задачам и принципам государственного управления в финансовой сфере. В настоящий момент при использовании искусственного интеллекта в любой сфере сохраняется угроза, что программа продолжит бесконтрольное самостоятельное существование или, наоборот,

попадет в руки к злоумышленникам, так как доступна хакерским атакам^[16].

Снижение контроля человека за процессом применения систем искусственного интеллекта, не полностью прозрачный процесс принятия решений требуют регуляторных ограничений применения систем искусственного интеллекта^[17] и/или четкой регламентации пределов использования данных технологий.

Довольно интересен опыт Европейского союза, где 2024 году принят Закон об искусственном интеллекте (The EU AI Act). В соответствие с данным актом системы искусственного интеллекта, используемые в государственном управлении, относятся к системам высокого риска (более опасными считаются только системы, которые запрещены). Перед их использованием требуется соблюсти ряд обязательных процедур, а на сам процесс функционирования распространяются строгие правила, в которых исключения регламентированы. Закон об искусственном интеллекте вводит обязательства по прозрачности для всех моделей искусственного интеллекта общего назначения, чтобы обеспечить лучшее понимание этих моделей, а также дополнительные обязательства по управлению рисками.

Исходя из вышесказанного, привлечение систем искусственного интеллекта к решению задач предупреждающего СМАРТ-контроля без адекватной системы их оценки и детальной нормативной регламентации процедур использования, деятельности по минимизации рисков, вопросов обеспечения высокого уровня надежности, безопасности и точности, считаем деянием с высокой степенью риска и весьма спорным решением. Изучение доступных материалов проекта «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для управленческих решений» Направление (подпрограмма) «Повышение качества управления бюджетным процессом и эффективности управления общественными финансами» 2022–2027 не выявило задач относительно совершенствования правового обеспечения использования современных технологий (ИИ, нейросети, большие данные). Считаем необходимым дополнить данные акты необходимыми положениями.

Второй метод, используемый при СМАРТ-контроле – это наблюдение, т.е. непрерывный он-лайн контроль, уведомлять о нем контрольные органы не будут. Они соберут информацию из имеющейся у государства цифровой среды — межведомственный обмен, информационные системы, данные из сети «Интернет». Положительным моментом является то, что в проекте изменений в Бюджетный кодекс под наблюдением в целях осуществления внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля предлагается понимать сбор и обработку данных об объекте контроля, имеющихся у органа внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, в том числе данных, поступающих в ходе межведомственного информационного взаимодействия, а также содержащихся в государственных и муниципальных информационных системах, данных из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», иных общедоступных данных, для выявления рисков и признаков нарушений.

С точки зрения информационного законодательства здесь определенную проблему представляет получение информации из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», иных общедоступных источников данных. Основной причиной использования сети «Интернет» является низкая стоимость и легкий доступ к информации о компании. Однако, если в случае с получением данных из информационных систем и в ходе межведомственного взаимодействия мы имеем дело со структурированными наборами, то сеть «Интернет» — это место хранения неструктурированных данных огромных объёмов и

значительного многообразия. Имеющиеся в настоящий момент технологии обработки больших данных в совокупности с использованием систем искусственного интеллекта позволяют эффективно их обрабатывать. О правовых проблемах использования искусственного интеллекта было сказано выше, но в настоящий момент в российском праве не разрешены все проблемы относительно регулирования порядка, условий обработки больших данных, а также выявления и защиты прав и законных интересов различных субъектов, участвующих в их обработке^[18]. Существует мнение, что наблюдение при СМАРТ-контроле можно соотносить с аналитической разведкой^[18, 19].

Считаем, чтобы обеспечить необходимый уровень доверия к данной процедуре необходимо правовое регулирование отношений по установлению правил проведения при извлечении данных об объекте контроля из совокупности общедоступной информации в сети «Интернет» и других систем обмена и хранения информации, а также их интерпретации для целей контроля в рамках использования технологии обработки больших данных.

Третьим методом осуществления СМАРТ-контроля означен контрольный мониторинг, где подразумевается, что учреждения и органы власти будут добровольно раскрывать учетные данные и передавать их в электронном виде. Мониторинг — это один из инструментов, помогающих осознать процесс выполнения обязанности по подотчетности. К сожалению, в законах и подзаконных актах, а также в литературе нет общего определения мониторинга, и его дефиниция варьируется в зависимости от области реализации (например мониторинг правоприменения), но в некотором смысле данную деятельность можно определить как деятельность, которая сравнивает существующее или желаемое состояние системы с реально имеющимся, при этом используются специально разработанный инструментарий, единицы оценки и прогнозы^[20].

В проекте изменений в Бюджетный кодекс под контрольным мониторингом в целях осуществления внутреннего государственного финансового контроля понимается взаимодействие Федерального казначейства и объекта контроля, направленное на обеспечение выполнения объектом контроля положений правовых актов, в том числе требований и рекомендаций по их соблюдению, условий договоров (соглашений), в рамках полномочий, определенных Бюджетным Кодексом (далее - предмет контрольного мониторинга), и осуществляющееся в электронной форме с использованием информационных систем в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, законодательством Российской Федерации о государственной и иной охраняемой законом тайне. Считаем данное определение весьма успешным.

Положительным моментом является то, что контрольный мониторинг осуществляется в порядке и случаях, которые установлены Правительством Российской Федерации. Таким образом требуется дополнительная нормотворческая деятельность Правительства, информации о которой пока не удалось обнаружить.

Подводя исследования мы можем сделать ряд выводов.

1. Базовые отношения в части сбора и обработки информации в рамках реализации процедур предупреждающего СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере в настоящее время урегулированы информационным законодательством и в дальнейшем совершенствовании не нуждаются.
2. Частные вопросы правового функционирования системы предупреждающего СМАРТ-

контроля на настоящий момент предоставлены только как определенные положения законопроектов, которые находятся на первой стадии обсуждения. Как видно механизм правового регулирования отстает от планов и реалий внедрения новой системы. Это порождает правовой вакуум и соответствует правовой доктрине Российской Федерации. Требуется ускорение правотворческого процесса и скорейшее принятие необходимых документов.

3 . Основные документы, регламентирующие процедуру внедрения системы предупреждающего СМАРТ-контроля носят стратегический характер и не обладают конкретикой. Министерству Финансов необходимо разработать и внести на обсуждение законодателя соответствующие законопроекты, а также принять ведомственные приказы во исполнение данных инициатив.

4 . Требуется законотворческая работа по совершенствованию правового механизма, регламентирующего процедуры сбора и обработки информации в рамках реализации процедур предупреждающего смарт-контроля в финансово-бюджетной сфере при использовании современных интеллектуальных технологий, особо искусственного интеллекта, использования больших данных, использования интеллектуальных агентов в режиме 24/7. Т. к. отечественная правовая доктрина в настоящий момент при регулировании данных отношений отдает приоритет «мягкому праву», как способу совершенствование существующих инструментов и механизмов воздействия на правовую реальность, а также поиска более эффективных и действенных ресурсов для формирования качественно нового состояния правовой определенности и стабильности. Приоритет должен быть у процедур определения требований к использованию искусственного интеллекта для принятия отдельных решений. Все инновации предлагается реализовывать только после комплексной оценки их регулирующего воздействия, в том числе за счет тестирования условий применения технологий искусственного интеллекта в финансовом секторе в режиме экспериментального правового режима ("регуляторной песочницы").

5. Нормативного закрепления требует механизм открытости всех элементов и процедур, связанных с предупреждающим СМАРТ-контролем.

Библиография

1. Минфин вводит три новых метода предварительного контроля URL : <https://www.budgetnik.ru/news/115875-minfin-vvodit-tri-novyh-metoda-predvaritelnogo-kontrolja?ysclid=lu8hl0zIta529042677>
2. McPhail, L. and Joseph, M. Machine learning implications for banking regulation. Routledge Handbook of FinTech, 2019.
3. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / Н.Е. Абрамова, С.Я. Боженок, О.В. Веремеева и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2022. 272 с.
4. Переход на электронный СМАРТ-контроль. Всё что необходимо знать // Клерк. Бюджетный учет. 2023. 4 июля.
5. Электронный СМАРТ-контроль: что это такое и как он изменит жизнь учреждений и ревизоров URL: <https://www.garant.ru/news/1624807/> (дата доступа 10.04.2024 г.)
6. Минфин России создаст единую электронную систему формирования данных госфинансов. URL : <https://minfin.cap.ru/press-centr/2021/08/03/minfin-rossii-sozdast-edinuyu-elektronnyu-sistemu> (дата доступа 10.04.2024 г.)
7. Попов, О.В., Прокопенко, А.Н. Особенности правового регулирования использования биометрических персональных данных в системе государственного управления на

- современном этапе цифровой трансформации общества // Административное право и процесс. 2023. N 2. С. 22–24.
8. Шеховцева, Е.В. К вопросу о едином портале бюджетной системы Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2017. №2 (48). С. 152–160.
9. Наумов, В., Авакян, Е., Чубурков, А., Янковский, Р., Белова, С., Тевс, М., Махноносов, Э., Рыбалко, В. Цифровая среда доверия // Закон. 2019. N 9. С. 25–38.
10. Храмцовская, Н. Эксперт рассказал о доверии в обеспечении сохранности и доступности электронных документов. URL:
<https://zen.yandex.ru/media/id/5bbe56a660011700aa85b9b1/ekspert-rasskazal-o-doverii-v-obespechenii-sohrannosti-i-dostupnosti-elektronnyh-dokumentov-5bbed27cd88f8300aa77d121> (дата доступа 10.04.2024 г.)
11. Минбалаев, А.В., Петровская, О.В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. N 4. С. 20–28.
12. Гальчева А. Казначейство признало ошибки в данных о расходах на нацпроекты URL : <https://www.rbc.ru/economics/02/12/2019/5de4e3119a7947f04f7c160c>(дата доступа 10.04.2024 г.)
13. Как цифровая трансформация проходит в бухгалтерии и финансах госсектора // Учет в учреждении. 2024. № 2.
14. Булгакова, Е.В. Методы анализа и принципы систематизации данных, используемых при подготовке и принятии юридических решений // Информационное право. 2016. N 4. С. 29 33.
15. Бычков, С. При СМАРТ-контроле учреждения не будут знать о проверке // Учет в учреждении. 2023. № 7.
16. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д.Р. Алимова, С.А. Афанасьева, Л.Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.
17. Аракелян, К.Э., Аракелян, Г.К. О мерах правового регулирования применения искусственного интеллекта в организациях оборонно-промышленного комплекса // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2023. N 2. С. 122–128.
18. Карпичев, В.Ю. Правовое регулирование больших данных: пусть будет // Юрист. 2022. N 4. С. 68–73.
19. Бурьяк, А.В. Аналитическая разведка. URL: <http://analytical.narod.ru/Index.htm> (дата доступа 10.04.2024 г.)
20. Ardesthiry, H., Kamali, E., Rostami, A., Safari Gerayli, M. Designing a model of smart financial monitoring in public sector accounting: Using the interpretive structural modeling // Int. J. Nonlinear Anal. Appl. In Press. 2023. Pp. 1–1.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Правовое регулирование информационных процессов в рамках предупреждающего СМАРТ-контроля».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам контроля в

финансово-бюджетной сфере с использованием современных смарт-технологий, а также правовому регулированию отношений, возникающих в связи с данными процессами. Автором рассматриваются правовые акты в данной сфере, проблемы и противоречия, возникающие в связи с их применением, а также практика, в том числе методы, используемые при внедрении смарт-процессов. В качестве конкретного предмета исследования выступили положения правовых актов, мнения ученых, материалы практики, а также данные из Интернет-ресурсов.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена. Отмечается, что «Целью данного исследования является анализ правовых проблем, которые возникают в ходе информационных процедур при реализации предупреждающего СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере, выявления коллизий и выработка рекомендаций по правильному применению норм права в ходе предупреждающего смарт-контроля. Нами не будут рассматриваться общие требования к государственным информационным системам и процедурам сбора и обработки информации, установленные финансовым законодательством, законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, законодательством о безопасности, законодательством Российской Федерации о государственной и иной охраняемой законом тайне. Исследование будет сосредоточено на аспектах регулирования процедур сбора и обработки информации, используемых непосредственно в ходе предупреждающего СМАРТ-контроля». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Еще одним положительным моментом, который мы можем отметить при использовании системы «Электронный бюджет» как цифровой платформы СМАРТ-контроля, является возможность обеспечения соответствия принципу прозрачности бюджетной системы, путем предоставления доступа к информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на едином портале бюджетной системы Российской Федерации[8]. Данное требование вытекает из положений Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 г. № 93-р и Приказа Министерства Финансов РФ от 6 февраля 2014 года № 26 «Об организации работ по реализации принципов открытости Министерства Финансов РФ»».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема контроля в финансово-бюджетной сфере с использованием современных смарт-технологий сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «в соответствии с основными постулатами российской правовой доктрины данные операции должны проводиться с неуклонным соблюдением принципа законности. В то же время информационное законодательство в последнее время претерпевает значительные изменения. Что накладывает определенные трудности и требует изучения

механизма правового регулирования информационных процессов, связанных со СМАРТ-контролем». Автор прав, что осветил этот аспект актуальности.

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такие выводы:

«1. Базовые отношения в части сбора и обработки информации в рамках реализации процедур предупреждающего СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере в настоящее время урегулированы информационным законодательством и в дальнейшем совершенствовании не нуждаются.

2. Частные вопросы правового функционирования системы предупреждающего СМАРТ-контроля на настоящий момент предоставлены только как определенные положения законопроектов, которые находятся на первой стадии обсуждения. Как видно механизм правового регулирования отстает от планов и реалий внедрения новой системы. Это порождает правовой вакуум и соответствует правовой доктрине Российской Федерации. Требуется ускорение правотворческого процесса и скорейшее принятие необходимых документов».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«Требуется законотворческая работа по совершенствованию правового механизма, регламентирующего процедуры сбора и обработки информации в рамках реализации процедур предупреждающего смарт-контроля в финансово-бюджетной сфере при использовании современных интеллектуальных технологий, особо искусственного интеллекта, использования больших данных, использования интеллектуальных агентов в режиме 24/7. Т. к. отечественная правовая доктрина в настоящий момент при регулировании данных отношений отдает приоритет «мягкому праву», как способу совершенствование существующих инструментов и механизмов воздействия на правовую реальность, а также поиска более эффективных и действенных ресурсов для формирования качественно нового состояния правовой определенности и стабильности. Приоритет должен быть у процедур определения требований к использованию искусственного интеллекта для принятия отдельных решений. Все инновации предлагается реализовывать только после комплексной оценки их регулирующего воздействия, в том числе за счет тестирования условий применения технологий искусственного интеллекта в финансовом секторе в режиме экспериментального правового режима ("регуляторной песочницы")».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с вопросами контроля в финансово-бюджетной сфере с использованием современных смарт-технологий.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного

рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Наумов, В., Авакян, Е., Чубурков, А., Янковский, Р., Белова, С., Тевс, М., Махноносов, Э. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области правового регулирования отношений, возникающих с использованием цифровых технологий. Хотело бы отметить использование автором большого количества материалов практики, что позволило придать исследованию правоприменительную направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным автором проблемным аспектам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Трухан Р.П. Об отдельных свойствах акцессорности арбитражной оговорки // Юридические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70266 EDN: XJECAM URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70266

Об отдельных свойствах акцессорности арбитражной оговорки

Трухан Роман Петрович

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
629850, Россия, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Тарко-Сале, Осенняя, 11, кв. 27

✉ trukhan.roman@yandex.ru

[Статья из рубрики "Договор и обязательства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.4.70266

EDN:

XJECAM

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Аннотация: В основе нормативного регулирования вопросов применения арбитражной оговорки как разновидности арбитражного соглашения лежит двойственный характер данной правовой категории, что обуславливает особенности взаимосвязей между материальным и процессуальным правоотношениями, когда последнее возникает в рамках параметров, установленных арбитражной оговоркой. В таких случаях не исключается значительное упрощение правового регулирования, когда возможно признание у таких взаимосвязей признаков акцессорности. По результатам исследования автором доказывается, что взаимосвязи материального и процессуального правоотношений, возникающих вследствие применения арбитражной оговорки, имеют акцессорные характеристики по восьми обычно выделяемым в литературе критериям. Предлагается не только установить такой подход к определению черт акцессорности в данном конкретном случае в доктрине, но и усовершенствовать действующее законодательство и практику его применения. В работе практические следствия выводов автора показаны на примере упрощения процедуры проверки возможности обращения к принудительному исполнению решений об обеспечительных

мерах, принятых судом другой юрисдикции (международным третейским судом) по содержащему соответствующую арбитражную оговорку договору, «признанному» национальной юрисдикцией, где предполагается исполнение решения об обеспечительных мерах. Работа основана на применении целого комплекса общих- и частно-научных методов и приемов исследования, основными из которых выступили метод системного анализа и метод формальной логики в виде дедукции и индукции. Акцессорные взаимосвязи остаются мало изученным правовым явлением, как в теории права, так и в отраслевых юридических науках. Наиболее глубокие и последовательные исследования этого вопроса присутствуют в материальном праве, где они касаются, главным образом, проблем установления наличия или отсутствия акцессорной связи между договорными обязательствами и способами обеспечения исполнения обязательств. В процессуальном праве акцессорность как самостоятельная правовая категория не исследуется, хотя отдельные институты процессуального права, например, обеспечительные меры в гражданском процессе, явно обладают в своей регламентации отдельными признаками акцессорности. Представляется, что установление свойств акцессорности во взаимосвязи материального и процессуального правоотношений, когда параметры последнего определены арбитражной оговоркой, будет иметь важное теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова:

акцессорность, акцессорные связи, арбитражная оговорка, арбитражное соглашение, обеспечительные меры, основное и дополнительное, арбитраж, суд, материальные правоотношения, процессуальные правоотношения

Арбитражная оговорка как основа взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношениями

Как известно, одним из видов арбитражных соглашений является арбитражная оговорка. По сути, чаще всего, это соглашение сторон договора, непосредственно включенное в его текст, об арбитражном разбирательстве споров, которые могут возникнуть из данного договора. В литературе отмечается, что нередко стороны сталкиваются с необходимостью предусмотреть разбирательство будущих возможных споров между ними судом, правовые позиции которого для них приемлемы и понятны [8, с.72]. Таким образом, у них возникает вопрос в согласовании конкретного арбитража, компетентного рассматривать споры по контракту [5, с.47]. Решить эту проблему помогают арбитражные оговорки.

Арбитражная оговорка, будучи включенной в состав материального правоотношения в виде части норм договора или путем отдельного, дополнительного соглашения к договору, решаяющего процессуальные вопросы, по которым сторонами достигнуто согласие, определяет подсудность дела конкретному суду при возникновении в будущем юридического спора между сторонами данного договора [13, с.60].

Таким образом, имеет место двойственный характер арбитражной оговорки: с одной стороны, она зафиксирована в рамках реализации норм материального права, предусмотрена ими и относится к ним по своей природе, а, с другой стороны, посредством арбитражной оговорки решаются вопросы процессуального права, предопределяется юрисдикционная деятельность по спору между данными сторонами

конкретного суда [\[10, с.178\]](#).

В литературе в этой связи отмечается, что арбитражная оговорка выступает способом взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношениями, при том, что сама арбитражная оговорка не «запускает» соответствующий юрисдикционный процесс, но определяет его рамки и условия, включая сам юрисдикционный орган (коммерческий арбитраж) и установленные для него, в том числе, и самим этим судом (третейским судом), условия рассмотрения спора (обеспечительные меры, размер пошлины за рассмотрение дела и порядок ее уплаты, сроки рассмотрения дела и проч.) [\[11, с.19\]](#). В ряде ситуаций, например, при рассмотрении трансграничного спора, на вопрос можно смотреть и шире: в определенном смысле правила подсудности частично предопределяют и выбор применимого процессуального права в части места рассмотрения вопроса о принятии обеспечительных мер, то есть здесь в неявной форме решается коллизионный вопрос.

Аналогичные взаимосвязи наблюдаются, благодаря арбитражному соглашению, и между договором (контрактом) и иными, альтернативными судебному, в том числе, третейскому, видами разрешения споров, например, адьюдикации [\[3, с.240\]](#) или медиации [\[12, с.47\]](#), что дополнительно свидетельствует о том, что, благодаря арбитражной оговорке, как разновидности арбитражного соглашения, между материальными правоотношениями и процессуальным правоотношениями возникают особые взаимосвязи. Представляется, что указанные взаимосвязи имеют некоторые акцессорные черты.

Доказательства акцессорных характеристик взаимосвязей материального и процессуального правоотношений, возникающих вследствие применения арбитражной оговорки

К сожалению, в литературе сегодня нет единства мнений относительно имманентных свойств и характеристик самой акцессорности, однако те черты, в отношении которых в юридической науке достигнут минимальный консенсус, могут быть обнаружены во взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношениями, обеспеченной арбитражной оговоркой.

Во-первых, акцессорность предполагает наличие односторонней причинной связи между основным и дополнительным.

Основным правоотношением в данном случае будет материальное правоотношение, а дополнительным – процессуальное. Причиной возникновения процессуального правоотношения выступает нарушение сторонами своих обязанностей в рамках материального правоотношения.

Такая связь является односторонней, поскольку нарушение сторонами своих процессуальных обязанностей влечет процессуальные же последствия. Например, до настоящего времени английские суды полагают, что действие Брюссельской [\[1\]](#) и Луганской [\[2\]](#) конвенций не распространяется на арбитражное (третейское) производство, в связи с чем, при нарушении одной из сторон арбитражной оговорки, запрет на разбирательство дела иным судом может иметь место, но это не сказывается на применяемом судом материальном праве [\[17, с.10\]](#).

Во-вторых, детерминантом акцессорности как взаимосвязи выступает нечто лежащее за ее пределами.

Источником арбитражной оговорки выступает арбитражное соглашение – часть договора (контракта) между сторонами или отдельное соглашение, регулирующее данный процессуальный момент. Именно сущность нормы об арбитражной оговорке определяет характер будущей взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношениями.

Характер такой взаимосвязи может быть различным.

В частности, стороны могут предусмотреть однозначную арбитражную оговорку, когда ими прямо определен суд, к компетенции которого они относят разрешение споров между собой [9, с.67], или же стороны могут затрудняться в выборе конкретного суда, в связи с чем они могут применить так называемые «альтернативные арбитражные оговорки», когда выбор конкретного арбитражного института будет привязан либо к безусловному выбору истца, либо к местонахождению одной из сторон [15, с.34]. В обоих случаях детерминантой арбитражной оговорки будет согласованная воля сторон, лежащая вне пределов самой акцессорной взаимосвязи.

В-третьих, у основного и акцессорного (дополнительного) правоотношения должна наблюдаться относительно общая юридическая природа.

На первый взгляд, материальное правоотношение и процессуальное правоотношение имеют различную правовую природу, что называется, по определению.

Между тем, если рассматривать акцессорную взаимосвязь в широком смысле слова, то мы в обоих случаях имеем дело с теми же (кроме появления суда в процессуальном правоотношении) субъектами правоотношений, которые совершают юридически значимые действия в рамках одних и тех же изначальных фактических отношений – отношений по исполнению условий конкретного договора, заключенного между этими сторонами. Речь идет о правовой деятельности, обусловленной одной целью – удовлетворения сторонами собственных потребностей за счет друг друга по условиям, определенным соглашением между ними.

В литературе также отмечается, что относительно «общими» являются, например, для международного гражданского процесса и международного частного права отдельные инструменты правового регулирования, в частности, институт арбитражной оговорки [7, с.37].

В-четвертых, конечные цели существования акцессорного (дополнительного) совпадают с целями основного (главного).

Это действительно так, поскольку и в рамках процессуального, и в рамках материального правоотношения стороны добиваются одного и того же: реализации своих прав по договору и надлежащего исполнения обязанностей по нему же. Обращение за юридической защитой к суду, конечно же, имеет собственные цели, обусловленные гражданским (арбитражным) процессом, но эти цели являются траекторными (промежуточными) для конечных материально-правовых целей.

В-пятых, для главного (основного) и акцессорного (дополнительного) обычно характерен единый временной континуум.

Применительно к арбитражной оговорке это является не только совершенно верным, но и единственным возможным: процессуальное правоотношение начинает течь лишь после начала возникновения материального правоотношения и оканчивается до его окончания

или одновременно с ним (если не принимать во внимание стадию исполнения судебного акта при прекратившем действие договоре, а рассматривать ее в контексте отдельного гражданского исполнительного правоотношения, как это уже почти 20 лет предлагается в литературе [6, с.89]).

В-шестых, для акцессорного (дополнительного) правоотношения обычно свойственной будет присоединенность к главному правоотношению без слияния с ним.

Подобное наблюдается и применительно к взаимосвязям между материальным правоотношением и процессуальным правоотношением, возникающим вследствие арбитражной оговорки. Уже сама арбитражная оговорка является частью арбитражного соглашения между сторонами - соглашения, первоначально достигнутого и реализуемого в рамках материального правоотношения. Дополнительное (акцессорное) правоотношение возникает вследствие материально-правовой (по способу своего отражения сторонами) арбитражной оговорки и явно присоединено к главному (основному), но никак не сливаются с ним и, более того, не может слиться полностью ввиду различия между материально-правовой и процессуально-правовой природой, хотя эта природа в широком смысле слова и имеет общие черты, о чем в работе указывалось выше.

В-седьмых, обычно акцессорное (дополнительное) зависит от главного (основного) по своему возникновению и прекращению, своей легитимности, своей структуре и элементному составу, по характеристикам содержания и формы и т.п.

О такой зависимости можно говорить и применительно ко взаимосвязи, вызываемой арбитражной оговоркой - взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношением.

Так, процессуальное правоотношение, основанное на арбитражной оговорке, не может возникнуть ранее материального правоотношения, хотя в других случаях, не обусловленных арбитражной оговоркой, такое более ранее или одновременное возникновение может иметь место, например, в ситуации разрешаемых судом преддоговорных споров сторон. Процессуальное правоотношение прекращается одновременно с материальным правоотношением – вступлением в законную силу решения суда, или же даже ранее, когда стороны разрешили конкретный спор (например, по оплате части поставленной продукции), не расторгая сам договор и оставаясь в материально-правовых отношениях.

Легитимность процессуального правоотношения, в рамках которого спор между сторонами рассматривается избранным ими судом, зависит от легитимности той части основного договора или отдельного арбитражного соглашения, где содержится указание на обращение за юрисдикцией к данному суду в предусмотренной арбитражной оговоркой ситуации. Если будет установлена недействительность соглашения об арбитражной оговорке, то и рассмотрение дела данным судом прекращается, а стороны будут обращаться за защитой своих прав в соответствии с общими правилами подсудности.

Структура и элементный состав материального и процессуального правоотношения схожи, по меньшей мере, в части субъектов материально-правовых отношений, которые становятся участниками судебного спора в виде его сторон («занимают место сторон»).

Может иметь место также и сходство отдельных характеристик содержания и формы соответствующих правоотношений, так как речь идет об одном и том же нарушенном

обязательстве и основным предметом судебного исследования выступает конкретный договор: именно его положения суд оценивает с точки зрения возможного нарушения сторонами – сторонами, как договора, так и судебного спора.

В-восьмых, что очевидно, акцессорное всегда дополняет главное.

Действительно, процессуальное правоотношение без материального правоотношения бессмысленно по своей природе: оно не может существовать без потребности стороны договора, которая полагает свои права по договору нарушенными, воспользоваться арбитражной оговоркой и обратиться в соответствующий установленный ею суд для защиты своего права. Без материального правоотношения цель процессуального правоотношения ничтожна.

Завершая доказательство обнаружения основных характеристик акцессорности во взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношением, когда последние возникает вследствие арбитражной оговорки, необходимо отметить, что при ее отсутствии взаимосвязь между материальным и процессуальным правоотношениями не будет акцессорной, поскольку процессуальное правоотношение, в рамках которого спор разрешается конкретным судом, не будет основано на воле сторон, выраженной в договоре, а определяется в силу закона, когда одна из сторон материально-правовых отношений полагает свои права нарушенными и обращается за судебной защитой.

Пример практического следствия установления акцессорных характеристик взаимосвязей материального и процессуального правоотношений, возникающих вследствие применения арбитражной оговорки

Как было установлено в работе выше, арбитражную оговорку можно признать основанием возникновения особой взаимосвязи между материальным (основным) и процессуальным (дополнительным) правовым отношением, имеющей основные черты акцессорности.

Представляется, что указанный вывод имеет не только важное теоретическое, но и сугубо практическое значение.

В частности, признание и формализация отдельных характеристик и свойств акцессорности в законодательство о возможности применения арбитражной оговорки позволит подвергнуть научной ревизии отдельные положения действующего законодательства и усовершенствовать его.

На основе предложенного В.Селивановой анализа судебной практики по трансграничным спорам [14, с.75] можно предположить ситуацию, в которой покупатель из Великобритании (истец) обращается к продавцу из России (ответчику) в соответствии со сделанной оговоркой о суде рассмотрения спора в государственный суд Швейцарии и именно этот суд будет рассматривать дело по существу. В то же время, спорное имущество расположено ответчиком на территории Российской Федерации. В этой ситуации истец заявляет ходатайство о принятии обеспечительных мер с целью ареста имущества ответчика на территории РФ. Государственный суд Швейцарии данное ходатайство удовлетворяет и истец обращается с целью принудительного исполнения судебного акта иностранного суда на территории Российской Федерации в государственный суд Российской Федерации.

Между тем, судебный акт иностранного суда о принятии обеспечительных мер не обязательно будет признан и в дальнейшем принудительно исполнен на территории

Российской Федерации, так как такой акт не является окончательным судебным актом, которым проведенный в рамках состязательного процесса спор разрешается по существу.

Однако особняком для такого вывода стоит частный случай, когда имеет место арбитражная оговорка, позволяющая истцу – иностранному лицу – обратиться в международный коммерческий арбитраж с целью применения обеспечительных мер в рамках трансграничного спора.

Международный третейский форум (такой, например, как Международный коммерческий арбитражный суд при Торговой промышленной палате Российской Федерации) одновременно рассматривает трансграничный спор по существу и выносит судебный акт о принятии обеспечительных мер, однако обеспечительные меры, принятые международным коммерческим арбитражем, сами по себе не обладают способностью к принудительному исполнению на территории Российской Федерации, исполняются сторонами спора добровольно (то есть, их исполнение ставится в зависимость от добросовестности поведения второй стороны спора – ответчика) и не обязательны для третьих лиц [\[16, с.71\]](#).

Для придания обеспечительным мерам, принятым международным коммерческим арбитражем, силы принудительного исполнения на территории Российской Федерации истец должен обратиться с соответствующим заявлением в российской государственный суд, который будет в рамках осуществления судебного контроля и придания принудительной силы исполнения обеспечительным мерам, принятым международным коммерческим арбитражем, исследовать вопросы действительности арбитражного соглашения [\[4, с.44\]](#).

Таким образом, применение обеспечительных мер на территории Российской Федерации по ходатайству иностранного лица (в отношении которого не могут быть применены привязки «личного закона» и т.п.) по спору, рассматриваемому иностранным судом, значительно затруднены, кроме случая обращения за принудительным исполнением обеспечительных мер, вынесенных третейским судом – международным коммерческим арбитражем.

Установление черт акцессорности во взаимосвязи материального и процессуального отношений, когда последнее возникает вследствие реализации договорной нормы об арбитражной оговорке, позволяет предполагать, что в ситуации, при которой положение об арбитражной оговорке содержится в договоре, прошедшем государственную регистрацию (нотариальное удостоверение) в национальной юрисдикции, или в нотариально удостоверенном в данной юрисдикции арбитражном соглашении, исполнение мер по обеспечению иска, принятых коммерческим арбитражем как третейским судом в другой юрисдикции, должно миновать стадию проверки действительности арбитражного соглашения или отдельных норм об арбитражной оговорке.

Заключение

В результате применения общих и частно-научных методов и приемов исследования можно указать на следующие основные выводы.

Прежде всего, арбитражная оговорка как вид (часть) арбитражного соглашения становится связующим звеном между материальным правоотношением и процессуальным правоотношением.

Данная связь имеет определенные акцессорные черты, к числу которых можно отнести следующие: 1) акцессорность предполагает наличие односторонней причинной связи между основным и дополнительным, 2) детерминантом акцессорности выступает нечто лежащее за ее пределами, 3) у основного и акцессорного - общая юридическая природа, 4) конечные цели существования акцессорного совпадают с целями основного, 5) для главного (основного) и акцессорного (дополнительного) характерен единый временной континуум, 6) для акцессорного свойственной будет присоединенность к главному без слияния с ним, 7) акцессорное зависит от главного (основного) по своему возникновению и прекращению, своей легитимности, своей структуре и элементному составу, по характеристикам содержания и формы и т.п., 8) акцессорное дополняет главное.

Установление признаков акцессорности взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношениями имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, так как в ряде случаев может служить доктринальным основанием пересмотра существующих законодательных положений и практики применения норм права, что в работе показано на примере потенциального влияния признанной государством (прошедшей государственную регистрацию или нотариальное удостоверение) арбитражной оговорки на возможность применения в национальной юрисдикции места регистрации или удостоверения договора упрощенной процедуры обращения к исполнению обязательных мер, принятых судом другой юрисдикции, указанным посредством данной арбитражной оговорки.

Библиография

1. Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров (27 сентября 1968 г.) // СПС «Консультант Плюс».
2. Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам (Лугано, 16 сентября 1988 г.) // СПС «Консультант Плюс».
3. Александров Г.А. Возможности применения адьюдикации как правового инструмента разрешения споров // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 240-245.
4. Андреев Д.А. Взаимодействие третейских и государственных судов по вопросам обеспечительных мер // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 1. С. 44-48.
5. Богданова Н.А. Регулирование соглашений о международной подсудности в соответствии с новым Регламентом ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8. С. 47-52.
6. Гражданское исполнительное право. Учебник. Под ред. А.А. Власова. М., 2004. – 410 с.
7. Дмитриева Г.К. Международное частное право. Учебник. М.: Проспект. 2020. – 380 с.
8. Казаченок С.Ю. Арбитражные оговорки на страже реализации принципа гибкого разрешения внешнеэкономического спора // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. № 1 (18). С. 72-75.
9. Константинова Е.Л. "Патологические" арбитражные оговорки // Предпринимательское право. Приложение "Бизнес и право в России и за рубежом". 2013. № 4. С. 67-70.
10. Максуров А.А. Актуальные проблемы судебного права. М.: ИНФРА-М. 2024. – 422 с.
11. Максуров А.А. Доказательства в гражданском процессе. Учебное пособие. М.: Русайнс. 2022. – 160 с.

12. Максуров А.А. К вопросу о медиации в праве // Советник юриста. 2012. № 7-8. С. 47-50.
13. Погодина И.В., Рышковская Я.И. Альтернативные арбитражные оговорки: аспекты правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 6. С. 60-63.
14. Селиванова В. Обеспечительные меры в трансграничных спорах: как взыскателю добиться исполнения судебного акта // Международные банковские операции 2019. № 4. С. 75-80.
15. Слипачук Т.А., Перепелинская Е.В. Реализация арбитражной "альтернативы": альтернативные арбитражные оговорки: "за" и "против" // Международный арбитраж. 2007. № 26 (496). С. 34-39.
16. Фетюхин М.В. Применение обеспечительных мер по делам, переданных сторонами на рассмотрение третейского суда // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 4. С. 71-73.
17. Mosimann O.L. Anti-suit Injunctions in international commercial litigation. Eleven International Publishing, Netherlands, 2010. P. 10-23.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, отдельные свойства акцессорности арбитражной оговорки. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Как известно, одним из видов арбитражных соглашений является арбитражная оговорка. По сути, чаще всего, это соглашение сторон договора, непосредственно включенное в его текст, об арбитражном разбирательстве споров, которые могут возникнуть из данного договора. В литературе отмечается, что нередко стороны сталкиваются с необходимостью предусмотреть разбирательство будущих возможных споров между ними судом, правовые позиции которого для них приемлемы и понятны [8, с.72]. Таким образом, у них возникает вопрос в согласовании конкретного арбитража, компетентного рассматривать споры по контракту [5, с.47]. Решить эту проблему помогают арбитражные оговорки"; "Таким образом, имеет место двойственный характер арбитражной оговорки: с одной стороны, она зафиксирована в рамках реализации норм материального права, предусмотрена ими и относится к ним по своей природе, а, с другой стороны, посредством арбитражной оговорки решаются вопросы процессуального права, предопределется юрисдикционная деятельность по спору между данными сторонами конкретного суда [10, с.178]". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "... арбитражная оговорка как вид (часть) арбитражного соглашения становится связующим звеном между материальным правоотношением и процессуальным правоотношением. Данная связь имеет определенные акцессорные черты, к числу которых можно отнести следующие: 1) акцессорность предполагает наличие односторонней причинной связи между основным и дополнительным, 2) детерминантом акцессорности выступает нечто лежащее за ее пределами, 3) у основного и акцессорного - общая юридическая

природа, 4) конечные цели существования акцессорного совпадают с целями основного, 5) для главного (основного) и акцессорного (дополнительного) характерен единый временной континуум, 6) для акцессорного свойственной будет присоединенность к главному без слияния с ним, 7) акцессорное зависит от главного (основного) по своему возникновению и прекращению, своей легитимности, своей структуре и элементному составу, по характеристикам содержания и формы и т.п., 8) акцессорное дополняет главное"; "... признание и формализация отдельных характеристик и свойств акцессорности в законодательство о возможности применения арбитражной оговорки позволит подвергнуть научной ревизии отдельные положения действующего законодательства и усовершенствовать его" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы состоит из нескольких разделов: "Арбитражная оговорка как основа взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношениями"; "Доказательства акцессорных характеристик взаимосвязей материального и процессуального правоотношений, возникающих вследствие применения арбитражной оговорки"; "Пример практического следствия установления акцессорных характеристик взаимосвязей материального и процессуального правоотношений, возникающих вследствие применения арбитражной оговорки". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 17 источниками (международными документами, монографией, научными статьями, учебниками и учебным пособием), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования (специфика феномена арбитражной оговорки). Научная дискуссия ведется автором корректно; положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Прежде всего, арбитражная оговорка как вид (часть) арбитражного соглашения становится связующим звеном между материальным правоотношением и процессуальным правоотношением. Данная связь имеет определенные акцессорные черты, к числу которых можно отнести следующие: 1) акцессорность предполагает наличие односторонней причинной связи между основным и дополнительным, 2) детерминантой акцессорности выступает нечто лежащее за ее пределами, 3) у основного и акцессорного - общая юридическая природа, 4) конечные цели существования акцессорного совпадают с целями основного, 5) для главного (основного) и акцессорного (дополнительного) характерен единый временной континуум, 6) для акцессорного свойственной будет присоединенность к главному без слияния с ним, 7) акцессорное зависит от главного (основного) по своему возникновению и прекращению, своей легитимности, своей структуре и элементному составу, по характеристикам содержания и формы и т.п., 8) акцессорное дополняет главное").

Установление признаков акцессорности взаимосвязи между материальным и процессуальным правоотношениями имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, так как в ряде случаев может служить доктринальным

основанием пересмотра существующих законодательных положений и практики применения норм права, что в работе показано на примере потенциального влияния признанной государством (прошедшей государственную регистрацию или нотариальное удостоверение) арбитражной оговорки на возможность применения в национальной юрисдикции места регистрации или удостоверения договора упрощенной процедуры обращения к исполнению обеспечительных мер, принятых судом другой юрисдикции, указанным посредством данной арбитражной оговорки"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере предпринимательского права, арбитражного процессуального права, международного частного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы.

Англоязычные метаданные

Intangible space as a new form of crime scene: doctrinal aspect

Lihachev Nikita Aleksandrovich

Lihachev Nikita Aleksandrovich

350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

✉ mr.lihachev.nikita@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of defining cyberspace and information space as a possible place of commission of a crime or other optional sign of an objective party in relation to specific acts provided for by the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The properties and characteristics of cyberspace are determined, and a comparison is made with the intangible and information space. The problem of determining the connection of cyberspace to specific objects of the material world – computer media, servers, the impossibility of the existence of cyberspace in isolation from three-dimensional reality at this stage of scientific and technological development, which predetermines the criminal legal classification of crimes, is noted. The scientific novelty of the work lies in the fact that the article substantiates an innovative approach to determining the place of intangible space in the system of composition characteristics. The author notes that the current realities force us to take a fresh look at the perception of the content of such a sign of the objective side of the crime as the place where the latter was committed, since its traditional understanding from the position of an object of material reality – a specific section of the earth's surface, which has its own geographical landmarks and coordinates – does not meet the modern needs of the theory and practice of applying criminal law. As a result of the research, the author concludes that the development of computer technologies, communications and the information and telecommunications network "Internet" contributed to the emergence of a new – information – space, which by its nature is intangible and actually does not exist in a three-dimensional dimension.

Keywords: legislation, crime, cybercrime, space, Corpus delicti, objective side, information space, cyberspace, criminal law, Information Security

References (transliterated)

1. Danel'yan A.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie kiberprostranstva // Obrazovanie i pravo. 2020. № 1. S. 262.
2. Dremlyuga R. I., Kripakova A. V. Prestupleniya v virtual'noi real'nosti: mif ili real'nost'? // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2019. № 3 (100). S. 162.
3. Efremova I.A., Smushkin A.B., Donchenko A.G., Matushkin P.A. Kiberprostranstvo kak novaya sreda prestupnosti // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2021. № 472. S. 249.
4. Rossiiskoe ugоловное право. Obshchaya chast': uchebnik dlya VUZov / pod. red. V.P. Konyakhina i M.L. Prokhorovoi. M.: KONTRAKT, 2014. C. 199.
5. Samovich Yu.V. O bezopasnosti kiberprostranstva: Kiberbank 202..? // Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta. 2023. №2. S. 87.
6. Cherkesov A.Yu., Sabirov I.F. Priznaki i tseli terrorizma v kiberprostranstve // Zhurnal

- prikladnykh issledovanii. 2023. №4. S. 143.
7. Statistika i analitika MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn-p1ai/reports/item/22678184/>

Optional features of the objective side in crimes against life and health under the legislation of some countries of the Romano-Germanic legal family (using the example of Germany and France)

Sogomonov Dmitrii Karenovich

Postgraduate student, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University

350000, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropol str., 149

✉ dmitri009@mail.ru

Abstract. The need for an integrated approach to the study of optional by nature signs of the objective side and their role in crimes against life and health requires turning to the experience of foreign countries. In this connection, the work examines some features of the construction of optional signs of the objective side in the above-mentioned criminal offenses in the criminal legislation of Germany and France. The conducted comparative research made it possible to see ways of improvement and vectors of development of criminal law policy, the implementation of which is carried out precisely by the correction of the criminal law. Based on the results of the work, the author indicates that legislators in Germany and France, unlike in Russia, do not attach serious importance to optional signs of the objective side when constructing crimes against life and health. At the same time, certain features in the regulation of optional signs of the objective side in crimes against life and health, which are not characteristic of domestic law, are still refined. For example, in Germany, in relation to murder in a state of passion, not only the determinants of the occurrence of a state of strong emotional excitement, but also the pre-criminal behavior of the subject of the crime are taken into account. It is also noted that the German Criminal Code regulates liability for participation in a fight; it regulates liability for abortion that occurs outside the established period of pregnancy at which it is possible. In addition, it was revealed that the French Criminal Code criminalizes hiring to commit murder if the mercenary did not plan to commit a criminal act. In conclusion, the author of the work suggests ways to improve domestic legislation taking into account the studied foreign experience.

Keywords: law, criminal, optional signs, criminal law, France, objective side, Germany, signs, health, life

References (transliterated)

1. Aitova O.F. Ugolovno-pravovye problemy vremeni prestupleniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2017. 276 s.
2. Artyushina O.V. Ubiistvo s osoboi zhestokost'yu: ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2011. 198 s.
3. Druzhkov S.N. Ugolovno-pravovye funktsii osoboi zhestokosti v sostave ubiistva: voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2002. 168 s.
4. Krotov S.E. Differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti v zavisimosti ot kategorizatsii

- prestuplenii, kvalifitsiruyushchikh priznakov i obstoatel'stv, otyagchayushchikh nakazanie: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. 176 s.
5. Luneva A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za detoubiistvo: problemy teorii i pravoprimeneniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. 197 s.
 6. Popova N.P. Otvetstvennost' za prestupleniya, sovershennye s osoboi zhestokost'yu: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. 195 s.
 7. Radzhabov R.M. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti, sovershennye s osoboi zhestokost'yu: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. 209 s.
 8. Novitskii A.A. Sravnitel'no-pravovoi analiz ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii i Frantsii // Skif. Voprosy studencheskoi nauki. 2020. № 3 (43). S. 207.
 9. Tarasov N.N. Sravnitel'noe pravovedenie: novye real'nosti i novye problemy // Baikal'skie komparativistskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 22–23 aprelya 2022 g.). Irkutsk, 2022. S. 7.
 10. Ogorodnikova N.V. Ugolovno-pravovoi zapret kak instrument preduprezhdeniya prestuplenii: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt ucheta privilegiruyushchikh priznakov ubiistva // Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2. S. 79.
 11. Aktueller Begriff. Mord und Totschlag – aktuelle Reformdebatte // Deutscher Bundestag Nr. 17/15 (20. Juli 2015). URL: <https://www.bundestag.de/>.
 12. Der Mord gemäß § 211 StGB: Wann wird aus einem Totschläger ein Mörder? URL: <https://www.anwalt.org/mord/>.
 13. Dr. Greco, Luis Ehrenmorde im deutschen Strafrecht. Zeitung für Internationale Strafrechtsdogmatik. Ausgabe 7-8/2014. URL: <https://www.zwangsheirat.de/informationen/materialien/186-fachliteratur>.
 14. Der Mord gemäß § 211 StGB: Wann wird aus einem Totschläger ein Mörder? URL: <https://www.anwalt.org/mord/>.
 15. Reshenie Nizhnego suda FRG ot 22 yanvarya 2019 g. po delu № 2019/6624 (BGH, Beschluss vom 22.01.2019 – Aktenzeichen 1 StR 585/18). URL: <https://www.rechtsportal.de/Rechtsprechung/Rechtsprechung/2019/BGH>.

Unfair competition: problems of criminalization of acts and differentiation of responsibility for their commission

Danilovskaya Anna Vladimirovna

PhD in Law

Associate professor, Higher School of Private Law, Pacific State University

680000, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, 134 Pacific Street, office 417

✉ d_a_v@list.ru

Abstract. The subject of the study is the problems of criminalization of unfair competition and differentiation of criminal liability for its implementation. In particular, the following issues are analyzed: the current state of criminalization of acts provided for in art. 128.1, 146, 147, 180, 183, 185.3 and 185.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, the signs of which correspond to a certain extent to the prohibitions of the Federal Law "On Protection of Competition"; legislative techniques in the design of their compositions; qualifying and especially qualifying signs, sanctions provided for the commission of crimes of the specified group; practices in the field of application of the listed articles of the Criminal Code of the

Russian Federation, including in countering unfair competition. The purpose of the work is to identify the problems of criminalization of acts that have signs of unfair competition, violations of legislative technique, shortcomings in the differentiation of criminal liability for their commission, and identify ways to eliminate them. The research methodology is based on general scientific and private scientific methods of cognition, dialectical, logical, formal legal, comparative legal, hermeneutic research methods, as well as methods of legal modeling and legal forecasting are used. The scientific novelty lies in the analysis of the problems of constructing the elements of crimes provided for in art. 128.1, 146, 147, 180, 183, 185.3 and 185.6 of the Criminal Code of the Russian Federation as a whole and in connection with their content with violations of the prohibitions contained in Articles 14.1-14.8 of the Federal Law "On Protection of Competition", proposals on criteria for criminalization of acts, research qualifying (especially qualifying) signs and sanctions as means of differentiating criminal liability, as well as in proposals for their improvement.

The conclusions are based on the absence in the Criminal Code of the Russian Federation of a clear mechanism for protection against unfair competition, ideas about changing legislation aimed at establishing specific grounds for criminal liability for unfair competition, unification of qualifying signs and the proposal as a sanction of penalties and their sizes uniform for the entire group of criminal forms of unfair competition, as well as the extension to crimes, provided for in Articles 180, 185.3 and 185.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, the institution of confiscation.

Keywords: differentiation of criminal liability, disclosure of trade secrets, criminal liability, intellectual property objects, means of differentiating responsibilities, unfair competition, criminalization, Corpus delicti, competition protection, discredit

References (transliterated)

1. Danilovskaya A. V. Ekonomicheskoe obosnovanie ugolovno-pravovoi politiki v sfere okhrany konkurentsii // Lex Russica. 2021. № 2. S. 93-107.
2. Danilovskaya A. V. Nedobrosovestnaya konkurentsya: sovremennoe sostoyanie kriminalizatsii // Pravo i politika. 2024. № 4. S. 1-23.
3. Sizov V. A. Aktual'nye problemy protivodeistviya prestupleniyam, svyazannym s nezakonnym ispol'zovaniem sredstv individualizatsii tovarov (rabot, uslug) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. 2017. № 1 (41). S. 40-48.
4. Kudryavtsev V. L. Prestupleniya protiv intellektual'noi sobstvennosti : nekotorye problemy ob"edineniya i sovershenstvovaniya // Prestupleniya protiv intellektual'noi sobstvennosti : materialy Mezhdunarod. nauch.-praktich. konf. (19-20 maya 2011g.). N. Novgorod : Nizhegorodskii filial NIU – Vysshei shkoly ekonomiki, 2011 [Elektronnyi resurs] // <https://www.iuaj.net/node/735> (data obrashcheniya: 28.09.2020).
5. Naumov Yu. G., Khaziev G. A. Nepravomernoe ispol'zovanie insайдерской информацией и манипулирование рынком как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 6. S. 349-355.
6. Bobkov O.V. Manipulirovanie rynkom: problemy effektivnosti ugolovno-pravovogo zapreta // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2017. № 2 (40). S. 206-211.
7. Klepitskii I.A. Novoe ekonomicheskoe ugolovnoe pravo : monografiya / I.A. Klepitskii. – Moskva: Prospekt, 2022.
8. Lopashenko N. A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: teoreticheskii i prikladnoi analiz: monografiya: [v 2 ch.] / N.A. Lopashenko. – Moskva: Yurlitinform,

2015. – Ch. 1.

9. Korobeev A. I. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2019.
10. Pavlinov A. V. Naznachenie ugolovnogo nakazaniya: problemy teorii i praktiki // v kn.: Aktual'nye problemy ugolovnogo prava: kurs lektsii / pod red. O. S. Kapinus. M.: Prospekt, 2019.

Failure to take measures to prevent and resolve conflicts of interest: labor law issues

Basalaeva Svetlana Pavlovna

PhD in Law

Associate professor, Senior Scientific Associate, Department of Labor and Environmental Law, Siberian Federal University

660075, Russia, Krasnoyarskii krai, g. Krasnoyarsk, ul. Maerchaka, 6, aud. 3-04

 s.p.b@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the failure to take measures to prevent and resolve conflicts of interest. Failure to take measures is considered as an element of the objective side of disciplinary misconduct in labor relations, the composition of which is defined in paragraph 7.1. part 1 of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation, along with such elements as "conflict of interest" and "loss of trust". The types of measures are studied, the collision of their anti-corruption and labor-law nature; the subject of taking measures; the possibility of choosing a measure by an employee and an employer; the legal consequences of non-acceptance; the head as a subject of responsibility in case of non-acceptance of measures; the obligation to notify about a conflict of interests; the content of the concepts of "prevention" and "settlement".

The object of the study is labor relations in terms of disciplinary responsibility for corruption offenses and related official legal relations. The author uses the general scientific method of dialectical cognition, as well as a number of private scientific methods: technical-legal, systemic-structural, formal-logical (deduction, induction, definition and division of concepts) and others. The article discusses the following problematic issues: 1) the ratio of measures provided for by anti-corruption legislation with labor law institutions, in particular, transfer to another job and suspension from work; 2) the possibility of abuse of the right by the employer and violation of the rights of the employee when taking measures; 3) the situation of legal deadlock when it is impossible to take measures; 4) unjustified inconsistency of legal regulation of measures in labor and official legal relations. The article draws conclusions about the illegality of dismissal only for failure to inform about a conflict of interest; about the priority of the employee's right to choose a measure to avoid abuse of the right by the employer; about the unification of legal regulation of suspension from work for the period of investigation of corruption misconduct or dismissal of the head for failure to take measures in labor and official relations; about ways out of the "legal impasse" if it is impossible to resolve a conflict of interest, in particular, a separate basis for termination of an employment contract due to circumstances beyond the control of the parties, or permission to act in a conflict of interest with little benefit.

Keywords: restriction of labor rights, abuse of labor law, dismissal for conflict, notification of a conflict, prevention and resolution, failure to take action, anti-corruption duties of an employee, prevention of corruption, a corrupt disciplinary offense, employee transfer

References (transliterated)

1. Nuzhno li poluchat' soglasie rabotnika na izmenenie dolzhnostnoi instruktsii // Trudovye spory. 2018. № 6. S. 21.
2. Channov S.E. Sluzhebnoe pravootnoshenie: ponyatie, struktura, obespechenie, 2009 // SPS «Konsul'tant Plyus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16538#h55tj9UKsCJQxSKw> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
3. Meshcheryakova T.R. Nekotorye problemy uregulirovaniya konflikta interesov na gosudarstvennoi sluzhbe // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. № 9. S. 59-63.
4. Parkhomenko E.V. Ponyatie konflikta interesov. Poryadok i sposoby uregulirovaniya v gosudarstvennykh strukturakh Rossiiskoi Federatsii i opyt zarubezhnykh stran, 2022 // SPS «Konsul'tant Plyus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=140348#zt4xj9Usj4kUjyPk> (data obrashcheniya: 12.04.2024).
5. Panteleev V.Yu. Antikorruptionnoe pravo Rossii: sistemnyi analiz. Ekaterinburg: Ural'skii filial RANKhiGS, 2022. 454 s.
6. Kak uregulirovat' konflikt interesov na gosudarstvennoi grazhdanskoi (munitsipal'noi) sluzhbe, 2023 // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/konflikt_interesov_na_gosudarstvennoj_i_municipalnoj_sluzhbe/ (data obrashcheniya: 12.04.2024)
7. Glazyrin T. S. Konflikt interesov na gosudarstvennoi sluzhbe, v deyatel'nosti organizatsii: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie: Prakticheskoe posobie / T. S. Glazyrin, T. L. Kozlov, N. M. Kolosova, A. F. Nozdrachev [i dr.]. Moskva: INFRA-M, 2023. 224 s.
8. Zaikov D.E. Problemy privlecheniya rabotnikov k distsiplinarnoi otvetstvennosti za korruptsionnye pravonarusheniya // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2019. № 4. S. 30-33.
9. Kenenova I.P. Regulirovanie konflikta interesov: tipologiya zarubezhnogo opyta // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2021. № 2. S. 62-69.
10. Eremin S.G. Mery po predotvrashcheniyu i uregulirovaniyu konflikta interesov v organakh publichnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh // Upravlencheskie nauki. 2022. № 12(3). S. 99-105.

Deprivatization: current judicial practice

Gurchenko Evgenii Viktorovich

Counsel, Head of Litigation Practice at St. Petersburg office, EPAM Law

22-24 Nevsky Ave., Saint Petersburg, Russia, 191186

 evgeny_gurchenko@epam.ru

Kevorkova Diana Ashotovna

Attorney at EPAM Law, Master's student of Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7-9

 diana_kevorkova@epam.ru

Abstract. The article considers the legal framework and trends of judicial practice in claims

for the recovery of previously privatized assets. The purpose is to identify risk factors for the deprivatization of enterprise property, as well as circumstances affecting the prospects of possible litigation.

The authors used such research methods as logical, theoretical-prognostic, formal-legal, system-structural and legal modeling methods. The methodological apparatus consists of the following dialectical techniques and methods of scientific cognition: analysis, abstraction, induction, deduction, hypothesis, analogy, synthesis, typology, classification, systematization and generalization.

The authors analyzed relevant legal cases within the context of legal regulation and doctrinal approaches to the interpretation of civil legislation. It is concluded that violation of the privatization procedure means the absence of the will of the public owner to property alienation. As a result, the public owner has the opportunity to claim property even from a bona fide purchaser.

Shares in the authorized capital of companies, and individual objects (buildings, structures, movable property) are subject to deprivatization. The basis for the claim of property in favor of the state is most often the privatization of property classified as federal property, with the approval of only regional authorities as well as the privatization of property in respect of which prohibitions and restrictions are established. It is stated that the courts reject references to the expiration of the limitation period, at the same time, judicial practice regarding the application of objective limitation periods has only begun to form. Considering the specifics of the participation of public legal entities in civil turnover, the authors conclude that it is necessary to clarify the established practice of applying law by the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: jurisprudence, offense, arbitration practice, vindication, asset repossession, reclaiming property, public interest, statute of limitations, privatization, deprivatization

References (transliterated)

1. Gadzhiev G.A. Konstitutsionnye printsipy rynochnoi ekonomiki: Razvitiye osnov grazhd. prava v resheniyakh Konstituts. suda Ros. Federatsii / G. A. Gadzhiev. – Moskva: "Yurist", 2004. – 284 s.
2. Tserkovnikov M.A. Ob iskovoi davnosti po vindikatsionnomu isku // Zakon. 2018. № 12. S. 79-86.
3. Kirillova M.Ya. Sroki v grazhdanskem prave. Iskovaya davnost' / M.Ya. Kirillova, P.V. Krasheninnikov. – 3-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Statut, 2016. – 80 s.
4. Mal'bin D.A. Istrebovanie zhilogo pomeshcheniya ot dobrosovestnogo priobretatelya // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2021. № 5. S. 124-133.
5. Rybalov A.O. O vozmozhnosti vindikatsii bezdokumentarnykh tsennykh bumag // Arbitrazhnye spory. 2005. № 1. S. 47-58.
6. Guseva A.A. Problemy opredeleniya voli yuridicheskikh lits v svyazi s ikh abstraktnoi sushchnost'yu (na primere vindikatsionnykh sporov) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2023. № 5. S. 64-72.
7. Gadzhiev G.A. Zolotye pravila primeneniya norm grazhdanskogo prava (pravila o pravilakh) // Vestnik ekonomiceskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2020. № 12. S. 44-75.
8. Bushev A.Yu. Printsip dobrosovestnosti v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: k yubileyu Gadisa Abdullaevicha Gadzhieva // Zakon. 2023. № 9. S. 156-169.

9. Luchin V.O., Mazurov A.V. Tolkovanie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (obzor praktiki Konstitutsionnogo Suda) // Pravo i vlast'. 2001. № 1. S. 90-103.
10. Surkova S.V. Rasshiritel'noe tolkovanie norm prava // SPS «Konsul'tantPlyus». 2022.
11. Miloserdov N.A. Deprivatizatsiya strategicheskikh predpriyatiy-prioritetnoe napravlenie prokurorskoi deyatel'nosti // Yurist. 2023. № 10. S. 44-50.
12. Belova M.T. «Davnyaya» Step', ili Tri uroka iz dela o privlechenii k subsidiarnoi otvetstvennosti banka HSBC. Kommentarii k Opredeleniyu Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 06.08.2018 № 308-ES17-6757(2,3) // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. 2019. № 5. S. 4-17.
13. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateinyi kommentarii k stat'yam 153-208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (Kommentarii k grazhdanskому zakonodatel'stvu #Glossa.): elektronnoe izdanie: redaktsiya 1.0 / V.V. Baibak, R.S. Bevzenko, S.L. Budylin [i dr.]; otv. red. A.G. Karapetov. – Moskva: M-Logos, 2018. – 1264 s.
14. Shushnyaev D.A. Nekotorye problemnye voprosy, возникавшие при реализации органами прокуратуры полномочий по защите в судебном порядке прав и законных интересов Российской Федерации и муниципальных образований в сфере земельных правоотношений // Rossiiskaya yustitsiya. 2019. № 10. S. 49-52.
15. Vitryanskii V.V. Novelly o sdelkakh i resheniyakh sobranii // Khozyaistvo i pravo. 2016. № 1. S. 3-48.
16. Naryshkin S. E. Formirovanie institutsional'nykh predposylok aktivizatsii investitsionnogo protsessa v Rossii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2007. № 1. S. 55-67.

On the legal possibility of making a diagnosis during remote counseling

Kovalenko Mariya Andreevna

Junior Researcher at the Research Laboratory «Legal Regulation in the context of digitalization», Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Volgograd State University

400002, Russia, Volgograd region, Volgograd, Universitetskiy Prospekt, 100

 veruver@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the legal norms governing the conduct of remote medical consultation and the preparation of a medical report. The author examines the conditions for issuing a medical opinion during remote consultations in the formats "doctor-doctor" and "doctor-patient". The author also considers the issues of reflection in the medical report of the diagnosis based on the results of medical care in the form of remote consultation. Attention is focused on the discussion in the scientific community about the possibility of diagnosis using telemedicine technologies. The purpose is to study the problems of regulating the possibility of determining the diagnosis, the content of the medical report when organizing and conducting a remote consultation. The methodological basis includes a set of philosophical knowledge about the cognition of reality. These include general scientific research methods (analysis, synthesis, deduction, induction, abstraction, etc.), as well as private scientific methods. In the course of this study, special legal methods are also used, which is due to its specifics. The results of the work are expressed in the definition of conflicts and gaps in the legal regulation of diagnosis and its consolidation in the medical report. The scope of application of the results is law-making activities in the field of telemedicine. The novelty is expressed in the consideration of the above-mentioned problems, taking into

account the legal norms of the current legislation. It is necessary to reconsider the prohibition on making a diagnosis within the framework of a remote doctor-patient consultation in the absence of a preliminary face-to-face visit to a medical organization for the same treatment. To do this, guarantees of the accuracy of such a diagnosis should be provided. This can be achieved by creating a standard of medical care using telemedicine technologies.

Keywords: telemedicine technologies, face-to-face reception, general regulation, digital technologies, doctor, regulatory sandbox, remote consultation, patient, medical report, telemedicine

References (transliterated)

1. Vladzimirskii A.V. Opyt ispol'zovaniya telekonsul'tirovaniya v klinicheskoi praktike // Vrach i informatsionnye tekhnologii. 2004. № 3. S. 55.
2. Kadyrov F.N., Kurakova N.G., Chililov A.M. Pravovye problemy primeneniya telemeditsinskikh tekhnologii v usloviyakh bor'by s rasprostraneniem koronavirusa COVID-19 // Vrach i informatsionnye tekhnologii. 2020. № 2. S. 45–51.
3. Mishlanov V.Yu., Katkova A.V., Bekker K.N., Koshurnikova E.P., Budakov I.V. Konsul'tirovanie v udalennom dostupe s predvaritel'nym primenением avtomatizirovannoi sistemy «Elektronnaya poliklinika» i bez nego // Sciences of Europe. 2020. № 47–2 (47). S. 46–50.
4. Morozov S.P., Vladzimirskii A.V., Simenyura S.S. Kachestvo pervichnykh telemeditsinskikh konsul'tatsii «patsient-vrach» (po rezul'tatam testirovaniya telemeditsinskikh servisov) // Vrach i informatsionnye tekhnologii. 2020. № 1. S. 52–62.
5. Chekhonadskii I.I., Skripov V.S., Semenova N.V., Shvedova A.A., Malyshko L.V. Vozmozhnosti telemeditsinskikh konsul'tatsii patsientov, stradayushchikh psichicheskimi rasstroistvami // Profilakticheskaya meditsina. T. 24. № 9. 2021. S. 74–78.
6. Shaderkin I.A. Mozhno li postavit' diagnoz distantsionno // Zhurnal telemeditsiny i elektronnogo zdravookhraneniya. 2022. № 1. S. 69–79.
7. Qadir M. A., Hasnain A. Elektronnoe zdravookhranenie: instrument dlya issledovaniya rasprostrannosti kozhnykh zabolеваний // Zhurnal telemeditsiny i elektronnogo zdravookhraneniya. 2015. № 1. S. 50.

A comprehensive study of the main theoretical and practical aspects of the qualification of crimes in the field of economic activity by evaluation criteria

Bikkulov Artem Eduardovich

Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Surgut State University

628400, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Autonomous Okrug, Surgut, Lenin Ave., 1

 bikkulovartyom@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the theoretical, legal and practical aspects of the analysis and consideration of evaluation features in the qualification of economic crimes. The author, focusing on the key provisions of the theory of criminal law devoted to the interpretation of evaluative features of the corpus delicti, formulates their definition itself,

classifying species diversity in relation to the norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Special attention is paid to the elements of blankness, descriptive and evaluative dispositions of articles providing for criminal liability in the economic sphere of management. The importance of certain conceptual normative legal documents of regulatory branches of law, namely: banking, tax, currency and others for the process of correct qualification of certain types of criminal encroachments is emphasized.

Exploring normative acts and scientific works in the context of the stated problems, the author uses as the main method of system analysis, as well as universal dialectical, logical, formal-legal, hermeneutic methods in their entirety that allowed a thorough analysis of the technical and legal basis for the construction of certain types of evaluation features within the framework of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, subdividing them quantitative (size), qualitative (not measurable in value) and cumulative; substantiate the theoretical and practical conclusions presented in the work, taking into account the latest legislative developments and the practical needs of the law enforcement officer.

The work contains the author's approaches to such problems as the concept of qualification of crimes, evaluative features of the corpus delicti, the ways of their clarification and species diversity in the field of qualification of crimes of an economic orientation within the framework of the interaction of the doctrine of criminal law and law enforcement activities are formulated. The proposed innovations of the "basic legal structures" form in their entirety the novelty of the work.

In addition, the author proposes the adoption of a separate resolution of the Supreme Court of the Russian Federation containing the basic principles for the use of the category of "evaluation features" within the framework of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation for their orderly interpretation and uniform application.

Keywords: amount of criminal activity, qualification, blanket character, evaluative signs of delicti, corpus delicti, Criminal Code of the Russian Federation, economic activity, economic crimes, amount, cost

References (transliterated)

1. Konstitutsiya RF 12 dekabrya 1993 goda (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30 dekabrya 2008 № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 № 7-FKZ, ot 05 fevralya 2014 № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 № 11-FKZ, s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya 08.06.2023).
2. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 28.04.2023) // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya 08.06.2023).
3. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo suda RF № 2 (2022), (utverzhden Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 12 oktyabrya 2022 g.) // [Elektronnyi resurs]. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/31604> (data obrashcheniya: 09.06.2023).
4. Prigovor Anapskogo gorodskogo suda (Krasnodarskii krai) № 1-182/2020 ot 21 maya 2020 g. po delu № 1-182/2020 // [Elektronnyi resurs]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/> (data obrashcheniya: 09.06.2023).
5. Arutyunyan Kh.A. Vidy oshibok pri kvalifikatsii prestuplenii v sfere ekonomiceskoi deyatel'nosti // Sovremennaya nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza, 2023. S. 65-70.
6. Botvina N.V. Problemy kvalifikatsii prestuplenii v sfere ekonomiceskoi deyatel'nosti //

- Evraziiskii Soyuz Uchenykh. Seriya: ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. № 4 (97). S. 3-7.
7. Garifullina R.F. Voprosy kvalifikatsii nekotorykh prestuplenii v sfere ekonomiceskoi deyatel'nosti // Zakon i pravo. 2022. № 10. S. 151-152.
 8. Lisitskaya A.D. Klassifikatsiya priznakov sostava prestupleniya // Molodoi uchenyi. 2023. № 15 (462). S. 213-216.
 9. Makarova T.V. Osobennosti kvalifikatsii prestuplenii v sfere ekonomiceskoi deyatel'nosti // Yunost'. Nauka. Kul'tura. Materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Saransk, 2022. S. 347-352.
 10. Osipov I.V. Ugolovno-pravovaya kharakteristika razmera prestupnoi deyatel'nosti kak priznaka sostavov prestuplenii v sfere ekonomiceskoi deyatel'nosti // Altaiskii yuridicheskii vestnik. 2021. № 1 (33). S. 78-84.
 11. Osipov I.V., Truntsevskii Yu.V. Kvalifikatsiya ekonomiceskikh prestuplenii po otsenochnym priznakam. Moskva, 2022. 239 s.
 12. Turik E.D., Khairullina R.G. Nekotorye voprosy kvalifikatsii i rassledovaniya ekonomiceskikh prestuplenii // Kontseptsii, teoriya i metodika fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovanii. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa, 2023. S. 47-49.
 13. Ustimenko A.O. Kvalifikatsii prestuplenii v sfere ekonomiceskoi deyatel'nosti // Zanami budushchee: vzglyad molodykh uchenykh na innovatsionnoe razvitiye obshchestva. Sbornik nauchnykh statei 3-i Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii. Kursk, 2022. S. 159-161.
 14. Cheretaeva E.A., Yastrebova L.O. Osobennosti kvalifikatsii nekotorykh prestuplenii v sfere ekonomiki i ekonomiceskoi deyatel'nosti // Gumanitarnyi nauchnyi vestnik. 2022. № 4. S. 212-217.
 15. Shvalya E.A. Problema vliyaniya norm raznoi otrazhennykh priznakov na kvalifikatsiyu ekonomiceskikh prestuplenii // Protivodeistvie sovremennoi ekonomiceskoi prestupnosti: problemy teorii i praktiki. Sbornik nauchnykh statei po materialam VI-i natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii magistrantov. Rostovskii institut zashchity predprinimateliya. Rostov-na-Donu, 2022. S. 20-26.
 16. Shchetinina N.V. Otsenochnye priznaki sostava prestupleniya: nekotorye voprosy zakonodatel'noi reglamentatsii i tolkovaniya // Aktual'nye problemy primeneniya ugolovnogo zakonodatel'stva. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Rostov-na-Donu, 2022. S. 160-163.

Legal regulation of information processes within the framework of preventive SMART monitoring

Ostroushko Aleksandr Vladimirovich □

PhD in Law

Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

38 Shcherbakovskaya Lane, office 805, Moscow, 109542, Russia

✉️ ostroushko@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the legal problems that arise during implementation of preventive SMART monitoring in the financial and budgetary sphere, identify conflicts and develop recommendations on the correct application of legal norms during

preventive smart control. We will not consider the general requirements for state information systems and procedures for collecting and processing information established by financial legislation, legislation of the Russian Federation on information, information technology and information protection, legislation on security, legislation of the Russian Federation on state and other legally protected secrets. The study will focus on aspects of regulating the procedures for collecting and processing information used directly during the preventive SMART control. The subject of the study is both the current legal norms and legislative initiatives on amendments to the Budget Code of the Russian Federation, as well as the information procedures themselves that exist during SMART monitoring. To conduct the research, a methodology was used, including an analytical review of the regulatory legal framework, draft regulatory legal acts and scientific literature on the subject of research, generalization and systematization of data, and the formation of proposals to resolve the identified problems. The main conclusions of the conducted research are: basic information relations within the framework of the implementation of preventive SMART control procedures in the financial and budgetary sphere are currently regulated by legislation and do not need further improvement; legislative work is required to improve the legal mechanism governing information processes using artificial intelligence, big data processing, and the introduction of intelligent agents; all innovations are proposed to be implemented only after a comprehensive assessment of their regulatory impact; additional regulatory consolidation is required by the mechanism of openness of all elements and procedures related to preventive SMART monitoring.

Keywords: improvement of legislation, legality, big data, artificial intelligence, financial supervision, legal regulation, e-budget, information processes, SMART monitoring, digital platforms

References (transliterated)

1. Minfin vvodit tri novykh metoda predvaritel'nogo kontrolya URL : <https://www.budgetnik.ru/news/115875-minfin-vvodit-tri-novyh-metoda-predvaritelnogo-kontrolya?ysclid=lu8hlozta529042677>
2. McPhail, L. and Joseph, M. Machine learning implications for banking regulation. Routledge Handbook of FinTech, 2019.
3. Tsifrovaya sushchnost' finansovogo prava: proshloe, nastoyashchee, budushchee: monografiya / N.E. Abramova, S.Ya. Bozhenok, O.V. Veremeeva i dr.; pod red. I.I. Kucherova, N.A. Povetkinoi. M.: IZiSP, Yurisprudentsiya, 2022. 272 s.
4. Perekhod na elektronnyi SMART-kontrol'. Vse chto neobkhodimo znat' // Klerk. Byudzhetyni uchet. 2023. 4 iyulya.
5. Elektronnyi SMART-kontrol': chto eto takoe i kak on izmenit zhizn' uchrezhdenii i revizorov URL: <https://www.garant.ru/news/1624807/> (data dostupa 10.04.2024 g.)
6. Minfin Rossii sozdast edinuyu elektronnyu sistemу formirovaniya dannykh gosfinansov. URL : <https://minfin.cap.ru/press-centr/2021/08/03/minfin-rossii-sozdast-edinuyu-elektronnyu-sistemу> (data dostupa 10.04.2024 g.)
7. Popov, O.V., Prokopenko, A.N. Osobennosti pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya biometricheskikh personal'nykh dannykh v sisteme gosudarstvennogo upravleniya na sovremennom etape tsifrovoi transformatsii obshchestva // Administrativnoe pravo i protsess. 2023. N 2. S. 22–24.
8. Shekhovtseva, E.V. K voprosu o edinom portale byudzhetnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2017. №2 (48). S. 152–160.
9. Naumov, V., Avakyan, E., Chuburkov, A., Yankovskii, R., Belova, S., Tevs, M.,

- Makhnonosov, E., Rybalko, V. Tsifrovaya sreda doveriya // Zakon. 2019. N 9. S. 25–38.
10. Khramtsovskaya, N. Ekspert rasskazal o doverii v obespechenii sokhrannosti i dostupnosti elektronnykh dokumentov. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5bbe56a660011700aa85b9b1/ekspert-rasskazal-o-doverii-v-obespechenii-sokhrannosti-i-dostupnosti-elektronnykh-dokumentov-5bbbed27cd88f8300aa77d121> (data dostupa 10.04.2024 g.)
 11. Minbaleev, A.V., Petrovskaya, O.V. Problemy realizatsii printsipa dostovernosti informatsii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2022. N 4. S. 20–28.
 12. Gal'cheva A. Kaznacheistvo priznalo oshibki v dannykh o raskhodakh na natsproekty URL : <https://www.rbc.ru/economics/02/12/2019/5de4e3119a7947f04f7c160c>(data dostupa 10.04.2024 g.)
 13. Kak tsifrovaya transformatsiya prokhodit v bukhgalterii i finansakh gossektora // Uchet v uchrezhdennii. 2024. № 2.
 14. Bulgakova, E.V. Metody analiza i printsipy sistematizatsii dannykh, ispol'zuemykh pri podgotovke i prinyatii yuridicheskikh reshenii // Informatsionnoe pravo. 2016. N 4. S. 29 33.
 15. Bychkov, S. Pri SMART-kontrole uchrezhdeniya ne budut znat' o proverke // Uchet v uchrezhdennii. 2023. № 7.
 16. Probely v prave v usloviyakh tsifrovizatsii: sbornik nauchnykh trudov / D.R. Alimova, S.A. Afanas'eva, L.T. Bakulina i dr.; pod obshch. red. D.A. Pashentseva, M.V. Zaloilo. M.: Infotropik Media, 2022. 472 s.
 17. Arakelyan, K.E., Arakelyan, G.K. O merakh pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta v organizatsiyakh oborонno-promyshlennogo kompleksa // Oborонno-promyshlennyi kompleks: upravlenie, ekonomika i finansy, pravo. 2023. N 2. S. 122–128.
 18. Karpychev, V.Yu. Pravovoe regulirovanie bol'shikh dannykh: pust' budet // Yurist. 2022. N 4. S. 68–73.
 19. Bur'yak, A.V. Analiticheskaya razvedka. URL: <http://analytical.narod.ru/Index.htm> (data dostupa 10.04.2024 g.)
 20. Ardestiry, H., Kamali, E., Rostami, A., Safari Gerayli, M. Designing a model of smart financial monitoring in public sector accounting: Using the interpretive structural modeling // Int. J. Nonlinear Anal. Appl. In Press. 2023. Pp. 1–1.

On the individual properties of the accessory nature of the arbitration clause

Trukhan Roman Petrovich

Postgraduate student, Belgorod State National Research University

629850, Russia, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Tarko-Sale, Osennaya 11, sq. 27

 trukhan.roman@yandex.ru

Abstract. The regulation of the application of an arbitration clause as a type of arbitration agreement is based on the dual nature of this legal category, which determines the specifics of the relationship between material and procedural legal relations when the latter arises within the parameters established by the arbitration clause. In such cases, a significant simplification of legal regulation is not excluded, when it is possible to recognize signs of

accessory in such relationships.

According to the results of the study, the author proves that the interrelationships of material and procedural legal relations arising from the application of the arbitration clause have accessory characteristics according to eight criteria usually highlighted in the literature. It is proposed not only to establish such an approach to defining the features of accessory in this particular case in the doctrine, but also to improve the current legislation and practice of its application. In the work, the practical consequences of the author's conclusions are shown by the example of simplifying the procedure for verifying the possibility of applying for enforcement of decisions on interim measures taken by a court of another jurisdiction (international arbitration court) under an agreement containing an appropriate arbitration clause, "recognized" by national jurisdiction, where enforcement of a decision on interim measures is assumed. The work is based on the application of a whole range of general and private scientific research methods and techniques, the main of which were the method of system analysis and the method of formal logic in the form of deduction and induction. Accessory relationships remain a little-studied legal phenomenon, both in the theory of law and in branches of legal science. The most in-depth and consistent studies of this issue are present in substantive law, where they relate mainly to the problems of establishing the presence or absence of an accessory relationship between contractual obligations and ways to ensure the fulfillment of obligations. In procedural law, accessory as an independent legal category is not studied, although certain institutions of procedural law, for example, interim measures in civil proceedings, clearly have separate signs of accessory in their regulation. It seems that the establishment of the properties of accessory in the relationship between substantive and procedural legal relations, when the parameters of the latter are determined by an arbitration clause, will have important theoretical and practical significance.

Keywords: arbitration clause, court, material legal relations, arbitration, basic and additional, interim measures, arbitration agreement, accessory connections, accessory, procedural legal relations

References (transliterated)

1. Bryussel'skaya konvensiya po voprosam yurisdiktsii i prinuditel'nogo ispolneniya sudebnykh reshenii v otnoshenii grazhdanskikh i kommercheskikh sporov (27 sentyabrya 1968 g.) // SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Konvensiya o yurisdiktsii i privelenii v ispolnenie sudebnykh reshenii po grazhdanskim i kommercheskim delam (Lugano, 16 sentyabrya 1988 g.) // SPS «Konsul'tant Plyus».
3. Aleksandrov G.A. Vozmozhnosti primeneniya ad'yudikatsii kak pravovogo instrumenta razresheniya sporov // Yuridicheskaya nauka. 2024. № 1. S. 240-245.
4. Andreev D.A. Vzaimodeistvie treteiskikh i gosudarstvennykh sudov po voprosam obespechitel'nykh mer // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2020. № 1. S. 44-48.
5. Bogdanova N.A. Regulirovanie soglashenii o mezhdunarodnoi podsudnosti v sootvetstvii s novym Reglamentom ES o yurisdiktsii, priznanii i ispolnenii sudebnykh reshenii po grazhdanskim i kommercheskim delam // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2015. № 8. S. 47-52.
6. Grazhdanskoе ispolnitel'noe pravo. Uchebnik. Pod red. A.A. Vlasova. M., 2004. – 410 s.
7. Dmitrieva G.K. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Uchebnik. M.: Prospekt. 2020. – 380 s.
8. Kazachenok S.Yu. Arbitrazhnye ogovorki na strazhe realizatsii printsipa gibkogo

- razresheniya vneshneekonomiceskogo spora // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (18). S. 72-75.
9. Konstantinova E.L. "Patologicheskie" arbitrazhnye ogovorki // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom". 2013. № 4. S. 67-70.
 10. Maksurov A.A. Aktual'nye problemy sudebnogo prava. M.: INFRA-M. 2024. – 422 s.
 11. Maksurov A.A. Dokazatel'stva v grazhdanskem protsesse. Uchebnoe posobie. M.: Rusains. 2022. – 160 s.
 12. Maksurov A.A. K voprosu o mediatsii v prave // Sovetnik yurista. 2012. № 7-8. S. 47-50.
 13. Pogodina I.V., Ryshkovskaya Ya.I. Al'ternativnye arbitrazhnye ogovorki: aspekty pravoprimeneniya // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2016. № 6. S. 60-63.
 14. Selivanova V. Obespechitel'nye mery v transgranichnykh sporakh: kak vzyskatelyu dobit'sya ispolneniya sudebnogo akta // Mezhdunarodnye bankovskie operatsii 2019. № 4. S. 75-80.
 15. Slipachuk T.A., Perepelinskaya E.V. Realizatsiya arbitrazhnoi "al'ternativy": al'ternativnye arbitrazhnye ogovorki: "za" i "protiv" // Mezhdunarodnyi arbitrazh. 2007. № 26 (496). S. 34-39.
 16. Fetyukhin M.V. Primenenie obespechitel'nykh mer po delam, peredannых storonami na rassmotrenie treteiskogo suda // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2007. № 4. S. 71-73.
 17. Mosimann O.L. Anti-suit Injunctions in international commercial litigation. Eleven International Publishing, Notherlands, 2010. P. 10-23.